

Наталья Матвеева

АКВАМАРИН

(часть 2):

по моим правилам

Наталия Александровна Матвеева

Аквамарин: по моим правилам. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18291719

Аннотация

Она была счастлива: семья, любимый муж, работа – все ее сокровенные мечты сбылись... Но появляется он. Человек, знающий обо всех ее тайнах, гонимый одной лишь жаждой мести и желанием планомерно уничтожить все, что Оливия с таким трудом пыталась сохранить. Шаг за шагом, он отбирает у нее самое ценное, втягивая в свою хитроумную игру. Удастся ли ей победить на этот раз, когда ее саму разрывают на куски призраки прошлого, когда ее мучитель имеет на своих руках все главные карты?..

Наталья Матвеева

АКВАМАРИН (часть 2): по моим правилам Роман

Natamatveeva89@mail.ru

Аквамарин (часть 2): по моим правилам

Пусть горы сомкнутся в объятьях,
забрав кислород из легких моих:

Я буду жить.

Солнце раскрасят узоры морозные,
тепло падшим воином бесследно исчезнет:

Я буду жить.

Ядом сомнений отравлены вены,
жадно глотая сущность мою:

Я буду жить.

Болью душа распадется на капли,
звуки сокрыты от чувств:

Я не погибну.

Ветром отчаяния, и безнадежности
жгучим дыханьем распята я:

Я не умру.

Крохотной каплей надежды на счастье,
любовью единой:

Дыханье цветет.

Маленькой звездочкой в злой бесконечности
вспыхнет мечта:

Я буду жить.

Силой моей станет зов к всепрощенью,

И я цела.

Глава 1

Оливия затормозила около неприметного, серого, трехэтажного здания на углу Флетбуш-авеню и Стивенс-корт и, нахмурившись, глянула на темно-синие, потрепанные ветрами и дождями буквы, складывающиеся в слова: «Бильярдная Уорта». Судя по характеристике, которую ее милый папуля яростно декламировал ей в трубку, позвонив ни раньше, ни позже, а точно в половину третьего ночи, это и было то место, где «засранец Уорт торгует своей чертовой марихуаной и играет в покер с такими же, как и он, засранцами и подлюгами», но почему-то, по какой-то, одному его «дружку-дьяволу известной причине», он решил насолить папочке Лив, самому известному и могущественному боссу Нью-Йоркской мафии Эйдену Мартинесу и «как последняя собака, зажать от него положенные сто пятьдесят штук в месяц», мотивируя это тем, что «торговля его вонючими наркотиками в этом месяце шла не так бойко»... «В общем, дочь, завтра же разберись с этим тараканом, я ему это так не оставлю!» – громыхнул рассерженный, как туча пчел, Эйден уже

практически засыпающей лицом в подушку и давно уже потерявшей нить его гневного повествования Лив, отчего она подпрыгнула в кровати, моментально очнувшись и случайно пихнув раскинувшегося в расслабленной позе и сладко спящего Джонни, тут же получив от него совет «договорить с отцом в каком-нибудь другом укромном месте, желательно на обратной стороне Луны или еще где-нибудь, только подальше от их спальни», потому что «тут кое-кто пахал весь день» и, видите ли, «отдыхает»...

Лив задумчиво, но совершенно безэмоционально изучила вывеску и черную парадную дверь, почесав колено, которое, равно, как и другое, принадлежавшее девушке, колено было обтянуто стильными брючками из нежно-бежевой ткани, отлично сидящими на ее стройных ножках так же, как и белоснежная свободная блузка без рукавов с симпатичной, по мнению окружающих, золотой застёжкой на шее, украшенной россыпью изумрудов. Лив недовольно покосилась на свой наряд, который она считала жутко неудобным и, конечно, не в ее стиле и вкусе, но отец настоял на том, чтобы ее утренняя встреча с управляющим казино «Золотой Фазан» проходила в официальной обстановке, а не напоминала сомнительное свидание серьезного бизнесмена с девочкой-подростком, ученицей старших классов, которую, к тому же, пять раз оставляли на второй год.

Лив пришлось подчиниться, нехотя подозревая себя в том, что папуля каким-то непостижимым образом научился

достаточно сильно влиять на нее, что ей, конечно, не совсем приходилось по душе.

За прошедшие два года, что она стала работать вместе с ним, девушка научилась избирательно выполнять его просьбы, правда, отец никогда не знал, получит ли он в результате то, чего хочет: Лив продолжала плыть на своей собственной, оригинальной волне, не желая беспрекословно подчиняться и следовать четким инструкциям.

Просьба Эйдена надавить на хозяина подконтрольного ему заведения не стала для девушки чем-то неожиданным или новым, что могло вызвать в ней чувства взволнованности или раздражающей неуверенности. За пролетевшие пару лет, она выполнила не одну сотню подобных указаний отца, во многих случаях, не оставив у своих жертв какого бы то ни было желания встретиться с ней снова.

Лив откинула длинную белокурую прядку, непослушно закрывшую добрую половину ее удивительного, нежного лица, и посмотрела в зеркало заднего вида на второй черный «Кадиллак Эскалэйд», следовавший за ней по пятам, как назойливый комар.

В этот момент яркий солнечный зайчик, отразившись в зеркале ее «Кадиллака», так резко ослепил ее, что девушка зажмурилась, ощутив, как быстро стартанул внутри нее поезд раздражения, подталкивая наверх, к горлу, все ее внутренности. Разлепив глаза, один из которых теперь видел перед собой только большое, черно-красное пятно, Лив гневно

уоставилась вновь на сопровождавший ее автомобиль, как раз в тот момент, чтобы заметить, как один из ее телохранителей, Мартин Кларк, с беспечной и довольно наивной улыбкой убирает зеркальце в бардачок, а второй – Эдди Уокер, что-то серьезно и раздраженно ему выговаривает, виновато поглядывая на машину Лив.

Лив опустила боковое стекло и раздраженно показала в зеркало заднего вида маленький, но ощутимо весомый и грозный кулак, гневно прошипев: «Носорог debilный», после чего она легко выпрыгнула из машины и, звонко стуча высоченными шпильками белых, лакированных туфель, двинулась в сторону «Бильярдной Уорта», махнув незамедлительно выскочившим следом за ней охранникам, которых она ласково называла «суповым набором»:

– За мной.

Надо сказать, «суповой набор» получил свое прозвище не только из-за бурной, легко развивающейся в «ругательном» направлении фантазии сумасбродки Оливии, и даже не потому, что они оба напоминали смесь сырого мяса, перебитых хрящей и раздробленных костей, что не было, конечно же, правдой. С тех пор, как девушка стала работать вместе с отцом, успешно перевалив на свои хрупкие, но отнюдь не слабые, плечи некоторое количество его дел, «приставучий папаша», ставший, по мнению Лив, маниакально-депрессивным, склонным к паническим настроениям, испуганным «осиновым листом» в отношении единственной, оставшей-

ся живых дочери, сумел навязать сопротивляющейся всеми частями тела Лив свою опытную и «мудреную в различных таких делах» охрану. С тяжелым вздохом, устав от недовольных бурчаний Эйдена, Лив пришлось согласиться, но она вдруг заявила, что сама выберет себе подходящую парочку качков-преследователей.

После такого заявления Эйден устроил для дочери целый «модельный показ» тех, кто, по его авторитетному мнению, смог бы справиться с архиважной задачей по защите беззащитной малышки Оливии. «Модельный показ» изрядно повеселил девушку, она хохотала, уткнув лицо в плечо Джонни, и просила пройти перед ней от бедра «еще разок! Пожалуйста!» Джонни и отец лишь переглянулись хмурыми, обреченными взглядами, в которых явно пробивала броню серьезности веселая усмешка, но пожелание Лив приказали выполнить.

В результате, перед девушкой, один за другим, дефилировали не длинноногие, в различных модных мужских нарядах, утонченные и стройные юноши-нарциссы, а не менее длинноногие, но довольно тяжеловесные громилы-качки в одинаковых, на первый взгляд, черных костюмах, с большими, нередко лысыми или полу-лысыми головами, лицами, украшенными шрамами и другими следами «былых заслуг», и отнюдь не отличающиеся небрежным изяществом в одежде. В тот момент, когда Лив привередливо и обреченно разглядывала вереницу белых, хорошо откормленных стерои-

дами, лебедей раздраженным и уставшим взглядом больших бирюзовых глаз, она и увидела их.

В результате, в ее жизни появился высокий, худоватый, но крепкий и устрашающе широкоплечий Марти Кларк, который, помимо своей странной и наивной улыбки веселого простачка, являлся еще и счастливым обладателем ярко-зеленых коротких волос, стоящих по всей его голове в виде модных (правда, не для сорока двух-летнего взрослого мужчины) сосулук, сооруженных с помощью геля для волос и, наверное, чего-нибудь еще, потому что после нанесения этой адской смеси его волосами можно было спокойно рыхлить землю. Этот самый Марти стал настоящей «веселой проблемой» для Лив, потому что в отличие от остальных, угрюмо-серьезно-хмурых людей Мартинеса, включая и его двоюродного брата Эдди Уокера, не только не боялся Лив и ее угроз, но и умудрялся доставать ее своими шуточками и приколами, наивно полагая, что она не только не рассердится и не прикажет тому же Эдди пустить пулю в его расслабленный мозг, но и наоборот, будет счастлива от его бесконечных попыток поднять ей настроение.

А вот Эдди Уокер был полной противоположностью своему брату во всем. Тоже высокий, но довольно коренастый и крепкий, сорокалетний Эд выделялся в толпе ежиком ярко-красных, как бешеное пламя, волос, карими глазами и суровым видом, пугающим своей излишней суровостью прохожих на улице. Однако, в глубине души он являл собой во-

площение доброты, рассудительности и справедливости, отличался умением применять здравый смысл в сложных ситуациях и мог в любую секунду остановить своего импульсивного, зеленоволосого родственничка, который, с легкой улыбкой, не дрогнув ни одним мускулом, готов был спокойно поубивать всех вокруг, представляющих потенциальную угрозу для их подопечной.

Когда Лив разглядела в черно-серой, хмурой толпе этих двоих, то радостно захохотала и сообщила, что только их она всю жизнь и искала, поэтому именно они поступят в ее единоличное пользование и никто другой. Надо отдать девушке должное: в отличие от устоявшихся обычаев больших боссов относиться к своим охранникам, как к коровам, послушно бредущим за своим пастухом, Лив окружила их аурой благосклонного и даже дружеского отношения. Конечно, она не делилась со своей новоиспеченной свитой планами на будущее, равно, как и на текущий день, но общалась с мужчинами не как с бесплатным приложением, о которое можно вытереть милую пару обуви, а наоборот, как с дальними (правда, чуть более дальними, чем это обычно бывает) родственниками. По крайней мере, она обедала вместе с ними и проявляла уважение... в своей манере.

Подходя к черной, замызганной отпечатками рук и обуви, невзрачной двери, Лив вдруг резко обернулась, пристально посмотрев на Марти и ткнув пальцем в его грудь:

– И кстати, огурец, если я вдруг случайно ошибусь и вме-

сто колена этого самого... – Лив быстро и недовольно покосилась на вывеску заведения, припоминая имя владельца. – ...Уорта прострелю твое, то, прошу, не обижайся, это все дурацкое черное, пляшущее твист, пятно перед моим левым глазом от того самого невинного солнечного зайчика! – уже более гневно закончила она и, толкнув дверь, первой вошла внутрь, не удосужившись подождать, когда Марти начнет оправдываться или отшучиваться перед ней.

Проходя по серому коридору, впереди которого, в дверном проеме, виднелся зал с бильярдными столами, Лив услышала позади себя:

– Мисс Оливия, кажется, не в духе! – весело, но тихо (однако, с явным расчетом на то, что она его услышит) сказал Марти, чем-то позвякивая.

– Это ты будешь не в духе, Марти, когда она из тебя этот самый дух вышибет. – серьезно предупредил Эдди, и Лив незаметно усмехнулась: как же плохо все-таки они ее знают! В действительности, эта парочка ужасно импонировала ей, поэтому все ее угрозы были не более, чем плодом ее фантазии, который никогда не будет реализован на практике... Но разубедить наивных разноцветноволосых дядек она не собиралась.

В помещении оказалось около десятка игровых столов, половина из которых были заняты теми, кто предпочитал поиграть в бильярд в половину двенадцатого утра вместо посещения интересного и очень увлекательного места под назва-

нием «работа».

Около одного из столов терлась группа не очень презентабельных, похожих на тех, кто не прочь иногда побаловаться легкими наркотиками, мужчин, состоящая из пяти человек довольно помятого вида. Лив решительной походкой направилась к ним, улыбнувшись сияющей, счастливой улыбкой победительницы телевизионного шоу «Форт Боярт».

– Доброе утро, джентльмены! Кто из вас господин Уорт? – вежливо, но с плохо скрываемой угрозой в голосе, проговорила Лив.

Голоса смолкли по всему залу, и на секунду воцарилась тишина. Сложив руки на груди, Лив смотрела на пять пар настороженных, немигающих глаз, внимательно оглядывающих ее деловой наряд сверху вниз... Как вдруг, наконец, губы одного из мужчин, одетого в серый, немного испачканный на коленях, спортивный костюм, медленно проговорили:

– Это она. Прости, чувак, я сваливаю.

В следующую секунду Лив снова была буквально ослеплена, только уже сверканием пяток четверых трусливых дружков Уорта, бросив своего компаньона на растерзание еще контролирующей себя, но уже потихоньку начинающей звереть миниатюрной блондинки.

Оставшийся мужчина, который по праву мог называть себя Уортом, одетый в черный джемпер с горлом и серые, помятые брюки, медленно стал отступать к стене, нервно взъерошив свои темные волосы рукой и вытаращив на Лив

черные, вылезавшие из орбит, глаза. В сочетании с высокими, угловатыми скулами его лицо напомнило девушке картинку одной странной рыбы – обитателя морских глубин и темных впадин, которую буквально плющило давлением, кое ей, в силу своих природных особенностей и превратностей судьбы, приходилось героически переносить своим тщедушным телом.

– К-кто вы??? Что... это... что вам нужно? – севшим голосом взволнованно спросил Уорт.

Лив улыбнулась и пожала плечами, медленно надвигаясь на него.

– Меня зовут Оливия Мартинес. Слышал когда-нибудь такую фамилию?? – мило, но гневно проговорила Лив, следя за реакцией пучеглазого. Как и ожидалось, он испуганно вздрогнул.

– С-слышал... Мисс Мартинес, я... это... честное слово...

– Значит, я могу не отвечать на твой вопрос о том, что мне нужно. Прекрасно. – Лив приблизилась к нему, устрашающе (для Уорта, конечно) сократив между ними дистанцию до метра, и теперь Уорт оказался припертым к серой, облупившейся стенке. – Тогда гони папины денежки, да побыстрее, у меня сегодня еще очень много дел.

– Я... это... – Уорт покосился на замерших позади Лив Эдди и Марти и взволнованно выдохнул, покрывшись потом. – ...Это... Я говорил мистеру Мартинесу... В этом месяце у меня почти не было левого дохода... Это... откуда я

возьму столько денег?.. – его вытаращенные глаза забегали по залу, видимо пытаясь подать сигнал мозгу о возможном пути отступления.

Лив вздохнула, резко начиная злиться.

– А папочка думает иначе, Уорт. Повторю второй раз, пока еще по-хорошему: гони бабки. Сто пятьдесят штук. Быстро, быстро! – импульсивно поторопила его Лив, нервно постукивая каблуком по полу. Уорт был трусливым, но жадным, и это второе его качество явно с лихвой компенсировало первое, потому что, несмотря на то, что Лив буквально видела, как трясутся его поджилки, он все равно держался, до последнего пытаясь сохранить деньги в своих руках.

Уорт сглотнул и потупился. Его стала бить мелкая дрожь.

– У меня... это... нет денег... Если можно, я заплачу в следующем месяце.

Лив буквально ощутила внутри себя взрыв злости. Ну почему она опять должна причинять кому-то боль?? Почему этот Уорт так сильно не хочет платить ее папаше? Из-за этого осла снова придется проводить показательное выступление, того требуют законы мафиозной семьи. Чертова мафия!

– Конечно, можно. Ты заплатишь в следующем месяце, скат расплющенный, а еще – ты заплатишь в этом. Предупреждала же: давай по-хорошему! – с этими словами Лив кивнула Марти и Эдди.

Личная охрана принцессы мафиозного клана всегда понимала ее с полуслова. В мгновение ока мощный кулак Эдди

два впечатляющих раза встретился с лицом Уорта, уронив его на пол, как груды костей в поношенном тряпье, а затем, обладатель милой улыбки с отблеском зелени легко подхватил его и уложил на бильярдный стол, по дороге крепко приложив беднягу затылком об лампу, нависшую над зеленой поверхностью стола. Крепко держа за обе руки пытающегося вырваться или, хотя бы, сесть, Уорта, Эдди и Марти с любопытством посмотрели на Лив, явно гадая, что она будет делать дальше.

– Мисс Оливия, может, убьем его? – наивным голосом, но без тени шутки, спросил Марти.

Лив взяла лежащий на столе бильярдный кий и, размахнувшись, врезала им по стене. Кий переломился на два грустных, деревянных кия поменьше, с зазубренными краями. Легко, несмотря на каблуки и офисную одежду, девушка взобралась на стол и, наклонившись к Уорту, приставила осколок кия к его шее. Тот забился сильнее, особенно когда заметил, как разозленно засверкали ее аквамариновые глаза. Он успел даже мимоходом отметить, что она чертовски красива... Прямо завораживает, особенно этот уверенный блеск в ее взгляде... Жаль, что эта милашка с неукротимым нравом – дочь того самого ублюдка, который каждый месяц практически полностью выкачивает из него весь доход от продажи марихуаны...

Из задумчивости его вывели слова «милашки», которые были адресованы ее зеленоволосому быку:

– Да, Марти, конечно, кончай его сию же секунду... – Лив раздраженно посмотрела на охранника. – Придурок ты, что ли?? А сто пятьдесят штук я отцу из своего кармана платить буду? Или из твоего жалованья?? А может, я их в воздухе нарисую и материализую силой мысли, использовав энергетическое поле удачи, как пишут в книжках для законченных лузеров и тюфяков??? Совсем ты уже!!! – она покрутила у виска и вновь перевела ядовитый взгляд на Уорта.

– Так, мистер выпуклые глазки, слушай сюда: если ты не заплатишь моему папаше долг, то он завтра же даст копам шикарную наводку на одного потрепанного распространителя марихуаны, прячущегося под личину хозяина задрипанной бильярдной... И тогда тебе крышка, дружок. Думаешь, – Лив с силой надавила обломок кия в его шею, пуская кровавую дорожку, – ты успеешь сделать ноги? Не волнуйся, мой отец никогда не останавливается на полпути, и тебя он найдет, даже если ты прикинешься кактусом в чьем-нибудь уютном садике. Усек, кретин? А теперь – гони бабло.

Но Уорт хотел пойти до конца. Из-за покровительства Мартинеса и своих личных долгов вся прибыль от подпольной игры в покер и продажи марихуаны испарялась, как дождевая лужица на солнцепеке... Он должен рискнуть и переломить ход событий... Если только они не переломят его самого...

– Ничего я не отдам! У меня... это... нет денег! Слышишь? Если... это... хочешь, можешь приказать этим цвет-

ным обыскать меня...

– Цветным?!? – захохотал Марти, а его глаза недобро блеснули. Ни Эдди, ни Лив просто не успели даже шевельнуться, как Марти молниеносно схватил Уорта за нос и лихо крутанул. Послышался совсем даже не неожиданный, неприятный хруст – и из носа пучеглазого полилась кровь. Он заверещал, конвульсивно дергаясь и зажмурившись от брызнувших из-за боли слез.

Лив поморщилась, недовольно посмотрев на Марти. Точно таким же взглядом его наградил и Эдди, сопроводив его, вдобавок, несколькими непечатными словечками.

Лив подкинула кий в руке и, ловко поймав, проговорила: – Извини, Уорт, сломанный нос не входил в список издевательств, которыми я хотела тебя помучить... – она перевела гневный взгляд на весело улыбающегося Марти и процедила:

– А с тобой я позже разберусь, огурец, не расслабляйся!

– А что я такого... – начал было Марти, но Лив уже не слушала. Она снова смотрела на всхлипывающего Уорта.

– Ну что, дружок? Надумал платить? Или мы втроем выгядим неубедительно?

Уорт захлебывался собственной кровью, которая лилась ему из носа прямо в рот и горло, но он все же сумел выдать:

– Мне... нечем... платить.

– Жаль. – разозлилась Лив и, резко размахнувшись, вса-

дила осколок кия прямо в ладонь Уорта. Тот завизжал еще громче и каким-то не своим голосом, отчего сердце девушки резко и очень болезненно вздрогнуло от жалости и неприязни к самой себе... Черт возьми!! Ну почему она делает это??? Почему этот странный, лупоглазый оборванец страдает от ее руки? Он ничего не сделал лично ей... Папаша, который десятилетиями руководит хладнокровной и жестокой мафиозной семьей, считает подобные издевательства над теми, кто попытался сделать хоть что-то не по его плану, делом повседневным и обыденным, посылая свою дочь выполнять эту грязную, совсем не для ее женского сердца и натуры, работу, совершенно не понимая, что творится при этом в ее душе... Она казалась твердой и жестокой, она натягивала маску безразличия в его присутствии ради того, чтобы не выглядеть слабой в его глазах, но на деле ее внутренний мир каждый раз проходил испытание на прочность ее моральных принципов... И лишь Джонни мог всегда понять ее, он угадывал любые ее эмоции и скрытые чувства по одному только взгляду, ему не нужны были слова, и только с ним Лив могла быть искренней.

Пока Уорт конвульсивно извивался с обломком кия в руке, Лив спрыгнула со стола, машинально отметив, что брызги его крови попали на ее брюки, и ощутив подступающую тошноту где-то в районе горла.

– Ладно, Уорт, даю минуту на отдых... – Лив медленно двинулась вдоль зала, распуская остальных посетителей,

с ужасом наблюдавших за происходящей, довольно нелюбезной сценой, а теперь в темпе линяющих из зала, как аквариумные рыбки гуппи из ракушки. – А у тебя тут как-то мрачновато... Надо бы стены перекрасить... И парочку натюрмортов повесить, для повышения спроса на орешки из буфета... Не находишь? – Лив неспешно прогуливалась по периметру зала, как ее внимание кое-что привлекло. – О, выпуклые глазки, а тут какая-то дверка! Не возражаешь, если я загляну?..

Уорт с ужасом дернулся, но затем, обреченно признав свое поражение, безвольно обмяк и сокрушенно притих.

Лив толкнула замаскированную под серые стены с облупившейся краской низкую, деревянную дверь и очутилась в комнате. Внутри никого не было, зато все внимание привлекал стол, на котором беспорядочно были разбросаны карты, фишки, кости и... деньги. Много денег, целые пачки...

– Так-так... Малыш Уорт, да ты, оказывается, великий выдумщик нашего времени! – с усмешкой проговорила Лив и вернулась к столу. – Эдди. Собери сто пятьдесят штук из той комнаты. Марти, поддержи его... Полегче, ты же его в лепешку превратишь! – прикрикнула на зеленоволосого девушка, увидев, как тот с радостью схватил Уорта за шею и извлек из него душераздирающий хрип.

Лив наклонилась к налитым кровью, едва державшимся в орбитах, глазам и покачала головой:

– Скот, ты что, любишь, когда из тебя делают боксерскую

грушу? Заплатил бы сразу – ничего из этого, – она картинно обвела рукой его сломанный нос и руку с торчащим из нее кием, – не было. Мне не важно, умрешь ты, или будешь жить. Но это имеет значение для моего строгого папули. Он может быть очень жестоким и опасным, Уорт, не играй с ним в детские игры.

В этот момент подошел Эдди и протянул Лив пачку денег с самым, что ни на есть, скорбным видом. Лив вздохнула и выдернула кий из руки несчастного хозяина бильярдной. Достав зажигалку, которая когда-то давно принадлежала Бобби, одному из первых, после ее возвращения в Нью-Йорк из Сицилии, охранников, погибших в ту самую роковую ночь, когда была убита Джессика, ее сестра, и почти убита сама Лив, девушка спокойно посмотрела на Уорта и ухмыльнулась:

– Расслабься, пучеглазый, мы уже уходим. А в следующем месяце постарайся сделать так, чтобы нам не нужно было возвращаться, иначе я просто раскатаю бульдозером твою дыру. Не люблю делать по десять раз одно и то же. – с этими словами она подожгла кий и, дождавшись, когда он загорится устойчивым и крепким пламенем, сунула его на полку, где торчали остальные, только целые и, пока еще, невредимые инструменты игры в бильярд.

Уорт с ужасом смотрел, как коварная огненная змейка зашпорила к деревянному перекрытию, а затем, с большим аппетитом увлеченно перекинулась на остальные деревянные

кии, медленно, но целенаправленно уничтожая их один за другим.

– Идем. – приказала Лив охранникам и, уверенно и грациозно снаружи, но разбито и отвратно внутри, зашагала к двери, бросив через плечо:

– Туши давай, придурок, а то придется столами торговать, а это не такой прибыльный бизнес!

И все трое исчезли за дверью.

Глава 2

Погрузившись в угрюмое молчание, прерываемое лишь на то, чтобы пригрозить нагонявшему ее автомобиль «Эскалэйд-ду» с Марти и Эдди, которые развлекались тем, чтобы подъехать к девушке вплотную и глупо помахать рукой... точнее, махал один придурочный, с зарослями сорняков на голове, пустившими свои корни, судя по всему, глубоко в мозг и тем самым хорошенько повредив его, а второй, человек-феникс, только виновато разводил руками и что-то выговаривал веселому братишке, который с блаженной улыбкой разглядывал машущий ему женский кулак и ловил на себе молнии от взгляда Оливии. Девушка злилась, но внутри нее что-то как будто отпускало после той ситуации в бильярдной... Будто эта наивная и простая улыбка Марти помогала ей преодолеть неприязнь к себе, которая болталась на границе с абсолютным самопрезрением и ненавистью к своим действиям, к своим дурацким, стильным брючкам, на которых прояви-

лись пятна крови Уорта, будто насмешливая, горькая проекция пятен грязи на ее душе, к своим рукам и словам и той жизненной, веселой, как помойка на пустыре, ситуации, из которой она, дочка могущественного мафиозного босса и его единственная наследница, никогда не выберется.

По плану, следующим пунктом, который посреди ночи обозначил ей деловой Эйден в телефонную трубку, была проверка финансового отчета по казино за прошедший месяц. Зная, что отец и Брайан уехали на какую-то важную сходку, Лив решила заняться напряженным глазением на колонки цифр и болезненным для неподготовленных извилин финансовым анализом в тайном убежище отца – в клубе «Иль чьело стелато».

Охрана беспрепятственно пропустила ее в кабинет с таким знакомым уже дубовым столом, чопорными, с намеком на роскошь, диванами из натуральной крокодиловой кожи и прочими неизменными вещами, которые так сильно впитали в себя железный дух Эйдена Мартинеса, что Лив иногда ожидала, что настольная лампа или ежедневник ее папочки откроют жесткие, как сталь, глаза и, прочистив горло, со всей дури громыхнут на нее характерным для Эйдена низким и повелительным тембром.

Лив прошла за дубовый стол, плюхнувшись с разгона в удобное кожаное кресло и в который раз с раздражением посмотрев на свой «наряд деловой и серьезной женщины», окропленный неподдающимися никакой здоровой характе-

ристике свежими пятнами крови. Послав Марти на поиски шоколадного чиз-кейка, Лив вздохнула и окунулась в бездну цифр, сравнивая колонки с предыдущими показателями и отчаянно пытаясь не уснуть, в чем ей сильно помогало принесенное лакомство и разговоры, перемежающиеся с хохотом Марти, за дверью.

Плавая между финансовыми показателями и реальностью, Лив вдруг заметила кое-что из ряда вон выходящее, кое-что, что своими многочисленными нулями даже в колонку с трудом помещалось, и то – при уменьшенном втрое размере шрифта...

– Ну, Джонни, дубина, готовься к виселице! – воскликнула в сердцах Лив, гневно набирая номер своего единственного и горячо любимого мужа. Жуя чиз-кейк и нетерпеливо слушая длинные гудки, девушка яростно смотрела на вызывающую, мягко говоря, сомнение статью расходов в отчете и сочиняла всевозможные пункты назначения, куда «благотворительный фонд имени Джонни О-Коннела» может пойти вместе с тем физическим или юридическим лицом, которому ее муж так щедро разрешил отмыть свои денежки. Вроде бы, он должен быть на переговорах с поставщиками элитного алкоголя для сети умопомрачительно дорогих ресторанов «Колизей», предназначенных для тех денежных мешков, у которых немолодая, холщовая ткань успела достаточно сильно прохудиться. Эти рестораны когда-то принадлежали отцу Джонни, боссу другой мафиозной семьи Оливеру

О-Коннелу, а после свадьбы Лив и Джонни им посчастливилось перейти в руки к его беспечному и веселому красавчику-сыну, умеющего, однако, иногда убедительно изображать серьезность и жесткость.

Наконец, долгожданный голос Джонни сменил противные гудки, и Лив, не смотря на гнев, ощутила десятикратные теплые вспышки внутри себя при звуках такого горячего, чертовски обаятельного и бесконечно любимого тембра.

– Лив? Что стряслось? Я, вообще-то, немножко занят... – влиятельно и серьезно проговорил он, что могло навести только на мысль о том, что рядом с ним действительно сидел кто-то, на кого необходимо было произвести благоприятное впечатление, но Лив все равно уловила то самое, что заставляло ее таять от любой его фразы. То самое энергетическое тепло, которое было адресовано только ей и принадлежало только ей...

– Джонни!!! – громыхнула Лив, получив в ответ эхо, отлетевшее от стен пустого помещения и вернувшееся к письменному столу, заставив ее поморщиться: надо же – заорала, прямо как папаша! Нужно срочно вычеркнуть из расписания встреч с ним пару дней, пока у нее не выросла щетина и не возникла непреодолимая тяга подымить дорогими, но от этого не менее вонючими, сигаретами... – Какого черта ты опять используешь мое казино в качестве дома для пожертвований нищим и безруким, а может, еще и безмозглым инвалидам???

Джонни весело вздохнул.

– Судя по всему, ты добралась до отчета...

– И до тебя доберусь, идиотина! Какие еще три миллиона на переделку освещения в главном зале??? Только если ты и твой новый дружок, которых ты ухитряешься подцеплять чуть ли не каждый день, уж не знаю, на какой выставке пожизненных неудачников, не собираетесь украсить весь потолок люстрами из платины, инкрустированными огромными бриллиантами, я клянусь, я прибью и тебя, и этого чертового пройдоху вашими же тремя миллионами, снятыми с карточки в ближайшем банкомате!!! Ты вообще в своем уме??? Мое казино тебе что, сортир для отмывания чьих-то грязных бабок??? – кричала Лив в трубку, пылая гневом и ощущая, как горят ее щеки.

Джонни рассмеялся.

– Неужели из-за какого-то, как ты выразилась, «пройдохи» и пожизненного неудачника ты уже готова стать вдовой в столь юном возрасте? Между прочим, этот пройдох... Лив, давай обсудим этот вопрос позже? Я на совещании.

Лив вдруг услышала на заднем фоне у Джонни какой-то шум и томный женский голос отчетливо проговорил:

– Джонни, закажем шампанское? Я предпочитаю «брют»

...

Услышав это, Лив вздрогнула от громкого щелчка внутри ее головы: так ее бешеный гнев переключается на не менее бешеную ревность. Она ощутила пульсацию по всему ор-

ганизму, кровь побежала по ее венам, спеша и спотыкаясь в каждом органе ее тела, а сердце яростно взвыло... Чертов Джонни!!! Любитель заигрываний и мечта всех женщин на земле!!! Угораздило же ее полюбить именно такого мужчину, которого вечно приходится выцарапывать из чьих-нибудь цепких, наманикюренных ноготков...

Как в тумане Лив услышала обходительный, с игривыми нотками, но достаточно деловитый ответ ее мужа:

– Конечно, Летиция. Все, что пожелаешь. – и затем, ближе к уху Лив:

– Лив, я освобожусь через час, встретимся и поговорим...

«Лив». Ревность, которая маршировала в глазах девушки на пару с желтыми кругами, угодливо подсунула ее мозгу мысль, что Джонни нарочно не называет ее привычным «Оливка» рядом с этой Летицией... Значит... значит... он... она... они...

– Джонни. – прошипела Лив, еле сдерживая связки от бешеного крика. – Что еще за Летиция??? Что ты делаешь с шампанским и какой-то там чертовой Летицией, а самое главное – где??? Отвечай немедленно, или я из тебя подушечку для иглолок сделаю!!! Живо, Джонни, адрес!!! – уже гневно крикнула она, все-таки не удержавшись, а Джонни тепло рассмеялся:

– Лив, у меня переговоры, я же говорил тебе сегодня о них, помнишь? Не кипятись, через час я освобожусь, приеду к тебе и отвечу на все, интересующие тебя вопросы, идет? –

он говорил тепло и спокойно, и Лив еще больше взбесилась, резко подскочив на ноги и полетев к двери, за которой, по обыкновению, должны были торчать Эдди и Марти, на ходу проклокотав в трубку:

– Джонни, идиот, если ты не скажешь, где ты, через час можешь приходить закованным в рыцарские доспехи, потому что то, что я собираюсь с тобой сделать, без брони ты вряд ли переживешь!

Она выглянула за дверь и многозначительно посмотрела на Эдди, затем указала на свой телефон и одними губами шепнула: «Проследи звонок». Эдди кивнул и, достав свой сотовый, развел бурную деятельность, бомбардируя звонками каких-то бедняг.

Тем временем, Лив, летающая на крыльях жгучей ревности, услышала строгий, приобретший жесткие, беспрекословные интонации ответ Джонни:

– Все это очень мило, Лив, и я бы с удовольствием узнал, что еще ты думаешь обо мне в эту секунду, но мне, к сожалению, пора. Не хочешь встречаться через час – увидимся вечером. Пока.

Короткие гудки.

Лив сжала зубы и кинула телефон на стол. Вцепившись руками в свои длинные, пышные волосы, она попыталась успокоиться. Это всего лишь переговоры. Только переговоры. Джонни ни с кем не заигрывает, никого не обольщает, он договаривается о поставках алкоголя с... Лив вдруг неужи-

данно припомнила, что сегодня утром, притворившись реактивным двигателем и разгоняя воздух по квартире в попытках собраться и позавтракать за двенадцать с половиной минут, Джонни мимоходом беспечно протрещал, что будет встречаться с каким-то там... Дорианом Валентайном, владельцем чего-то там... Лив не помнила. Но это уже не важно. Важно то, что Дориан Валентайн никак не мог говорить томным, призывным, а главное – женским голосом с кошачьими интонациями животного в весенне-обостренный период и покачивать бокалом прохладного «брюта» в руке...

– Чертов Джонни!!! И откуда вообще выкатилась эта любительница золотых пузырьков с явной аллергией на сахар и нездоровым интересом к чужим зеленоглазым красавчикам с дуплом в голове??? Я из него фарш накручу!!! – погрозила кулаком в воздух Лив и в этот момент услышала позади себя:

– Что, мисс Оливия, опять ревнуете бедного мистера О-Коннела? С кем он на этот раз?

Лив обернулась и увидела блаженного Марти, с милой, но глуповатой улыбкой следящего за ней, подперев своим широким плечом дверной проем. Он знал о том, что Оливия разрушительно и импульсивно, неистово и страстно ревнует своего чертовски обаятельного и неотвратимо притягивающего женщин муженька, ревнует... Ко всем на свете.

– Если она старая и страшная, с бородавкой на носу и культяпкой вместо левой ноги, я прошу ему все и не буду мешать пить дальше свою кислятину и наслаждаться роман-

тическим обществом друг друга. – воодушевленно пофантазировала Лив, даже весело усмехнувшись от удовольствия, мечтая, чтобы хотя бы эта ее мысль воплотилась в прекрасную реальность.

Марти рассмеялся и добродушно пожал плечами. В кабинет вошел Эдди и с самым официальным видом сообщил:

– Мисс Оливия, мистер Джонни О-Коннел сейчас в ресторане «Колизей» на Хай-Уоллей-стрит.

– Отлично! Поехали! – обрадовалась девушка.

В ресторане они были уже через десять минут бешеной гонки, включая езду на красный свет и пару вылетов на встречную полосу движения. Администратор, милая девушка лет двадцати, тепло поприветствовала Лив, натянув дежурную улыбку: она прекрасно знала, кто такая эта рассерженная, миниатюрная блондинка, и с интересом покосилась на ее, необычного цвета, сопровождающих.

– Где мой муж? – вежливо, но с нажимом спросила Лив, сложив руки на груди. Девушка немного испуганно потупила взгляд:

– Простите, миссис Мартинес, у него важная встреча, он просил не беспокоить...

Лив слегка наклонила голову, испепеляюще глянув на нее.

– Веди. Немедленно. Не бойся, он тебя не накажет.

Девушка недоверчиво улыбнулась, но со вздохом подчинилась: с различного рода мафиозными дочками было опасно пререкаться, особенно для здоровья... О характере же-

ны владельца «Колизея» наслышан был весь персонал. Жаль, что он выбрал ее, и какая муха его укусила? А такой деловой и эффектный молодой мужчина, красивый, сильный, обаятельный... Такие мысли крутились вихрем в голове администратора, пока она вела Лив и ее неформатную охрану к закрытой кабинке, где и находился хозяин заведения собственной персоной.

Распахнув чистую, с золотыми узорами на матовом, непрозрачном стекле дверцу, администратор вытаращила наполненные благоговейным ужасом глаза на Джонни, удивленно и немного сердито сверкнувшего на нее взглядом зеленых глаз.

– Прошу прощения, мистер О-Коннел... Я... я сказала, что вы заняты, но...

Джонни перевел взгляд с администратора на стоящую позади нее Лив, внимательно и с открытым, мощным вызовом разглядывающую его партнера по переговорам, за спиной которой возвышались две мощные фигуры в черных костюмах с разноцветными головами. Насмешливо и обреченно вздохнув, он спокойно посмотрел на девушку-администратора и проговорил:

– Все в порядке, Бет. Ее даже солнечный удар во время землетрясения не остановил бы. Можешь идти.

Девушка зарделась, украдкой взглянув в его горячие зеленые глаза, и удалилась, мысленно уничтожая Оливию самыми страшными способами, о которых только знала.

Лив с триумфальной улыбкой и злорадным сиянием в глазах посмотрела на Джонни, чуть приподняв брови. На самом деле ей удавалось тщательно скрывать такое знакомое ей, радостное чувство восторга, тепла и трепетной любви, которое всецело поглощало роль холодной и язвительной тигрицы и замещало ее на неистовое желание прильнуть к нему, окунуться в такую обожаемую ею ауру тепла, исходившую от него, ощутить себя в его крепких объятиях и целоваться с ним, пока не наступит поздняя ночь... Она не удержалась и бросила жадный взгляд на его губы... в прочем, через секунду опомнившись. Джонни же, вопреки всему, заметил его, и в его ясных, и таких очаровательных и игривых зеленых глазах вспыхнул горячий огонек.

Он выглядел прекрасно в модном, черном пиджаке с застегнутыми до локтей рукавами, темно-синей футболке, привлекающей женский взгляд к его крепкому, мускулистому телу, черных брюках и дорогих туфлях. Но Лив не замечала его небрежного, обольстительного стиля, она и утром видела, в какую одежду он одевался. Каждой клеточкой своего тела она чувствовала и впитывала, впитывала этот его шар раскаленной энергии, шар тепла и обаяния, мужества, силы, страсти, что так мощно притягивал ее.

И к ее огромному раздражению, сияние темноволосого, зеленоглазого красавчика с невероятной, сражающей наповал, искрометной улыбкой, демонстрирующей очаровательные ямочки, замечала не только она.

За столом, на диванчике напротив, в уверенной и довольно красноречивой позе сидела женщина. Лив отклеила свои большие аквамариновые глаза от созерцания чертового, сводящего ее сердце и мозг с ума, мужа и посмотрела на эту видную дамочку. Она тоже была блондинкой, с прямыми (в отличие от кудрявой и вечно непослушной гривы до талии у Лив), зачесанными назад и заколотыми по бокам двумя заколками из явно не дешевого и явно не полудрагоценного металла волосами, идеальным, будто для съемок голливудского блокбастера, гримом, то есть макияжем, умело скрывающим на ее немного вытянутом, но, при не очень внимательном рассмотрении, все же не отталкивающим лице мелкие морщины, которые имеют обыкновение возникать у женщин, переступивших сорокалетний порог, а так же подчеркнутым крупными серыми глазами на фоне тонкого, длинного носа и пухлых, малиновых губ.

За пару секунд испещрения этой особы недобрым взглядом, Лив успела заметить, что она довольно худая и достаточно высокая: ее длинные ноги, обутые в лакированные полусапожки, не помещались под столом, а потому были сложены, одна нога на другую, около него. Женщина была одета в темно-фиолетовое плотное платье с пышной юбкой из дорогой ткани, поверх которого был накинут вязаный, малиновый кардиган. Ее взгляд – взгляд хищной птицы, заметившей очередную жертву, открыто блуждал по лицу Джонни и его фигуре, светясь изнутри триумфом и игривым флиртом.

Лив холодно и красиво улыбалась, откинув свои длинные, роскошные волосы за спину, но в голове ее ярко светились картинка, как она опрокидывает стол со всей посудой прямо на эту дамочку, затем использует вилку, чтобы нанизать на зубчики оба ее глазных яблока и, в довершении прекрасного, мстительного образа, ломает ей все пальчики на руках, один за другим, один за другим... Может быть, тогда Джонни перестанет смотреть на нее, как на клубничный десерт...

– Оливка. Ну и что ты здесь делаешь? – со скрытой, самодовольной усмешкой проговорил Джонни, окидывая девушку огненным взглядом.

Лив пожала плечами и плюхнулась рядом с ним, также, как и Летиция, закинув ногу на ногу. Невозмутимо заглянув в его тарелку, туда, где виднелись жалкие останки некогда вкусного салата, из которого сумели сохранить себе жизнь только помидорки черри (она знала, что Джонни их терпеть не может), Лив непринужденно схватила его вилку и с самым счастливым видом сунула один из отвергнутых мужем помидоров себе в рот, весело проговорив:

– О, это вышло случайно, Джонни: мы с ребятами ехали мимо... И мне вдруг ужасно захотелось поздороваться лично с Дорианом Валентайном... – Лив перевела жесткий, пренебрежительный взгляд на Летицию, которая спокойненько потягивала из бокала шампанское и с большим, однако очень заметно снисходительным, интересом и каким-то агрессивным, хорошо скрытым напором соперницы изучала девушку

с ног до головы. – Кстати, ты случайно не знаешь, где он? – язвительно спросила Лив у Джонни, не сводя при этом грозного взгляда с его, так называемой, партнерши.

Джонни не удержался и улыбнулся, мимолетом обжигаяще посмотрев на Лив.

– Он не смог приехать. Ты ради этого пришла? Мне казалось, у тебя сегодня много дел. – намекнул он и посмотрел на Эдди и Марти, зависших у входа в кабинку. Лив, конечно, поняла намек, но уходить ей очень сильно не хотелось... Особенно после того, как она лично убедилась в намерениях Летиции очаровать и присвоить себе ее Джонни.

– День только начался. – мило улыбнулась Лив, сверкнув на Джонни злым взглядом. – Ты вроде что-то там говорил о совещании и важной дребедени, которую необходимо было обсудить в столь интимной обстановке? Ну так продолжай, мы не будем тебе мешать.

Лив снова подцепила помидорку и с самым сияющим и довольным видом отправила ее в рот, глядя на Летицию в упор. Та вдруг усмехнулась и, посмотрев на Джонни, проговорила неожиданно низким, чуть хриловатым голосом:

– Джонни, дорогой... Это она? Та самая крошка Оливия Мартинес?

Лив удивленно посмотрела на Джонни и захохотала:

– Ничего себе! Моя популярность в этом городе скоро вынудит меня передвигаться по улицам только ночью и только короткими перебежками, чтобы фанаты не разорвали мое, и

без того не очень большое, тело на сувениры и мясной гербарий... Второй раз за сегодня слышу в свой адрес неопределенное «это она». – в ту же минуту, резко посерьезнев, она перевела гневный взгляд на Летицию и угрожающе проговорила:

– Предупреждаю, еще раз услышу слово «дорогой» по отношению к моему мужу в твоём исполнении – и твои шикарные заколочки будут торчать из твоих ноздрей, создавая препятствие к поглощению десертов, выдуванию горячительных напитков и вообще к любым действиям, в которых могут быть хоть как-то замешаны губы...

Джонни дернул Лив за локоть, едва сохраняя свою физиономию кирпично-серьезной и удерживаясь от оглушительного хохота только мечтой о положительном окончании этой деловой встречи, и возмущенно проговорил:

– Оливка, прекрати немедленно! Ты в своем уме? Если тебе лень вести машину, то я сейчас же закажу тебе такси!

Летиция же, не сдерживаясь, холодно и надменно рассмеялась:

– Уже боюсь, крошка! А ты действительно похожа на своего отца. По крайней мере, толстокожий характер кое-кого из семейства носороговых тебе явно достался по наследству. А это кто такие? – вдруг с любопытством спросила она, глядя на улыбающегося ей широченной улыбкой и яростно подмигивающего Марти и угрюмо изучающего начищенную до блеска напольную плитку Эдди с выражением апокалипсиса

на лице.

Лив чуть гневно прищурилась.

– Это – моя охрана. Зеленый и красный.

– Да? – удивленно спросила Летиция. – И почему они такие?

Лив пожала плечами.

– Ошибка природы... Необычная, но красноречивая мутация гена в соответствии с некоторыми выдающимися чертами характеров... Откуда мне знать? Зеленый мне все разрешает, поэтому он – зеленый, а красный страдает излишней осторожностью и вечно лезет с запретами и предостережениями, поэтому он – красный.

– Как дела, малышка? – вдруг шепнул Летиции «зеленый», и она холодно усмехнулась, испепелив его презрительным серым взглядом.

Джонни закатил глаза и снова посмотрел на Лив. Девушка встретилась с ним взглядом и поняла, что наряду с игривым весельем в его зеленых глазах потихоньку начинает расти недовольство и гнев. В ее мозгу неожиданно проснулся здравый смысл, который услужливо подсказал, что она действительно может сорвать ему сделку... Лив опустила глаза, ощутив, как ее сердце пронзил стыд. Летиция, тем временем, снова переключилась на нее:

– Я много слышала о тебе, Оливия. Ты... – она вдруг замерла, удивленно и неприязненно вылупив серые глазищи на ее брюки. – Это что, кровь?!?

Лив спокойно и даже весело проследила за ее взглядом и тоже посмотрела на эти ненавистные пятна крови Уорта на ее брючине... Ей до ужаса захотелось проклясть себя и свою жизнь, провалившись с этого мягкого диванчика прямо в ад... Но на лице отражалась лишь беспечная улыбка... Джонни тоже вопросительно посмотрел на нее, хотя в его зеленых глазах значилось больше понимания, чем в гляделках Летиции. Лив усмехнулась:

– Это?? Ах, да... Я оказывала первую помощь пострадавшему... псу. Беднягу сбили машиной и бросили умирать у обочины... Кто-то же должен был осмотреть раны и сделать несчастному непрямой массаж сердца! Люди в наше время – просто воплощение бездушной жестокости... – язвительно, без единой запинки выдала душещипательное вранье девушка, для наглядности театрально покачав головой.

– Э-э-э... Мисс Оливия, я чего-то не понял... – вдруг задумчиво подал голос из дверного проема господин сама Обаятельность, перестав, наконец, моргать глазом в сторону Летиции в припадке нервного тика, и почесав свои изумрудные сосулины. – Это вы сейчас Уорта, что ли, псом назвали?.. Так вы же сами ему обломок кия в руку...

– Заткнись, тупица! – прошипел Эдди, одарив братишку грозным взглядом и тычком в ребра.

Лив закатила глаза и, раздражаясь со скоростью света на себя за то, что выбрала в свои провожатые великовозрастного ребенка, прошипела:

– Еще слово, огурец, – и завтра ты будешь дефилировать с потрясающим, изящным, подобранным под цвет волос, канцелярским зажимом на губах!! Придурок.

Джонни и Летиция переглянулись и дружно расхохотались.

– Джонни, *дорогой*... – Летиция сделала особый упор на этом слове, с наслаждением глядя на реакцию Лив, которая резанула ее гневным, уничтожающим все живое, взглядом. – Эта девочка – просто прелесть! Этакая дикая смесь отвратительного, испорченного характера тринадцатилетней девочки и довольно-таки, хоть и с большой натяжкой, но вполне презентабельного вида взрослой женщины! Зачем ты женился на ней?

Лив от такой наглости чуть не захлебнулась ядом. В ее голове суетливо забегали огненно-красные строчки, наполненные яростными угрозами и крепкими словечками, но посвятить окружающих в ход своих мыслей она не успела. Джонни встал и, подхватив ее под локоть, легко направил к выходу, игриво улыбнувшись Летиции:

– У нее богатое приданое. И к тому же, ты бы только знала, как божественно пахнет ее шампунь! – Джонни подмигнул Лив, которая обиженно и возмущенно пилила его взглядом. – Извини, Лети, я сейчас вернусь, только провожу Оливку до машины.

Летиция благосклонно кивнула, послав ему нежный взгляд, а его жене – вызывающий и дерзкий. Лив тоже в дол-

гу не осталась, правда, на ответное уничтожение глазами ей было выделено не более секунды: Джонни нетерпеливо вытащил ее из кабинки и повел к выходу из ресторана.

– Глупышка Лив, ты зачем приехала?!? – возмущенно прошептал ей на ухо Джонни, пока они двигались по залу к парадной двери. Лив чувствовала, что он злится на нее за ее ревнивое и ужасно идиотское появление, но все-таки не настолько, чтобы не среагировать на ее нежный взгляд и игривую улыбку. Секунду поглядев в ее глаза, Джонни с улыбкой вздохнул, и его рука нежно переместилась от локтя Лив к ее ладони. Ощувив его горячую, сильную ладонь, девушка чуть сжала пальцы, чувствуя, как резко в ней поднимается горячая волна откуда-то из глубин ее сердца, заставив ее щеки слегка порозоветь.

– Ты должен был встретиться с каким-то там Дорианом Валентайном! А вместо этого жуешь салат с помидорами в приватной кабинке на пару с чертовой... Летицией! – возмущенно прошептала она, любуясь его красивым профилем и наслаждаясь внутренним огнем, который он незамедлительно пробуждал в ней. – И мне не понравилось ее мяуканье в трубке, когда мы говорили!

Джонни ухмыльнулся и огненным взглядом посмотрел на Лив. Его зеленые глаза весело искрились, нежно оглядывая ее лицо.

– Чтобы ты знала: это Летиция Валентайн, дочка «какого-то там» Дориана Валентайна, который сегодня просто не

смог встретиться со мной из-за своих неотложных проблем, но зато прислал ее, чтобы мы обговорили условия нашего сотрудничества... Глупая, милая, ревнивая Оливка! – горячо шепнул он ей в волосы, сжав в ответ ее руку и подарив стремительно сдающей позиции от его близости девушке огненный, сияющий и очень ласковый взгляд.

Они вышли на залитую солнцем улицу и развернулись лицом друг к другу, продолжая держаться за руки и передавать друг другу свои нежные чувства через бесконечный в своей страсти зрительный контакт, который медленно, но целеустремленно сносил обоим крышу.

– Сам ты идиот, Джонни! – вспльчиво проговорила Лив, не ощущая внутри уже ни малейшей песчинки гнева, пребывая на просторном берегу огромного, теплого, нежного сияния его зеленых глаз. – Тебе что, вороны глаза выклевали???? Не делай вид, будто не замечаешь, что она с тобой заигрывает!

– Ну и что. – невозмутимо улыбнулся Джонни и, пока Лив не начала громко и возмущенно кричать, притянул ее к себе и, обняв за талию одной рукой, обжигая до костей ее кожу под рубашкой, и нежно проведя другой рукой по ее щеке, наклонился к ее лицу так близко, что она с трепетом ощутила его горячее дыхание и тонкий морской аромат его одеколona и могла разглядеть черные крапинки на радужках его с каждой секундой все больше завораживающих зеленых глаз, тихо проговорил:

– Ты же сама только что сказала – это она заигрывает со мной, а не я с ней. Я понимаю, тебе тяжело меня не ревновать, я же, все-таки, обалденный красавец, но...

Лив прыснула и шутливо пихнула его в плечо, однако, не вырываясь из объятий и не прерывая чудесного зрительного контакта, продолжая с невероятным наслаждением и счастьем пялиться в его обжигающие зеленые глаза, жадно переместившиеся на ее губы и мгновенно потемнев, заставив девушку снова взорваться вулканической вспышкой из недр ее живота и поскорее прижаться к его горячему, сильному телу, чтобы немного успокоить тот огненный шар, который грозил в ближайшие минуты скинуть ее с тормозов. Она нежно положила голову ему на грудь и слушала такой родной и самый восхитительный в мире стук его сердца, чувствуя, как его руки нежно поглаживают ее спину и просто растекаясь в его теплом сиянии, с каждой минутой становящимся все горячее... На каком-то инстинктивном желании Лив запустила руки под его футболку и провела горячими ладонями по его пояснице, но не поднимая головы, потому что если Джонни ее поцелует, то дальнейшие попытки завершить все намеченные на сегодня дела закончатся полным провалом... Услышав, как его сердце пустилось вскачь, а дыхание сделалось тяжелее, Лив почувствовала, как Джонни только крепче и более требовательно сжал ее своими ладонями, запустив одну руку ей в волосы и со вздохом, взволнованно прошептал:

– Оли-и-ивка... Ты что делаешь? Знаешь же, что я не могу прямо сейчас уехать с тобой! Это ты так жестоко мстишь мне за Летицию?

Лив триумфально улыбнулась, раскрасневшись от собственного пылающего факела, в который превратилось ее переполненное от счастья, бешеное сердце, умирая от обжигающей ауры ее мужа, и посмотрела в его требовательные, сверкающие желанием, глаза.

– Нет, это за то, что сказал ей, будто женился на мне из-за приданого. – она игриво улыбнулась и, не удержавшись, нежно и легко коснулась губами его губ, подарив ему едва заметный, но очень важный и такой необходимый им обоим поцелуй. Тут же отстранившись, она весело проговорила, мстительно сверкнув глазами:

– Прости, милый, но я не смогу встретиться с тобой через час – дел просто хренова туча! – и подмигнув недовольному, чуть прищурившемся Джонни, она двинулась к машине, сделав знак ожидающим поодаль со скучающими лицами Марти и Эдди, чтобы следовали ее примеру, и через плечо добавила:

– А это тебе за Летицию, индюк!

Джонни сложил руки на груди, шутливо грозно покачав головой, но Лив видела его улыбку, когда он провожал ее «Кадиллак» взглядом – улыбку влюбленного мужчины.

Глава 3

Заметно повеселев после своей маленькой мести и предвкушая, как еще можно будет поиздеваться над Джонни вечером, Лив приехала в Даун-Таун. Остановившись около неприметного четырехэтажного жилого дома, девушка пулей влетела в свою любимую, небольшую квартирку, которую они с Джонни снимали у милой пожилой леди по имени Амелия Портер.

За прошедшие два года обстановка в трех комнатах и маленькой кухоньке почти не изменилась: те же мягкие ковры, диваны, кресла и пуфы с многочисленными, вышитыми умелыми и добрыми руками миссис Портер подушечками, тот же молочный кухонный гарнитур и стол, накрытый белой, с красными полосками, скатертью, те же шторы, та же уютная, успокаивающая энергетика...

Лив пронеслась в свою спальню, в которой теперь ночевала, только когда Джонни уходил на ночную смену в бар, открыла шкаф и выгребла оттуда белую, крупной вязки, тунику с рукавом в три четверти и широким вырезом от плеча до плеча, джинсовые шорты и, немного подумав, Лив решила оставить те белые лакированные туфли, что были на ней с утра.

С облегчением скинув с себя окровавленную и жутко неудобную одежду, и переодевшись и безуспешно попытавшись причесать свою белокурую гриву, Лив кометой помчалась обратно к выходу из квартиры, на ходу подхватив свои испачканные вещи и еще пару футболок Джонни, небреж-

но брошенные им прямо на пол в гостиной и буквально зашедшиеся в крике о помощи... Победить невероятное и не слишком благодостное пристрастие Джонни раскидывать свои, между прочим, сто раз не дешевые, вещи по всему дому и на следующий день гудеть на пятой скорости по всем комнатам, кухне и даже ванной в поисках того, что еще можно было надеть, Лив ну никак не удавалось.

Закинув вещи в стиральную машинку и запрыгнув в туфли, девушка, наконец, дезертировала из квартиры.

Марти и Эдди неспешно прогуливались около своего «Кадиллака», устроив перекур и о чем-то тихо переговариваясь. Лив с тоской посмотрела на свой автомобиль, ощутив, как ее захватывает в плен наползающая со всех сторон серая, слизеподобная лень, поэтому она подскочила к своей живописной охране и с веселым: «хватит прохлаждаться, овощи, поехали скорей, папашины дела не дремлют!», запрыгнула на заднее пассажирское сиденье и довольно развалилась там, закинув ногу на ногу.

Братьев долго уговаривать не пришлось, и через секунду «зелененький» сверкал своей наивной улыбкой пятилетнего мальчишки за рулем, а «красненький» устроился рядом с устрашающей маской главного злодея планеты на лице.

– Куда едем, мисс Оливия? – весело спросил Марти, обернувшись и уставившись откровенно восторженным взглядом на чудесные, стройные ножки девушки, даже ни на секунду не подумав, что отвечать ему будет ее рот, который находит-

ся на лице, а уж никак не ниже. Лив раздраженно пощелкала пальцами у него перед носом:

– Эй, экстракт пустыряника! Смотри в глаза, – она показала двумя пальцами себе на лицо, – в глаза смотри, кому сказала! Бери пример с... – она перевела раздраженный взгляд на всегда примерного и правильного Эдди и вдруг случайно заметила, как он с совершенно каменным лицом тоже украдкой косится на ее ноги. Лив еще больше вспыхнула от возмущения. Шлепнув Эдди по плечу, она рассерженно воскликнула:

– И ты туда же, помидор! Лицо хоть попроще сделай, там у нас есть мышцы, они в щеках и на лбу расположены, в носу, наверное, тоже есть... Так вот, их можно расслабить, а то выглядишь, как бульдог, который мечтает сломать себе глаза! – она выдохнула, пытаясь успокоиться и не оглохнуть под звонкий хохот Марти, но все еще злясь, девушка прошипела, не удержавшись:

– Совсем уже! – достав из кармана мобильный, Лив посмотрела на время и, решив поехать в банк, чтобы проверить счета по отмыванию доходов, угрюмо буркнула:

– Едем в Баттери-плейс. «Южный интернациональный банк». – она зевнула.

– Мисс Оливия, я прошу прощения, такое больше...

– Не повторится. Да, да, да. – закончила за Эдди его виноватую речь Лив, сосредоточенно глядя в телефон. На самом деле с таким серьезным и ужасно деловым видом она всегда

играла в игру «Город мечты», озабоченно пытаюсь построить высокий и пригодный для жизни небоскреб, но со стороны казалось, будто она занята чем-то невероятно важным. – Это ты Джонни будешь объяснять, птичка-Феникс. – как бы между прочим обронила она и украдкой посмотрела на лицо Эдди, в котором мелькнуло напряжение и тревога, едва пробившись через угрюмую маску. Она хихикнула. – Шучу, дружище! Я никому не скажу. Кроме папочки...

Эдди превосходно держал себя в руках, но Лив все равно заметила, как нервно и взволнованно сжалась в кулак его рука, лежащая на колене.

– Мисс Оливия... – начал он загробным голосом, в то время, как концовку его преисполненной чувством вины и переживания речи заглушил Марти, который откровенно ржал, радуясь тому, что, впервые в истории, не он, а его степенный и серьезный коллега-братец попал под грозовые молнии маленькой красавицы-блондинки на заднем сиденье. Лив на секунду оторвалась от игры, что повлекло за собой немедленное, трагическое разрушение небоскреба высотой в пять сотен этажей, и игриво улыбнулась, посмотрев на Эдди:

– Да расслабься ты, Эдди! Воспитывай в себе чувство юмора, оно, между прочим, жизнь продлевает! А ты слышал когда-нибудь о долгожителях с траурными рожами на лицах?.. Так вот... – закончить глупость Оливии не позволил телефонный звонок.

– Повезло тебе, братишка! Сейчас ее разъярит кто-нибудь

другой, и она про тебя забудет! – хохотнул Марти, шлепнув Эдди по плечу. Тот, как обычно, промолчал, но явно расслабился и даже обмяк в кресле. Все-таки не каждый может долго выдерживать насмешливое внимание этой непредсказуемой мелкой красотки, дочки очень опасного и очень дорожающего ею папашки – крупного мафиози, который только за один неверный вздох в сторону его чада может устроить любому вентиляцию легких... А все-таки ножки хороши... Эдди не удержался и снова украдкой посмотрел на них.

Впрочем, Лив ничего не замечала. Ее гнев действительно переключился на телефонную трубку, в которой весело и радостно подсвечивался позитивным зеленым номер отца. Чувствуя, как котел внутри стал потихоньку закипать, девушка ответила на вызов:

– Что такое, папочка? Не иначе, как еще пара сотен мест и людей сегодня ну никак не обойдутся без моего внимания? А я, между прочим, с шести утра ничего не ела!

– А как же шоколадный чиз-кейк? – с наивным удивлением громко спросил Марти, глянув на девушку и почесав сосулины из зеленых волос в затылочной зоне черепа.

Лив яростно глянула на него и, чувствуя, как кипящий гнев вырывается из котла, звонко дребезжа крышкой, в унисон ему задребезжала:

– Заштопаю тебе твою трепалку как покойнику, Марти, я серьезно, дебил!

– Лив! – жесткий голос отца вновь обратил ее нерадостное

расположение духа на себя. – Кому ты опять угрожаешь? Не важно! – тут же напряженно громыхнул он и добавил характерным беспрекословным тоном:

– Ты где???. Немедленно приезжай в поместье! Это срочно!!!

Лив раздраженно посмотрела вперед, через лобовое стекло, на дорогу и уловила в голосе отца, помимо обыкновенного грозного, приказного бухтения еще какое-то непонятное напряжение...

– Чего???. Папаша, когда ты мне ночью полтора часа под запись диктовал список дел на сегодня, то там не значился пункт «долгожданная встреча с любимым папочкой в фамильном доме»! Если тебе все же интересно, я еще до середины твоего списка не добралась! Так что не выдумывай ерунду, встретимся завтра. Пока-пока.

– Оливия. – медленно, но с каким-то тяжелым нажимом проговорил отец, и Лив настороженно нахмурилась. С отцом явно что-то было не так...

И в эту секунду ее ухо отчетливо уловило, как совсем рядом с трубкой раздался до боли знакомый, самый неприятный из всех возможных звуков на земле, щелчок предохранителя пистолета.

Сердце Лив мгновенно обледенело и ухнуло куда-то вниз, забыв о том, что в этом тонком теле тоже нужно поддерживать жизнь, а руки и ноги отяжелели, будто на них обрушилось килограмм по сто лишнего груза.

– Дочь, приезжай в наш дом прямо сейчас. – также медленно и жестко процедил Эйден, и Лив, с трудом дыша, судорожно выпалила:

– Буду через двадцать минут! – и, сбросив звонок, она крикнула, глядя на Марти:

– Планы поменялись, огурец, рули в поместье Мартинесов, быстро, быстро, быстро!!!

Марти, против обыкновения, не стал задавать лишних вопросов, а просто с визгом развернул «Кадиллак» и понесся на максимальной скорости в сторону выезда из города. Лив закусила губу, еле сдерживая бешеную панику, рвущую ее изнутри. Что случилось с отцом? Кто держит его на мушке? Какого черта там происходит???

Железные клещи неопишуемого страха за одного из таких немногочисленных близких ей людей сдавили грудь. Она взяла телефон и дрожащими пальцами настрочила Джонни смс: «Еду в поместье, кажется, кто-то хочет украсить стену моего дома детства папочкиными мозгами».

В ответ пришло незамедлительное: «Понял. Увидимся на месте».

Лив с трудом вздохнула и еще раз поторопила Марти, сообщив ему, что хочет успеть прибыть туда до того, как «труп отца начнет остывать или его настигнет неизбежный процесс разложения, сопровождаемый изменениями в облике тела и гнилостным запахом».

Глава 4

Охваченный аурой дурного предчувствия, «Эскалэйд» залетел в небольшую, но живописную деревушку Кэнди-вилладж в пяти километрах от Нью-Йорка, которая отличалась от других, примыкающих к городу, поселений тем, что состояла на девяносто процентов из старинных особняков и коттеджей, принадлежавших популярным артистам, политикам, известным общественным и культурным деятелям и... некоторым преступным лидерам.

Фамильный дом Мартинесов, где прошли первые шесть лет жизни Оливии, располагался примерно в середине деревни, не особо выделяясь среди соседних домов высоченным, титановым забором, по поверхности которого тянулись миллионы километров тонкого, еле заметного, черного провода под напряжением. Безопасность для крестного отца Эйдена Мартинеса была превыше всего на свете.

Лив заметила, что ворота, большие, изумляющие своей толщиной, возле которых сверху на заборе мелькали огоньки видеокamer, против обыкновения, были настежь распахнуты, и «Кадиллак» без каких-либо затруднений свернул на широкую дорогу из гравия, ведущую к шикарному, трехэтажному особняку.

Двор около дома впечатлял не менее роскошным вишневым садом по левую сторону, густыми кронами с красными вкраплениями ягод прикрывавшего почти половину древнего, величественного поместья, а с правой стороны цвели

фигурно постриженные кусты роз и наблюдался небольшой фонтан из белого мрамора, изображавший летящих вверх Дедала и Икара с широкими, раскрытыми крыльями. Лив мимоходом посмотрела на шипящих водой представителей древнегреческой мифологии и, почему-то, с грустью подумала, что бедняги никогда не долетят до солнца.

Во дворе, к неприятному удивлению девушки, тоже не было ни единой живой души, хотя обычно это место кишит охраной, держащей руку на пульсе. Зато прямо около дома были брошены три «Тойоты Лэнд Крузер» ослепительного белого цвета, которые Оливия никогда раньше не видела рядом с ее отцом.

Пытаясь держать себя в руках, ощущая, как напряжение, страх и гнев бурлят внутри нее и готовы захлестнуть с головой, Лив легко взбежала по белоснежному крыльцу и вошла в дом. Эдди и Марти следовали за ней по пятам, держа оружие наготове.

В шикарном холле с пушистым, огненно-красным ковром на древнем блестящем паркетном полу, многоуровневой позолоченной (или золотой, Лив не знала, но не удивилась бы: заскокам ее отца иногда не было предела) люстрой, такими же красными, с золотыми узорами, обоями на стенах и картинами Сальвадора Дали в рамках никого не было.

Более того, в доме стояла зловещая тишина. Ни единого звука. Лив нахмурилась и свернула влево, заглянув в просторную, но не менее претенциозную гостиную, отвечающую

по мебели и обстановке принципам современности, но там тоже было пусто. Тогда девушка рванула в противоположную сторону, где располагалась шикарная столовая и кухня с современной техникой и гарнитуром, а главное – с огромным обеденным столом, за которым Лив, наконец-то, обнаружила первого живого человека – горничную средних лет, судорожно вздыхающую и дрожащую от страха, крепко обхватив руками свое тело. Лив вопросительно посмотрела на нее, и та шепотом произнесла: «В кабинете», слабо кивнув на деревянную резную лестницу, ведущую из холла на второй этаж.

Лив кивнула и, стиснув зубы, бросилась наверх.

Толкнув дверь кабинета, Лив вошла и ощутила, как ее внутреннее напряжение достигло своего пика. Чтобы скрыть волнение и неопишное удивление от увиденной картины, девушка сложила руки на груди и потихоньку отпустила свои дьявольские тормоза.

В кабинете, помимо отца, Брайана и Джонни, который ухитрился приехать раньше Лив, торчало еще около десятка человек. Лив никогда их раньше не видела, но они и не отличались особой оригинальностью во внешности: по крайней мере, среди темно-серого пятна блеснуло что-то яркое, из ряда вон выходящее, но Лив, которая уже пикировала на крыльях своего гнева, замещающего сильнейшую тревогу за отца и Брайана, не успела как следует разглядеть непрошенных гостей: перед ее глазами возник десяток стволов, каж-

дый из которых в мгновение ока был направлен на нее.

Она раздраженно сложила руки на груди и посмотрела в сторону большого дубового стола-секретера, покрытого лаком и различными бумагами, и даже ноутбуком, который немного не вязался с образом средневековой комнаты, безуспешно навязываемым этому помещению отцом, не побрезговавшим, однако, поставить здесь два черных дивана из крокодиловой кожи, четыре подобных же кресла и обшить одну из стен, на которой опять же уютно устроились непонятные и слегка сбивающие с толку произведения Дали, кожаной плиткой. Возможно, со второй стеной он поступил бы точно так же, но, к несчастью, она вся, слева направо и сверху вниз, была занята пуленепробиваемым панорамным окном, которое, к тому же, было непрозрачным снаружи.

Не смотря на панорамное окно, зрительно расширяющее и без того огромную комнату, в кабинете было очень душно и тесно.

Незнакомцы, которые сейчас хмуро держали только что вошедшую Лив на мушке, столпились в правой части кабинета, а сам Эйден, восседавший за столом, Джонни, вальяжно пристроившийся на краешке этого же стола, Брайан, напряженно глядящий на чужаков с правой стороны от папаши и около двадцати человек – охрана отца, которые, заняв позицию за спиной своего босса, нацелили пистолеты на незваных гостей, – все они расположились в левой части помещения.

Лив хмуро посмотрела на Джонни, который даже в такой наэлектризованной ситуации не терял бодрого расположения духа и совершенно в свойственной ему манере игриво осмотрел девушку с ног до головы горячими зелеными глазами, завершив ритуал обворожения обаятельным подмигиванием, что, конечно, мигом отозвалось в душе Лив теплым сиянием, но она, впрочем, не подала виду. Переведя гневный взгляд на Эйдена, сидящего за столом в самоуверенной позе и с беспокойством глядящего на десяток стволов, которые своими немигающими черными глазами пристально усталились в голову его дочурке, Лив все же успела уловить в его стальных, сияющих холодом, глазах невероятную ярость, которая могла в любую минуту взять над ним верх и дать команду его же громовым голосом своим верным песикам сделать из агрессивно настроенных чужаков решето, но он почему-то еще сдерживался...

И вообще, они все молчали. Даже здесь, посреди этой ватаги людей, вошедших в состояние холодной войны, царила напряженная и густая, как туманный воздух, тишина.

– Отец, ты что, решил собрать кучку чокнутых в своем кабинете и организовать свое ТВ-шоу? – язвительно и гневно спросила Лив, обведя жестом десятерых мужчин, с самыми серьезными лицами не сводящих с нее прицелов. – А где же Опра? Ты что, забыл ее пригласить?? – ядовито негодуяще воскликнула она и снова посмотрела на незнакомцев раздраженным, но ничуть не испуганным взглядом, невозмут-

мо скидывая туфли и отбрасывая их к двери. Из-за невероятного напряжения Лив вдруг поняла, что даже не замечала, как ноют ее ноги от ношения каблуков с самого утра. Она была в своем доме и не собиралась показывать слабость или страх перед этими любителями потыкать своими пушечками в чье-нибудь лицо, это могло означать лишь их победу над ней, ее семьей и ее чувствами, но она не даст этим странным типам такой радостной возможности...

И Эйден с самым суровым видом, и Джонни с эдакой веселой, недвусмысленной ухмылочкой, и все люди отца, включая Брайана, недоуменно проследили за ее спокойными, беспечными действиями, десять пар глаз из-за спин блестящих револьверов внимательно прошлись по ее ногам, а руки с оружием описали дугу следом за движением головы Лив.

Молчание и пристальное внимание раздражало девушку и сбивало с толку все больше, но, продолжая играть свою стервозную роль, она двинулась в сторону отца, давя глубоко в себе пытающийся высунуться и посмотреть, насколько здесь, снаружи, лучше, чем внутри, страх. И в этот момент в поле ее зрения случайно попало кое-что странное...

Странными были двое мужчин, которых Лив не заметила раньше. Они оба расслабленно покоились в креслах, не двигаясь и одинаково откинув головы назад, будто пытались поймать ртом несуществующий, подкинутый в воздух попкорн. Мужчины были одеты довольно претенциозно: один был в аккуратном костюме-тройке и полосатом галстуке, а

второй – в сером джемпере и черных брюках... В руке у него тлела сигарета, но он и не думал ее докуривать. Лив наклонила голову набок и медленно, испытывая неприятное предчувствие, подошла к странной парочке, сложив руки на груди. Ее худшие опасения подтвердились, а к горлу подступила тошнота: странные мужчины оказались вовсе не странными. А мертвыми. С самыми, что ни на есть, настоящими дырками во лбах.

Лив поморщилась, подойдя к ним, и недовольно посмотрела на отца:

– Фу! А это что, атрибуты для спиритического сеанса? Где же тогда тарелочки, которые ты тут должен крутить со своими новыми друзьями, или что-то в этом роде?.. Или ребята просто решили не дожидаться окончания шоу и сами быстрее сбежали на тот свет??? Ай-яй-яй, папаша, а этот даже докурить не успел. – язвительно и укоряюще проговорила Лив, аккуратно вытаскивая из рук мертвеца тающий окурок, и, нисколько не смущаясь, затушила его об прекрасный, лакированный стол отца, случайно встретившись с Джонни взглядом и прочитав в его глазах укор по поводу ее не очень уважительного отношения к отошедшим в мир иной, но и уловила там же искры смеха, предположив, что если бы не десяток вооруженных мужиков, он бы ограничился небольшой наставительной нотацией, а затем бы уже весело захохотал.

– Дочь. Помолчи, пожалуйста. – жестко, металлическим

голосом проговорил Эйден, хмуро взглянув на девушку. Та только скептически подняла брови и прошла к бару, открыв его (вызвав при этом волну щелчков снимаемых с предохранителей пистолетов) и с интересом сунув туда свой нос, внимательно оглядывая содержимое. Щелчки она, конечно, слышала, и это только распалило ее гнев еще больше.

– Помолчать? А по какому случаю минута молчания?.. О, да у тебя и ром есть! М-м-м! – Лив вытащила из бара увесистую бутылку на пару с бокалом и обернулась к отцу. Откупорив сосуд с зеленым змием, она вдруг снова бросила быстрый, понимающий взгляд на двоих мертвых и хмыкнула. – А, ну да. Я и забыла... Ладно, минута, так минута, могу даже за них выпить, помянуть, почтить память так скоростижно покинувших нас... Кто бы это ни был. Не знала, что эти двое были так дороги всем присутствующим!

Она налила себе в бокал полупрозрачный напиток и сделала глоток, мечтая, чтобы этот ром немного ослабил фонтан гнева, бьющий из нее, и, хотя бы немного, притупил мерзкие поползновения страха, вызванные неопределенной, но не предвещающей ничего хорошего ситуацией, которая буквально выбивала из-под ее ног почву, заставляя нести всякую чушь, лишь бы только спровоцировать... Что? Да хоть что-нибудь, любое действие, слово, которое могло бы внести ясность в то, что здесь происходит.

– Оливия! – еще сильнее повысил голос отец, а мужчины напротив посмурнели еще больше, крепче сжав в руках пи-

столеты. Лив раздраженно закатила глаза и прошипела:

– Может, хватит уже? Вы что, думаете, я сейчас вытащу из своих шортиков огнемет и положу вас всех одной мощной волной огня, очищающего от всех грехов грешных??? – она вдруг обратила внимание, что среди десяти здоровенных мужчин в одинаковых темно-синих костюмах, черных джемперах с горлом и блестящих туфлях в расслабленной позе пришедшего на сеанс увлекательного, остросюжетного кинофильма, на кожаном диване восседал молодой человек.

Он выглядел, мягко говоря, оригинально: светлые, белокурые, кудрявые волосы россыпью завитушек по всей голове, падающие ему на лоб и затылок, утонченное, почти женственное лицо с аккуратным маленьким носом, немного полноватыми губами и тихими, безмятежными, как штиль в океане, серыми глазами, которые вроде бы с интересом следили за Лив, но в то же время как будто смотрели сквозь нее, не фокусируясь на глазах или каких-то других чертах лица; небольшие плечи, тонкие длинные руки, такие же тонкие ноги, одна была изломлена в кривую, зигзагообразную линию в районе колена и сложена на другую, и короткое тело... Но все это переставало бросаться в глаза, потому что юноша отвлекал внимание от своего не очень ладного телосложения с помощью ярко-салатового кардигана на пуговицах, под которым виднелась малиновая, кожаная (Боже мой, или со зрением у девушки совсем худо, или такие действительно бывают!) футболка, облегающие бежевые брюки, заканчива-

ющиеся как раз на таком месте, чтобы явить свету костлявые щиколотки, синие носки и лакированные голубые башмаки. Лив изумленно таращилась на это угловатое, колоритное пятно и не сразу заметила, что руки парня были скрыты кожаными черными перчатками с отрезанными пальцами, на запястье одной из которых болталась фенечка из простых деревянных бусинок, которую он медленно перебирал пальцами другой руки. Он выглядел настолько уверенно и расслабленно, что Лив фыркнула:

– А этот у них самый главный... Выделяется на фоне остальной театральной труппы. Безумный режиссер постапокалиптического жанра с криминальными наклонностями и чудаковатой манерой одеваться... Еще бы берет в горошек, и тогда... – она снова сделала глоток рома и, поморщившись, спросила:

– Отец, ты, наконец, расскажешь, что здесь происходит? Или этот белобрысый шаман в зеленом тулупе заколдовал вас всех на вечное молчание? Было бы неплохо, кстати...

Эйден сокрушительно выдохнул, умерив гнев внутри себя, и перевел ледяной взгляд с дочери на «шамана», вибрирующим от злости голосом проговорив:

– Действительно, может, начнем? Или пожелаешь еще послушать красочные метафоры в свой адрес? Предупреждаю, моя дочь может говорить часами, и ее не очень волнует, слушает ее кто-нибудь или нет.

Лив закатила глаза, но ее взгляд быстро вернулся к «вы-

дающемуся», во всех смыслах этого слова, блондину на диване: она отчего-то ощутила странное притяжение к этому парню, у которого, явно, не все были дома, туманно глядящему на нее и сквозь нее и слегка улыбающемуся. Странно, но она не боялась его, он не вызывал в ней какого-то отторжения, несмотря на то, что его люди в любую секунду могли обеспечить ей путевку в дальние края.

Станный тип немного попялился через Лив туманно-призрачным взглядом и медленно и плавно перевел взгляд на стену, отделанную кожаной плиткой, и большую картину, висящую на ней.

– Оливия. – неожиданно мягким, вкрадчивым и очень тихим, но отчетливым голосом вдруг проговорил юноша. – Что это за картина?

Лив недоуменно посмотрела на него, затем бросила взгляд на полотно, где отчетливо вырисовывались ярко-оранжевые кирпичики, мягкие, как будто стекающие куда-то, часы, силуэт лошадиного крупа и, позади всего этого символического коктейля, тихая, темно-синяя гладь озера. За последние два года работы вместе с отцом Лив частенько приходилось бывать в этом кабинете, поэтому она, не задумываясь, ответила:

– «Распад постоянства памяти» Сальвадора Дали. Если пожелаешь, могу помочь прочувствовать на себе это неповторимое состояние, обеспечив более близкое знакомство с данной репродукцией... – с сарказмом и раздражением про-

говорила Лив, а затем уже более нетерпеливо:

– Ты ради этой информации потратил столько бензина? Ради этого столько добирался в это захолустье с выводком профессиональных убийц женщин и беспомощных стариков??? Так мог бы и у папаша спросить, зачем меня ждал? Сомневаешься в его познаниях собственного кабинета?

Она покачала головой, показывая всем своим видом, что паренек явно страдает расстройством ума. После этой фразы отец окончательно присоединился к обществу «хмурых мира сего», а Джонни ухмыльнулся и весело, с большим энтузиазмом прошептал:

– Здесь еще есть мужчины средних лет, Оливка.

Лив подняла брови и шутливо оглядела комнату, с насмешкой ответив:

– Ах да... Брайан. Извини, вермишель. – Брайан покачал головой, а Джонни грозно посмотрел на жену, но, впрочем, нисколько не обиделся на ее шутку.

Молодой любитель изобразительного искусства, однако, на сарказм и предложение быть контуженным картиной никак не отреагировал. Он снова пощупал пальцами свою фенечку на руке и туманно посмотрел сквозь Лив. Все тем же тихим, но каким-то завораживающим и заставляющим прислушаться, голосом он удивленно спросил:

– А почему здесь именно эта картина?

Лошадь гнева внутри Лив от бессмысленности этого разговора понеслась галопом, и она злобно выпалила:

– Потому что «Постоянства памяти» на распродаже в Куинсе уже не было! К чему эти идиотские вопросы?? Отец, кто это, и почему ты до сих пор не убил его??? – недоуменно и гневно проговорила она.

– Дочь. – внушительно осадил ее отец и посмотрел на Оливию таким металлическим взглядом, что до девушки, наконец, дошло, что на весь этот цирк у отца были свои причины.

– Подойди ко мне. – вдруг мягко, но как-то беспрекословно велел белобрысый девушке, и та аж вытаращила глаза от такой наглости, но прыснуть ядом не успела.

– Не приказывай ей! Сам подойди. – вдруг жестко проговорил Джонни, сложив руки на груди и недобрый взглядом глядя на типа в зеленом кардигане.

Тот почти безэмоционально посмотрел на него, а затем вдруг поднялся, с легкостью проговорив:

– Ладно. – он двинулся к девушке странной, прыгающей походкой, да, к тому же, как-то нелепо выставляя колени вперед. Лив с ухмылкой следила за ним, все больше и больше ощущая к нему странное притяжение... Даже желание потрогать его за плечо... Когда парень проходил мимо Джонни, он вдруг тихо, но с возникшими из ниоткуда нотками безумной угрозы, звучащими при его вкрадчивом тембре довольно устрашающе, проговорил:

– Но ты мне за это ответишь.

Джонни беспечно пожал плечами и улыбнулся, явно не

испугавшись «прыгающего» коленками вперед незваного гостя, который, к тому же, своей макушкой едва доставал ему до плеча. А тот, тем временем, подошел к Лив и встал напротив нее, да так, что девушка фактически могла ощущать его дыхание на своем лице. Она поморщилась: парень вошел в ее личное пространство, а она не позволяла таких телодвижений в свою сторону никому, кроме самых близких ей людей... Но отчего-то она не отступала. Парень оказался всего лишь сантиметров на пять выше ее, а его серые глаза больше не были туманными: они очень даже конкретно смотрели прямо в акваариновые глаза девушки, не мигая и не отрываясь, и слегка улыбались.

– Не так близко, Эрнесто. – жестко проговорил отец, и Лив с удивлением обнаружила, что и он, и стоящий позади блондина Эрнесто Джонни, и даже Брайан нацелили на него свое оружие. Эрнесто спокойно и очень непонятно улыбнулся, сделав малюсенький шагок назад, все по-прежнему не отрывая от Лив своего внимательного, изучающего взгляда и даже не думая о том, чтобы как-то реагировать на нацеленное на него оружие.

– Чего надо, кузнечик? – не слишком проявляя вежливость, спросила Лив.

«Кузнечик» насмешливо поднял брови, услышав свое лестное прозвище, и тихо проговорил:

– Какая ты грубая, Лив. Тебе нужно уважительнее относиться к людям, в особенности ко мне... – он вдруг поче-

му-то перевел взгляд на ее горло, и это девушке ой как не понравилось. – Я же, все-таки, твой брат.

Лив почувствовала удар где-то внутри головы. Шокировано вытаращившись, она глупо смотрела на ненормального парня и от удивления и изумления не могла выдать ни звука. Глотнув ром из бокала, она медленно посмотрела на отца, чей разъяренный взгляд уже медленно убивал коротышку Эрнесто с угловатой фигурой, и подняла брови в немом вопросе.

– Не зарывайся, маленький засранец! Ты ей не брат и вообще никто! – громыхнул отец. – А еще раз заикнешься на тему родственных связей, я...

Остаток предложения утонул в хохоте Лив. Она поставила бокал на стол и, уперев руки в колени, хохотала, глядя на Эрнесто, спокойно вззирающему на нее, аки удав.

– Прости, насекомыш, но если бы у меня был брат, я бы, наверное, заметила! По крайней мере, о том, что у меня была сестра, я помню до сих пор. – Лив перевела дух и посерьезнела: воспоминание о Джессике больно резануло сердце, и она поморщилась.

Эрнесто спокойно переждал, когда девушка утихнет, и вкрадчиво проговорил:

– Твой отец, по объективным причинам, никогда не рассказывал тебе обо мне. Он наивно верил, что эта история закончилась много лет назад... Какой недалезоркий. – вдруг с огромной долей тихого яда и злой насмешкой, проскочив-

шей через маску спокойствия, проговорил он, бросив взгляд на Эйдена. – Меня зовут Эрнесто Карелли. Я – единственный сын Рико Карелли, которого безжалостно и хладнокровно убил твой отец, и Алисы Фелбс, которая умерла несколько лет спустя от сердечной недостаточности: она жила в постоянном страхе за своего единственного сына и других родственников, которых мистер Эйден Мартинес вырезал, как поголовье крупного рогатого скота.

Лив со смесью ужаса и шока в расширенных бирюзовых глазах так и уставилась на новообращенного сводного братца. Сын Рико и Алисы??? Она внимательно взгляделась в Эрнесто: волосы... кудрявые, светлые, как у нее, черты лица тонкие, изящные... большие глаза, только не голубые, а серые и почти одинаковый рост и комплекция... Изумление от тщательного осмотра странного парня перед собой потеснилось, позволив раздражению и злости почти полностью занять собой лавочку в душе Лив. Он явно пришел сюда не с самыми добрыми намерениями, и Лив ощутила, что постепенно в ней растет ощущение сопротивления и агрессии.

– Ты??? Сын Алисы?!? Моей биологической мамы? – Лив ухмыльнулась и посмотрела на отца с возмущением. – Папаша, ты же говорил, что развеял по ветру всю семейку этого подонка? А этого таракана что, забыл прихлопнуть??

Эйден гневно ударил ладонью по столу и закурил, еле сдерживая себя от того, чтобы не дать своим людям указание сделать из угловатого парнишки журнальный столик.

– Когда я мстил за твою маму, этому отпрыску было четыре года... И он выглядел жутким задохликом! Не мог же я предположить, что пугливый мальчишка вырастет и...

– Станет главой Чикагского синдиката? – с мягкой улыбкой закончил за него Эрнесто и добавил вкрадчивым голосом:

– Никогда не суди о книге по обложке, Эйден. Да, я был хилым и трусливым...

– А сейчас прямо Геркулес, можно подумать. – съязвила Лив.

– Дочь, не паясничай! – приказал отец.

– Позвольте продолжить? – мягко, но с нотками угрозы, проговорил Эрнесто, посмотрев снова куда-то сквозь Лив.

– Валяй. – махнула рукой девушка и уселась прямо на отцовский стол, закинув ногу на ногу. – Раз папочка не спешит тебя убивать, значит, видимо, придется слушать твой противный голос, от которого, кстати говоря, хочется спать.

Эрнесто с укором посмотрел на нее и покачал головой.

– Невоспитанная девочка. Так вот. Я был хилым и трусливым, а после смерти матери мой дядя, которого Эйден расстрелял через пару месяцев после этого, отдал меня в приемную семью. Мои новые родители не были простыми жителями Чикаго. Они тоже входили в клан Карелли, который вел ожесточенную борьбу с кланом Мартинеса, но оставались в тени. Им была дана задача – воспитать из меня самого грозного и безжалостного мафиозного босса Чикаго за

последние десятилетия... И они планомерно ее выполняли. Они обучили меня всем видам оружия, постепенно посвящали в основы нелегального бизнеса, учили принимать экстренные и неординарные решения... И я стал тем, кем стал.

Лив скущающе переглянулась с Джонни и проговорила:

– Ладно, крутой чикагский мафиози, а сюда-то ты какого черта приперся? Желаешь отомстить за родителей? Очень оригинально! Экстренно и неординарно... Так ты выразился? И почему мой отец еще преспокойненько сидит и покуривает вместо того, чтобы лететь к праотцам вместе с теми двумя бедолагами???

Эрнесто тихо ухмыльнулся и посмотрел на Эйдена, который испепелял его яростным, блестящим взглядом.

– Да, я хочу отомстить, Оливия, ты угадала... Все-таки твой отец безжалостно расправился с моим отцом, и из-за него погибла моя мама...

– Твой папаша, Эрнесто, убил мою жену! – взревел Эйден. – И пытался убить дочь!!! Я просто исполнил один из законов мафии – совершил вендетту! Он не имел права врываться в мой дом...

– А разве не ты совокуплялся с его будущей женой, которая должна была родить тебе сына? – все тем же вкрадчивым голосом, но явно испытывая гнев, проговорил Эрнесто. Его тонкие ноздри раздувались, а серые глаза снова стали ясными и конкретными.

Эйден грозно поднялся из кресла и выдохнул дым в лицо

парню. Его глаза пылали диким, бесконтрольным гневом.

– Полегче ты, сосунок! Я встречался с твоей матерью еще до того, как Рико женился на ней! Поэтому он не имел права мстить за то, что у Алисы кто-то был до него!!! Он поступил грязно и подло, придя в мой дом и разобравшись с моей женой, а не выступив в открытую против меня! Так что он заслужил свою участь.

Эрнесто поморщился от дыма и пожал плечами.

– Вообще-то, Рико и Алиса начали встречаться задолго до свадьбы... Может, отец и поступил поспешно и необдуманно, но мама... – Эрнесто блеснул злобой в сторону Эйдена. – Моя мама, которая родила вам ее, – он ткнул в Оливию пальцем, – она была не при чем! Ее смерть – ужасная ошибка... И я собираюсь отомстить за нее.

Лив спрыгнула со стола и подошла к Эрнесто, пылая гневом.

– Папаша, напомни мне, почему мы полчаса выслушиваем стрекотание этого слизня, и все еще не убили его???

– У него кое-что есть против нас, Оливия. – угрюмо буркнул Эйден и, злясь от бессилия, плюхнулся обратно в кресло.

Лив подняла брови, посмотрев на «стрекочущего слизня». Тот вдруг повеселел, а его глаза снова подернулись дымкой. Он посмотрел на картину «Распад постоянства памяти» и тихо проговорил:

– О да, Эйден прав. У меня есть много чего... Против него, против тебя, Лив, против Джонни О-Коннела... И это

покажется весьма интересным ФБР... О, да они смогут покончить с мафиозной семьей Мартинес раз и навсегда! – Эрнесто счастливо просиял, а Лив вытаращила глаза, почувствовав, как внутри нее ледяной волной поднимается страх.

– Чем докажешь, кузнечик?

Эрнесто прошел к так сильно заинтересовавшей его картине и стал внимательно и задумчиво ее разглядывать, наконец, заговорив:

– Доказать? Легко, милая сестра! Когда три года назад я стал главой Чикагского синдиката, то первой моей идеей была месть твоей семье... Но просто приехать и убить – это банально и неправильно, не позволяет прочувствовать свою вину до конца... Поэтому я придумал одну интересную игру, в которой ты, Оливия, сыграешь главную роль... Но об этом позже. Чтобы собрать компромат на твоего отца, я стал следить за ним и за Джессикой, твоей старшей сестрой. – Эрнесто повернулся и триумфально посмотрел на Лив. – Следить оказалось легко, но вот найти зацепку... Твой папа действительно умел чисто вести бизнес, придраться было не к чему. Да и Джессика, такая милая и красивая, такая безумно влюбленная в твоего нынешнего мужа и мечтающая о скорой свадьбе с ним, не оставляла после себя никаких следов, которые могли бы заинтересовать следствие. Она была истинной дочкой своего отца: послушная, верная, деловая и преданная... Я почти отчаялся и хотел придумать новую игру... Но на сцене появилась ты. – Эрнесто подошел к Лив,

ядовито следящей за ним взглядом, и внимательно заглянул ей в глаза. – Ты была настоящей находкой для меня! Непослушная оторва, готовая в любой момент подпортить репутацию отца, прожившая шестнадцать лет в закрытом пансионате для девочек, злая на весь мир за свою судьбу и одиночество, не научившаяся контролировать свой гнев и держать себя в руках, доводящая до иступления всех окружающих, случайно попавшихся ей под руку, вдруг прилетает в Нью-Йорк... И любимый папуля сразу же решает пристроить ее в свой бизнес и с ее помощью присоединить к себе еще одну влиятельную семью под фамилией Уолш... Но он не ожидал, что дочка воспротивится браку с сексуальным извращенцем Блейком, да еще и подерется с ним на глазах публики в баре! Это, кстати, было очень эффектно. – проговорил Эрнесто с видом знатока, будто лично присутствовал при том событии. – А дальше снежный ком повлек за собой смерть бедной Джесси, так и не познавшей счастья семейной жизни с любимым, и чудесное спасение Оливии, отделавшейся разрывом селезенки и сломанными ребрами. Я думал, малышка-сестра побежит к папочке, но... К моему великому изумлению, она решила действовать самостоятельно. Благодаря своей любовной интрижке с советником Генри Уолша Максом Вератти, Лив получала...

– Что-о-о??? – взревел отец, а Лив возмущенно посмотрела на Эрнесто.

– Ну, ты, насекомое, не обязательно было все рассказы-

вать, тут кое-кто не в курсе...

– Оливия, какая еще интрижка??? – громыхнул отец, выпучив на дочь глаза. – Ты... у тебя... что-то было с Максом??? Да ты хоть знаешь, что он меняет женщин, как... как...

Эйден задохнулся и приложился к бутылке с ромом, а Лив посмотрела в пол, почувствовав затаенную боль внутри себя и гложущее сердце чувство вины. Она помнила Макса и сейчас, помнила свои чувства по отношению к нему, но любовь к Джонни затмевала эти ощущения, тем более, она знала, что больше никогда его не увидит, и это помогало ей почти не думать о нем.

– Успокойся, папаша, все в далеком прошлом. – махнула рукой Лив и с тревогой посмотрела на Джонни, изучающего ее пронизательным зеленым взглядом, пытаясь понять, что она чувствует сейчас.

– Эйден, не волнуйся, Макс действительно полюбил Оливию, вопреки своим привычкам разнообразить личную жизнь, так что чувства твоей дочери были взаимными... но не однозначными. С помощью своего единственного друга Джонни, к которому Оливия начала привязываться, не осознавая этого, – Эрнесто снова вернулся к созерцанию картины, – она сумела в одиночку бросить вызов могущественной мафиозной семье и начала планомерно мстить. Подрыв борделя, подмена автобуса с наркотиками и захват в заложники Макса вывели Генри Уолша на чистую воду. Он сознался в

убийстве Джесси и началась война... Только я одного не понял, – Эрнесто снова повернулся к Лив, – почему ты все-таки выбрала Джонни? Мне казалось, Макс сводил тебя с ума, по крайней мере там, в квартире этой милой женщины Амелии Грейс Портер, где вы до сих пор живете, мне казалось...

Лив вытаращила глаза и, спрыгнув со стола, вскинула руку в останавливающем жесте:

– Так, стоп!!! А ты, любитель подглядывать в замочную скважину, мог бы легко стать моим биографом! Но моя личная жизнь тебя не касается, запомни, насекомый! И как ты обо всем этом узнал??? Такое чувство, что твоя несуразная фигура держала свечку прямо в моей спальне...

Эйден хмурился все больше, равно, как и Джонни, а вот Эрнесто напротив, засиял ярче солнышка, посмотрев сквозь Лив:

– Я же сказал, я следил за тобой! Я знаю о тебе ВСЕ, Оливия Мартинес... Так что, думаю, видеозаписи, на которых видно, что именно ты взрываешь клуб, именно ты и твой будущий муж выкрадываете Макса и именно вы и твой папочка причастны к перестрелке около заброшенных гаражей и в здании старой больницы, могут попасть в руки ФБР... да хоть сейчас, в эту самую минуту! – он мягко рассмеялся.

Лив подошла к нему и, чувствуя, как ее распирает гнев изнутри, пихнула рукой в плечо «братца», прошипев:

– Тогда я просто разорву тебя прямо здесь, и никто ничего не узнает, как тебе идея, наблюдатель?

Эрнесто пожал плечами и снова принялся перебирать руками фенечку на запястье.

– Сделай это. И тогда мой хороший друг, о котором вы все здесь не в курсе, через минуту после того, как мое сердце перестанет биться, будет уже в ФБР. Твоего отца, мужа и тебя ждет пожизненное заключение... или смертная казнь.

– Замолчи, мальчишка!!! – вдруг взревел Эйден, стремительно подлетев к Лив и Эрнесто. – Ты не смеешь врывать в мой дом и угрожать моей семье, ясно тебе?.. Думаешь, ты сможешь обдурить того, кто уже тридцать лет стоит у руля и имеет богатый опыт общения с шантажистами? – Эйден насмешливо рассмеялся, но через секунду его взгляд снова заметал искры, и он процедил, неожиданно направив на Эрнесто пистолет и вызвав аналогичную реакцию в свой адрес со стороны его людей:

– А теперь забирай своих людей и выметайся из моего дома, пока я не обеспечил тебе путевку в ад в один конец. И да, – задумчиво добавил Эйден, – только из-за того, что ты – сын Алисы, подарившей мне замечательную дочь, я не убью тебя за твою наглость и не развяжу войну с твоим кланом, оставив все, как есть.

Эрнесто безразлично смотрел на пистолет, направленный на него, а его взгляд снова отключился, но он, по-видимому, все понимал, потому что мягко улыбнулся и проговорил:

– Прости, Эйден, не могу принять твоего предложения... Видишь ли, если ты и твоя дочка не согласитесь играть со

мною в мою игру, я просто прямо сейчас поеду и сдам весь свой архив с компроматом ФБР. Они очень долго ждали этого шанса... По крайней мере, так говорит один мой друг из этого самого бюро...

Эйден зарычал и с силой вдавил дуло револьвера в висок Эрнесто, который с безмятежным видом был прижат к кожаной плитке на стене. В этот момент рядом с отцом Лив возник Джонни и положил руку на его револьвер, строго проговорив:

– Не надо, Эйден. Не сейчас.

Лив кивнула и гневно прошипела, глядя на Эрнесто:

– Я тебе не верю, кузнечик. Где доказательства, что видеозаписи действительно существуют??? Может, ты просто брешь.

Эрнесто мягко улыбнулся и спокойно достал из кармана мобильный. Отыскав в нем что-то, он протянул его Лив и вкрадчиво ответил:

– Я никогда не вру, сестричка.

Лив взяла телефон и посмотрела на экран. Там шла какая-то запись, явно снятая среди кустов или кроны дерева, листья то и дело попадали в кадр. Девушка увидела блистающий своей вывеской, еще вполне себе целый, ночной клуб «Кабриолет», заснятый в темное время суток, то ли поздним вечером, то ли ночью. Камера медленно сместилась к углу дома и сфокусировала темную фигуру девушки, выглядывающей из-за угла и явно кого-то поджидавшей.

Лив изумленно подняла брови. Да, сомнений не оставалось: это была та ночь, когда они с Джонни взорвали ночной клуб Блейка, и она сама, выжидающая ушлепка с сумкой, полной взрывчатки, через плечо.

Дальше она в легком шоке следила за тем, как ее собственная личность встретила Джонни, как они завернули за угол (камера, при этом, следовала за ними по пятам) и влезли в клуб через окно туалета. Дальше камера внезапно переключается на одну из тех, что установлены в зале, и снимает то, как девушка, морщась от боли, пристраивает взрывчатку под стол шумной компании, ни один из членов которой не выйдет живым этой ночью... И снова переключение на камеру в кустах, проследившую, как Джонни и Лив спрятались на парковке от охраны Блейка и как через определенное время прогремел взрыв.

Лив, которая смотрела видео вместе с отцом и Джонни, сморщилась и, чтобы скрыть тревогу, если не сказать, панический ужас, сунула сияющему суперзвездой Эрнесто телефон, презрительно проговорив:

– Да-а-а, парниша... А я-то думала, что Блейк Уолш – настоящий чертов маньяк... Ан нет. Ты его переплюнул, чудила.

Эрнесто улыбнулся и отошел от нависшей над ним троицы, вернувшись на кожаный диван. Закурив тонкие сигареты, он проговорил:

– Я же говорил. Я знаю о тебе все... Я знаю, что твой отец,

тайком от тебя, перепроверяет за тобой счета по отмыванию денег... – услышав это, Лив возмущенно и гневно воззрилась на отца, который только безразлично пожал плечами и махнул рукой, мол, «потом объясню». – Я знаю, что Джесси, на момент смерти, была... – он вдруг осекся и тихо рассмеялся, глядя на Джонни и Эйдена, которые расширенными глазами грозились убить его на этом самом месте, если он продолжит фразу. Лив вздрогнула и беспокойно посмотрела на мужа и отца... Что это? У Джесс был какой-то секрет, о котором они двое знали, но не хотели ей говорить?.. Что-то мерзкое и болезненное сдавило ей сердце, и она поспешно и с нажимом воскликнула:

– Что?.. Джессика что??? Говори, коротышка, или я тебе пересадку костного мозга прямо на этот диван сделаю!!! – гневно крикнула Лив, но отец положил руку ей на плечо, а Джонни с другой стороны взял ее за локоть, и она немного остыла.

– О, я вижу, твои родственники не очень хотят, чтобы я поведал тебе эту тайну. – непринужденно куря, проговорил Эрнесто. – И, кстати говоря, они тоже не знают о твоём маленьком секрете от них...

Теперь уже Джонни и Эйден удивленно и требовательно посмотрели на Лив, и та дико покраснела, разъярившись еще больше:

– Я тебя убью, подлюга, даже духа твоего не останется, слышишь, насекомое?.. Готовься к смерти!!!

– Это все сейчас не важно. – громыхнул отец. – Мы поняли, что ты фанатеешь от нашей семьи, но давай уже перейдем к сути! Мы торчим здесь уже чертовых сорок минут, а у меня еще много дел. Ты хочешь, чтобы мы что-то сделали взамен на твое молчание. Что же это?

Эрнесто улыбнулся и вскинул руки.

– Рад, что ты об этом заговорил, Эйден! Моя игра включает в себя несколько этапов... И ты либо откажешься играть, и я передаю пленки, обеспечив вам троим и всем вашим подсобникам электрический стул, либо согласишься... И тогда медленно, но верно уничтожишь себя сам... Но в этом варианте твоя Оливия стопроцентно останется жить и на свободе... Насчет остальных – обещать не могу.

Лив аж затрясло от такого заявления.

– Договаривай быстрее, слизень, или я сверну твою тонкую шейку прямо сейчас, уже руки чешутся... – прошипела Лив, ощущая, как внутри нее происходит взрыв кастрюли с гневом, заставляя все внутренности полыхать огнем. Эйден и Джонни, по-видимому, испытывали нечто подобное, потому что оба стояли с такими выражениями на лицах, что, казалось, еще минута – и от Эрнесто останутся только фрагменты тела, по которым установить принадлежность именно этому человеку сможет только ДНК-экспертиза.

– Что за... черт возьми... игра?.. – прошипел Эйден, стискивая кулаки от злости.

Эрнесто затушил сигарету и с удовлетворением вздохнул:

– Так ты выбираешь игру? Это прекрасно! Что ж... Первый этап начнется совсем скоро... Когда там должны состояться выборы мэра Нью-Йорка? Через месяц?

– Да. Тридцатого октября. – проговорил Джонни. Эрнесто кивнул.

– Отлично! Эйден, у тебя же наверняка есть подкупленный кандидат, который стремительно набирает популярность у общественных организаций и профсоюзов, да и у простых жителей тоже? Этакая твоя личная марионетка, которая будет покрывать твой бизнес и остальную деятельность, обеспечив тебе безопасное существование, не так ли?

Эйден стиснул зубы и кивнул.

– Ну разумеется, Эрнесто. Думаю, это и так понятно. И что дальше?

Эрнесто снова посмотрел в пространство мутным, серым взглядом и вкрадчиво произнес:

– У меня есть свой кандидат. Я пришлю тебе его досье. Ты сделаешь так, что выборы выиграет не твой, а мой человек. Только и всего.

Эйден изумленно воззрился на него, потеряв на секунду дар говорить и думать.

– Только и всего? Да ты совсем спятил, мальчик! – захохотал Джонни. – Предвыборная компания длится уже несколько месяцев, и ты хочешь, чтобы за тридцать дней мы полностью все переиграли в пользу твоего человека??? А свет на Марсе тебе не зажечь??

Лив прыснула, Эйден лишь сурово покачал головой, а Эрнесто пожал плечами:

– Можешь зажечь, конечно, но вы сделаете то, что я говорю. Иначе первым на столе у агентов ФБР окажется видео с Оливией в главной роли. И кстати, – оживленно добавил он, – Эйден, сделаешь хоть что-нибудь не так – и результат будет тот же... Прости, сестра, ничего личного.

Лив обхватила себя руками и стиснула свои плечи до боли, еле сдерживаясь, чтобы не разразиться новой огненной тирадой. Внутри нее все кипело от бессилия и злости. Очередная ловушка, очередная борьба за выживание... Она ненавидела все это, но понимала, что, оставшись в Нью-Йорке с отцом и Джонни, войдя в семейное дело, она автоматически встала на рыхлую почву. Это был сознательный выбор...

Эйден, полыхая яростью, подошел к Эрнесто и процедил:

– Запомни, мальчишка: всегда, когда ты будешь думать, что на шаг впереди, я буду еще на два шага дальше. Ты думаешь, что сможешь манипулировать семьей Мартинес? Ты еще узнаешь, Эрнесто, что такое настоящая игра... А теперь вон отсюда! Или через десять секунд мои люди откроют огонь! Ну же!!! – жестко громыхнул он, и Эрнесто с мягкой ухмылкой встал, снизу-вверх посмотрев на Эйдена. Пожав плечами, он направился к выходу:

– Ты все равно будешь играть, Эйден! У меня в руках жизнь твоей дочери... И кстати, – он вдруг остановился у

двери и странно посмотрел на Марти и Эдди, которые все представление находились у стены, не спуская прицелов с Эрнесто, – мог бы просто попросить уйти... Повежливее. А так... Придется сделать это... да... – порассуждал сам с собой на какую-то тему Эрнесто и, сделав знак одним пальцем, покинул комнату.

Его люди последовали за ним, выходя один за другим из кабинета, а последний мужчина вдруг остановился около телохранилителей Лив и неожиданно, к огромному недоумению всех оставшихся, вдруг резко выстрелил и тому, и другому охраннику прямо в одно и то же место на ноге, чуть ниже колена, и пока те, скорчив лица, терпели боль, он быстро скрылся следом за своим безумным хозяином.

– Вот ублюдок мелкий! – вспыхнула Лив, подбежав к своим супчикам, которых только что немного подзаправили свинцом, и теперь они с самыми героическими видами скрипели зубами. Она наклонилась и посмотрела на раны. – Вы в порядке? Марти? Эдди?

Оба с трудом кивнули, и Лив, подхватив туфли, подбежала к окну, на ходу ругая Эрнесто почему зря.

Эйден, тоже горя злобой и уязвленным чувством собственного достоинства, вернулся за стол и закурил, возмущаясь:

– Мерзавец! Я оставил его жить, а он теперь смеет угрожать моей семье!!! Да как он посмел, крысеныш!.. Я раздавлю его...

Лив, тем временем, следила за тем, как «Лэнд Крузеры» вырывают с лужайки ее дома. Быстро, на ходу цепляя туфли на ноги и не обращая внимания на то, что отец и Джонни серьезно о чем-то переговариваются и кому-то звонят, а Брайан, равно как и она, внимательно следит за автомобилем Эрнесто из окна, девушка протараторила:

– Огурец, помидор, я позвоню Калебу, будьте здесь! Пока, папаша. Джонни, я буду поздно! – и она уже почти скрылась за дверью, но ее остановил голос Джонни:

– Стой, стой, Оливка, ты куда???

Лив нетерпеливо закатила глаза и заглянула обратно в кабинет.

– Как «куда» ??? Прослежу за этим кузнечиком, дубина! Может, удастся хоть что-нибудь о нем узнать! Все, Джонни, теряем время!

И только Лив хотела умчаться на крыльях решительного преследования, как теперь ее задержал голос отца:

– Эй, а ну остановись, дочь! – громыхнул из-за стола Эйден. – Ты – мой андербосс, ты не должна заниматься такой мелкой работой, как какая-то чертова слезка! Вернись в кабинет, я отправлю за Эрнесто своих капореджиме: Тома и Марко...

– Ой, да делай ты что хочешь, отец! – нетерпеливо воскликнула с раздражением Лив. – Во-первых, я не твой андер... как его там... андербосс. Во-вторых, доверять свою судьбу в руки твоих кривоглазых капо тоже не собираюсь,

так что отвали!

И она вылетела из дома. Эйден угрюмо переглянулся с Джонни.

– Нет, ты видел? Она опять за свое!! Тоже мне, самостоятельная... И мои капо, видите ли, кривоглазые! Эх...

Джонни тепло улыбнулся и проговорил:

– Не волнуйтесь, Эйден. Я за ней присмотрю. – и, что-то весело насвистывая, Джонни вихрем вылетел следом.

Лив несколько не удивилась, когда увидела сияющего яркой, довольной улыбкой и невозмутимо залезающего к ней в «Кадиллак» Джонни, сразу ощутив его теплый, энергетический пузырь, окутавший ее с ног до головы и погрузивший в такую привычную ей ауру защищенности и надежности, а только почувствовала внутри себя радостное подергивание: его присутствие было нужно ей, как воздух.

– Ну и куда же ты без меня собралась, Оливка? – игриво подмигнул ей Джонни, посмотрев на нее сияющими зелеными глазами. – Я, может, тоже хочу поучаствовать в спектакле «Поймай меня, если сможешь» ...

Лив закатила глаза и нажала на газ, торопясь нагнать белоснежный «Лэнд Крузер» с Чикагскими номерами, которые она разглядела из окна кабинета отца.

– Конечно, ни один спектакль без тебя не обходится, прилипала! Только, к сожалению, в пьесе этого чокнутого Эрнесто у тебя не самая главная роль... Я убью его! – вдруг в сердцах воскликнула она, а Джонни рассмеялся.

– Успокойся, малышка Лив, это просто очередной псих, мы найдем способ, как обыграть его.

Лив гнала на выезд из деревни и скоро попала на трассу, ведущую в город. На длинной, прямой дороге в степной местности она без труда разглядела три белых «Тойоты», движущихся в Нью-Йорк.

– Вон он! – воскликнула девушка и увеличила скорость, быстро нагоняя. Джонни задумчиво посмотрел на сверкающую белизной крышу внедорожника, лавирующую между автомобилями:

– Думаю, он в курсе, что мы едем за ним... И вряд ли покажет нам свой уютный домик... Наверняка наготове какой-нибудь фокус...

Лив почти не слышала мужа: она беззаветно злилась.

– Тоже мне, прима-балерину своего кордебалета больных и убогих нашел! Пусть даже не мечтает насекомыш... И как это он все про нас разузнал??? О том, что мы сделали два года назад... О том, что происходило тогда в квартире миссис Портер... О моих чувствах... И сейчас... – Лив резко вздрогнула, вспомнив о том, что Эрнесто обмолвился о ее секрете перед Джонни и отцом... И о секрете Джессики... Она посмотрела на сосредоточенного и задумчивого Джонни, внимательно следящего за «Лэнд Крузером» впереди, и ей так ужасно захотелось спросить о сестре... Но тогда, по-видимому, придется выдавать и свой секрет, а она пока не готова...

Джонни вдруг подался вперед.

– Смотри: номера сбросил! Значит, были ненастоящие...

Лив очнулась от своих нерадостных мыслей и посмотрела на «Тойоту», от которой только что будто «отстегнулись» номера и упали на разгоряченный асфальт, тут же попав под колеса мчащихся по шоссе автомобилей.

– Да какая разница? Мы же все еще едем за ним... – договорить Лив не успела.

Впереди «Лэнд Крузеров» показались два, идущих друг за другом, здоровенных тягача. Ровно за секунду все три машины вышли на обгон одного из них и перестроились в полосу грузовиков, аккуратно между ними.

– Давай, Оливка, жми, они сейчас уйдут! – азартно воскликнул Джонни, и девушка утопила педаль газа в пол.

– Черт!! – ругнулась Лив, выскочив на полосу для обгона тягачей и постепенно вырываясь вперед, но в этот момент ее постигло ужасное и жестокое разочарование, смешанное с невероятным удивлением: ни одного белого внедорожника между грузовиками не было. Лив вытаращила глаза и переключила скорость, обгоняя и второй грузовик, но и на дороге впереди ни одного «Лэнд Крузера» не наблюдалось.

– Вот проклятье!!! – воскликнула она. – Как так, Джонни??? Они что, плащ-невидимку накинули??? Какого дьявола??

Джонни захохотал, расслабленно откинувшись в кресле.

– Так я и думал! Оливка, не печалься, этот твой милый

братишка просто все предусмотрел, а так как он слишком хорошо тебя изучил, то догадался, что ты, скорее всего, потащишься за ним, вот и придумал план внезапного исчезновения! А неплохо у него полу...

– Джонни! – остановила мужа Лив и гневно воскликнула.

– Этот гад от меня все равно не уйдет, я его переиграю, переиграю и выиграю сто тысяч раз, я превращу его жизнь в страшное наказание, нечего тут приходить и лезть в нашу семью, изучать то, какой зубной пастой я пользуюсь, и угрожать отцу своими тупыми видяшками!!! Он первый заплачет, моля о пощаде!!!

Джонни весело захохотал и, взяв ладошку Лив, нежно поцеловал ее, с любовью оглядев ее страстным, игривым взглядом ярких зеленых глаз.

– Ух, какая ты страшная, моя маленькая, грозная девочка! Бедный Эрнесто не знает, во что вляпался... А может, он этого и ждет от тебя? Азарта, с которым ты пытаешься победить, но все же оказываешься втянутой в его игру???

– Ой, философ, не путай меня! – отмахнулась от него Лив. – Ты слишком много думаешь, не боишься, что головушка закипит и расплавит твои невинные зеленые глазки?

Они переглянулись и вместе рассмеялись. Джонни наклонился и прошептал Лив на ушко, горячо положив руку на ее бедро и вызвав огненные всполохи во всем ее теле от своего прикосновения и тонкого морского аромата парфюма:

– Ми-и-илая... – его рука ласково погладила ее бедро

вверх и вниз, заставив Лив взволнованно вздохнуть, а батальон мурашек выступить по коже. – Моя головушка действительно кипит, только не от того, что я слишком много думаю... – он слегка сжал обжигающей рукой ее ногу, продолжая дразнить девушку, а затем мимолетно поцеловал ее в щеку и вернулся в свое кресло, оставив Лив всеми силами успокаивать огонь, вспыхнувший внутри ее живота, от которого дрожали пальцы, и попытаться сосредоточиться на дороге. – Кстати, утром ты была одета более... целомудренно. Не считая пятен крови хозяина задрипанной бильярдной на штанишках.

Лив захохотала, счастливо посмотрев на Джонни. Ну как же у него всегда получалось переключить ее настроение со злобно-разрушительного на романтически-легкое?

– «Штанишках»! – передразнила его со смехом Лив. – Это ты – детский сад, Джонни! И разгуливаешь в штанишках! А у меня это вообще-то называется...

Она не договорила, почувствовав, как в кармане завибрировал ее сотовый. Достав его, девушка увидела входящее сообщение с незнакомого номера:

«Думала, все так просто, сестричка? Даже не пытайся следить за мной... Я знаю много способов скрыться... Лучше не совершай необдуманных поступков, а то может пострадать кто-то очень близкий... Джонни, например».

Лив секунду изумленно тарасилась на экран, затем в гневе швырнула телефон недоумевающему над ее вновь резко

понизившимся градусом мужу и яростно воскликнула:

– Вот урод!!! Ненавижу!!! И как он только узнал мой номер??? Как догадался, что это я слежу за ним?? Он что, и в машину «жучки» напихал??? Как только я узнаю, как он это делает... – Лив погрозила кулаком в воздухе, а Джонни, с невозмутимым и даже веселым видом прочитав сообщение, параллельно вытащив откуда-то из кармана конфетку и сунув ее в рот, и тут же перезвонил на этот номер.

Довольно вежливый и холодный женский голос оповестил, что абонент или выключил телефон, или вне зоны доступа. Посмотрев на полыхающую праведным гневом Лив, он легко заявил:

– Так я и думал. У него миллион номеров, которые он меняет, как китайские лампочки – в день по десять раз. Так мы его точно не вычислим. А насчет «жучков» ... – он задумчиво прищурился, грозно хрустя леденцом. – Надо бы проверить, конечно... Но я думаю, он прослушивает нас немного по-другому... Обсудим это на встрече с твоим папой.

Лив поморщилась. Они уже заехали в Нью-Йорк, как ее телефон снова задребезжал на приборной панели, оповестив о входящем звонке. Вздохнув, Лив, не глядя на экран, сняла трубку.

– Оливия! Вы в порядке? Где вы??? – громыхнул обеспокоенный, жесткий тембр Эйдена, и девушка усмехнулась. – Мои люди, черт возьми, потеряли этого задохлика еще на трассе! Вы выследили его?

Лив покачала головой:

– Нет. Мы тоже потеряли его на трассе... Он, скорее всего, трансформировался в пыль: секунду назад слепил нас своей белой крышей, а еще через секунду – его не стало...

– Это как так??? – опешил Эйден.

Лив рассмеялась.

– А может, пересел на метлу и улетел на ней... Мы как-то не осматривали обочины, когда гнались за ним. В любом случае, господин мафиозный король, он опять нас обошел, да еще и прислал мне сообщение наставительного характера, что, мол, негоже молодой девушке преследовать всяких там, недостойных внимания насекомых, а стоит получше следить за своим муженьком, чья голова может, невзначай так, оказаться на дне какой-нибудь пресноводной лужицы. Вот наша история. А теперь, с твоего позволения, – Лив широко зевнула, глянув на хихикающего Джонни, – мы поедem домой. Джонни нужно принять успокоительное.

Теперь уже ее любимы муженек откровенно хохотал, чем вызвал еще большее замешательство со стороны Эйдена, который из всего, сказанного дочерью, понял только фразу «он опять нас обошел».

– Оливка, ты мне за каждое слово ответишь! – шутливо шепотом пригрозил Джонни, игриво сверкнув на девушку горячим взглядом.

Лив также игриво улыбнулась в ответ, все-таки соизволив послушать, что там проурчит ей в ухо папаша.

– Дочь, опять ты со своими иносказаниями! – не выдержал собственного непонимания аллегорий Эйден, раздосадовавшись сам на себя. – Короче, я так понял, что вы тоже его упустили, и он еще прислал тебе какое-то там сообщение про лужу и про Джонни... В общем, нужно немедленно разработать план уничтожения! Приезжайте обратно к нам домой, и мы...

– Эй, эй, тпру, великий злодей из комиксов! Подождет до завтра твой план уничтожения, еще хуже он от этого все равно не станет! – раздраженно затормозила отца Лив, глянув на часы: время шло к вечеру. – Я же, кажется, упомянула, что мы едем домой? То есть к нам домой, где живем я и Джонни, в Даун-Таун, а с тобой, так уж и быть, встретимся завтра, ты все запомнил? А то повторить могу.

Эйден раздраженно вздохнул в трубку, видимо осознав, что главное сражение – сражение за то, чтобы единственная дочь хоть немного стала послушной, – проиграно.

– Ладно, тогда завтра, в восемь утра...

– В час дня. – снова зевнула Лив.

– В десять! Не позже! – разозлился Эйден, пойдя на компромисс. – Мы встретимся и все обсудим. Место сообщу позднее. Спокойной ночи, дочь.

– Наконец-то. Спокойной ночи, папочка. – мило прощбетала Лив с радостной улыбкой и бросила телефон обратно на приборную панель.

– Мне кажется, ты теряешь позиции. Стала так мягко раз-

говаривать с отцом... А вдруг он заподозрит, что небезразличен тебе? – шутливо поддел ее Джонни, потрепав по волосам.

Лив гневно глянула на него, буркнув:

– Следи лучше за собой, придурок. А то мне кажется, ты стал каким-то жестким... Вон даже взрослые женщины к тебе клепаются, считают большим дяденькой.

Они возмущенно посмотрели друг на друга и расхохотались.

Так, тихонько препираясь насчет «чертовой Летиции», которая «чуть все глаза не сломала и наизнанку не вывернулась», чтобы очаровать Джонни, и насчет того, что «кое у кого на почве ревности какие-то нездоровые галлюцинации в отношении обычных, деловых женщин», Лив и Джонни вошли в свою маленькую и уютную квартиру.

– И вообще, Оливка, хватит уже о ней говорить, – весело вещал Джонни, легко заплывая в гостиную и бросая свое тело в расслабленную позу на диван, тут же вперившись взглядом в планшет, – она – наш деловой партнер, поставщик элитного алкоголя с неплохой скидкой...

– И неплохой фигурой. – шепнула обиженно Лив, скидывая туфли и следуя за мужем в гостиную, тоже с облегчением приземлившись на диван и вытянув ноги.

– ...так что давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. – весело и наставительно закончил Джонни, уткнувшись сверкающими глазами в экран, белый свет от которого, па-

дая на его лицо, придавал ему оттенок грима грустного клоуна из пантомимы.

Лив прищурилась и мстительно улыбнулась.

– Хорошо, милый, давай. Например, о том, как какой-то чертовски везучий прохиндей отмыл три миллиона в моем казино...

Джонни посмотрел на Лив большими, сияющими игривым блеском глазами и до ужаса мило и обаятельно улыбнулся, проговорив виноватым голосом:

– Ну, Оливка... Тебе что, жалко, что ли? Этот «прохиндей» попросил об одолжении, не мог же я пройти мимо нуждающегося и не протянуть ему руку помощи!..

– Ага, а в качестве руки ты предпочел мое казино, а не свои, к примеру, оружейные магазины! – возмутилась Лив, все еще злясь, но чувствуя, что скоро от ее злости не останется даже воспоминания...

Джонни, по-видимому, тоже это понимал, что незамедлительно отразилось в огненном, ласкающем взгляде, с которым он нежно скользнул по ножкам девушки, ее шортикам, вязаной тунике, слегка задержавшись в районе груди, и выше, к губам... Секунда, Лив успела заметить только горячий блеск его зеленых глаз, после чего Джонни легко схватил девушку за руку и, ловко пересадив ее к себе на колени, поцеловал.

Вспышка! Гнев моментально испарился, только поцелуй, такой нежный, успокаивающий, забирающий на себя всю

негативную энергетику, занял собой все пространство внутри ее груди... Вспышка... Лив нежно обняла его за шею, растворяясь в невероятном тепле его сияния, чувствуя, как поднимается внутри нее лавина огня, заставляя ее сердце биться все быстрее... Ах, если бы этот поцелуй мог быть вечным! Она умирала от его губ, запустив пальцы в его мягкие, густые волосы, проводя руками по его сильным плечам и теснее прижимаясь к нему, чувствуя, как все жарче и жарче горит его тело... Вспышка... Джонни почувствовал, что она больше не злится, поэтому резко стал набирать обороты, переходя от нежных ласк к более грубым, настойчивым, вызывая в ней бешеную страсть... Вспышка! Его руки огненно прошли по ее бедрам, поднявшись выше и скользнув под кофту, опалая кожу девушки на спине, ласкаясь перейдя на живот, двинувшись к груди, но, игриво остановившись, тем же путем вернулись на бедра... Лив сжала в ладонях его футболку на спине, с трудом выдохнув от дикого салюта внутри ее живота... Вспышка... Поцелуи переместились на ее шею, становясь все горячее, все быстрее, быстрее, она теряла контроль, инстинктивно сжав ноги вокруг его бедер и услышав, как взволнованно и тяжело он вздохнул... Вспышка, вспышка... руки, руки уже везде, она превратилась в оголенный провод – каждое прикосновение усиливалось в тысячу раз... Сердце билось в бешеном ритме, легкие почти не качали кислород, разум отключился... Только страсть, только его поцелуй... Ох, опять губы, и снова все сначала, играет

с ней... Вспышка... Она запустила руки под его футболку, горячо пройдя своими маленькими ладошками по его пояснице и ощутив, как напряглись все его мышцы... Вспышка... Он все теснее прижимал ее к себе, все грубее и настойчивее становились его ласки и прикосновения, Лив ощущала себя на вершине своей дикой любви и невероятно счастливой... Вспышка... В ее сознании вдруг неожиданно резко всплыл образ, засадив ржавую иглу прямо в середину сердца: Летиция... Смотрит на нее победным взглядом, как на маленькую глупышку, уверенная в том, что заполучит Джонни, ее Джонни, лишь только поманив пальцем... В сердце Лив на смену бешеной страсти пришла бешеная ревность... Боль, боль... Он должен быть только с ней... Она не перенесет, если он решит...

Порыв неконтролируемых сильных, перемешанных эмоций – и Лив, сходя с ума от бешеной, огненной бури и сумасшедшего страха потерять его, вдруг резко и неожиданно укусила Джонни за нижнюю губу и, тут же отстранившись, залепила ему звонкую пощечину...

Секунду они смотрели друг на друга, тяжело дыша. Она видела, как блеснуло недоумение в его черных-пречерных, наполненных безумным желанием глазах... Но оно быстро улетучилось. Он слишком хорошо знал ее и все понял... Лив дрожала всем телом, Джонни схватил ее за запястья и крепко сжал их... Она уже жалела, что ударила его... Она слишком сильно его любила... Но, на ее счастье, Джонни, кажется, не

обиделся, потому что вдруг резко и грубо схватил ее в охапку и поволок в спальню.

Уронив ее на кровать и избавив за пару секунд от лишней одежды, Джонни принялся горячо и неистово целовать ее... Лив закрыла глаза, снова проваливаясь в омут огня с головой... Каждый поцелуй обжигал ее кожу, вызывая в ней мелкую дрожь и мучительное желание поскорее перейти к финалу... Он ласкал ее шею, спускаясь ниже, к груди, к животу... Вспышка, вспышка... Тысячи вспышек! О, проклятье... Ее руки впивались в его спину, шею, потягивая его за такие любимые темные волосы... Он все горячее, сейчас сожжет ее заживо, черт возьми, а они еще так и не дошли до финала!

Неожиданно она увидела снова его глаза... Он вернулся к ее лицу, его губы были в сантиметре от ее губ... Но он лишь смотрел, тяжело вдыхая и выдыхая воздух... Лив умирала от счастья... Она видела в этих родных глазах лишь бесконечную любовь, перемешанную с поглощающим его целиком желанием... «Ну поцелуй, поцелуй, поцелуй...» – жадно кричали ее глаза, но Джонни лишь игриво улыбнулся.

– Я люблю тебя ты понимаешь? – с трудом на выдохе прошептал он, и Лив закусила губу чтобы не закричать от счастья... Райские птицы запели в ее голове, а ржавая игла ревности и страха исчезла из ее сердца в неизвестном направлении, оставляя его лишь взволнованно и трепетно биться... Его рука нашла ее ладонь, и их пальцы переплелись. Лив по-

чувствовала, как сильно сжал ее ладонь Джонни, в порыве неконтролируемой страсти, и все ее нутро снова разорвалось огненным извержением... – Не смей ревновать, моя маленькая, милая глупышка! – уже более отчетливо прошептал он, склонившись к ее ушку и с новой силой принявшись ласкать губами ее шею...

Нет, это невозможно, невозможно, он медленно убивает ее, она сейчас умрет... Задохнется... Сгорит... Закрыв глаза и чуть откинув голову, Лив нетерпеливо и умоляюще прошептала:

– Джонни...

Она почувствовала, как все его тело отреагировало на ее чувственный шепот... Он сильнее прижал ее к кровати и, наконец, поцеловал в губы, затаскивая в пучину безудержной страсти, когда остановиться уже было невозможно.

Вот так и закончился не самый веселый и легкий день.

Глава 5

Звонок. Жужжит где-то мобильный. Лив с трудом продрала глаза: в комнате было еще темно, но где-то за шторами брезжил рассвет... Еще рано... А мобильный продолжает настойчиво издеваться, громко дребезжа где-то в районе пола...

Понимая, что, видимо, проигнорировать звонящего не получится, ибо в такую рань это может быть только один человек – обладатель седеющей шевелюры, громкого, грозно-

го голоса и заваленного дорогими костюмами гардероба, девушка выбралась из-под руки мирно спящего и абсолютно не реагирующего на окружающий мир Джонни и осоловелыми глазами оглядела тумбочку: нет... это где-то не здесь...

Трещит внизу... А, ну да, в кармане шорт, которые вчера по настойчивому и нетерпеливому повелению Джонни полетели на пол и теперь грустно лежали там, освещаясь изнутри мигающим экраном.

Лив тяжело вздохнула и, достав мобильник, отметила про себя половину восьмого утра и хмурую рожу отца на экране, нажала на кнопку приема вызова:

– Папуля, я скучала по тебе всю ночь. – зевая, проговорила девушка в трубку.

– Оливия, дочь! С тобой все в порядке??? Ты в порядке??? Говори немедленно!!! – проорал взволнованный, но не менее командный голос в трубку с такой силой, что даже Джонни проснулся, удивленно глянув в сторону сонной, сторбленной фигуры жены.

– Отец, потише, я же еще сплю! И наши соседи слева тоже! – поморщилась от громкого ора Лив. – Ты чего вообще??? Нормально у меня все...

– Слава Богу, спасибо тебе, Господи!.. – выдохнул Эйден и, наверное, перекрестился, но Лив, к сожалению, или к счастью, не могла этого видеть. – Слушай меня внимательно, дочь! Бери Джонни и срочно!!! Слышишь?? Срочно!!! Приезжай в... куда бы... – пораздумывал Эйден, – в «Пантеон».

Давай скорее, жду!

– Эй, эй, да погоди ты, отец! – тут же проснулась Лив. – Чего случилось-то?

Эйден тяжело вздохнул.

– Сегодня ночью из моего гаража пропали шесть наших машин, шесть «Эскалэйдов», и были совершены нападения на... – он снова вздохнул, – на содружественные нам группировки.

– Что-о-о-о??? – подпрыгнула Лив. – На какие еще?..

– Гарлем, Южный порт, латиноамериканцы, арийское братство и... на людей Оливера.

Лив в шоке замерла, уставившись в пространство и пытаясь переварить вышесказанное... В этот момент задребезжал телефон Джонни. Она медленно, расширенными глазами, пронаблюдала за парнем, который ловко, как будто и не спал вовсе, подскочил с кровати и, натянув футболку, весело ответил в трубку:

– Привет, пап.

– Это он, этот говнюк, насекомое несчастное!!! Это его игры!!! – вдруг в гнев закричала Лив отцу, а Джонни зашикал на нее, пытаясь понять то, что говорит ему его отец. – Я заиграю этого кузнечика до смерти!!!

– Оливия, не кричи. – устало приказал отец. – Это и так понятно. Будем решать проблему.

– Отец, мы будем через час. – выпалила девушка в трубку и, сбросив вызов, уставилась на Джонни, который пытался

влезть в джинсы, зажимая плечом телефон и хмуро слушая возмущенный крик в трубке.

– Да погоди, погоди ты, пап! – строго прикрикнул он. – Ты что, совсем, что ли, спятил??? Эйден никогда бы не пошел против тебя, он – твой друг! И наша семья... Тут просто кое-что произошло... – Джонни замолчал, хмуро слушая повышенные децибелы. – Да, отец, послушай же ты меня! У нас через час встреча... Где, Оливка? – он требовательно посмотрел на злую девушку, все еще задумчиво сидящую на диване, сложив руки на груди и глядя в одну точку.

– В «Пантеоне». Папаша сказал, что лично позвонит Оливеру. – не отвлекаясь от своих мыслей, на автомате проговорила Лив.

– В «Пантеоне». – повторил Джонни в трубку. – Эйден сам тебе позвонит. Приезжай и все узнаешь. И не ори ты так, у тебя давление. – и он положил трубку, рассерженно посмотрев в окно. – Вот черт. Задохлик перешел в наступление.

– Я его размажу. – пробубнила Лив, но дальше распалиться на тему продуманного сводного брата не успела: в дверь громко постучали.

Опередив Джонни, который, в отличие от нее, уже успел одеться, Лив, все еще пребывая в угрюмом раздумье, накинула поверх ночной сорочки шелковый халатик с васильками и, на ходу пытаясь распутать непослушные белокурые пряди, упавшие на один глаз, и не очень элегантно почесывая кулачком второй глаз, девушка, двигаясь по инерции, пошла

открывать.

То, что она встретила за дверью, удивило ее так, что она окончательно проснулась и раскрыла глаза, второй раз за последние десять минут своего бодрствования испытав шок.

На пороге ее квартиры топтались около десяти человек в военизированных жилетах, брюках с накладными карманами и ботинках на шнуровке. Лив также успела заметить у каждого из них небольшой черный чемоданчик в руке и, слегка трянув головой, чтобы проверить, действительно ли она проснулась, девушка уставилась на высокого крепкого мужчину, светловолосого и очень коротко подстриженного, возвышающегося прямо перед ней. Еще через секунду до нее, наконец, дошло, что нужно хотя бы запахнуть полы халата... Впрочем, лично на нее никто не смотрел, а все они, с одинаковым профессиональным любопытством оглядывали ее жилище.

– А вы еще кто??? – удивленно спросила Лив светловолосого, и тот вежливо склонил голову.

– Доброе утро, миссис Мартинес. Ваш отец прислал нас прошерстить вашу квартиру на наличие в ней «жучков» и других подобных прослушивающих устройств... Заходим. – тут же скомандовал блондин своим ребятам, не дождавшись официального приглашения от хозяев квартиры. Лив не успела и слова вымолвить, как десяток мужчин уже важно протопали мимо нее внутрь и рассыпались, словно бисер, по комнатам, шагая без стеснения своими грузными бо-

тами прямо по мягким, пушистым коврам.

Лив ошарашено открыла рот, чувствуя, как все внутри нее сорвалось в гневном потоке и помчалось бешеной каруселью вокруг ее сердца, но она лишь посмотрела на Джонни, который, с невозмутимым видом жуя бутерброд, весело наблюдал за методично переворачивающимися дом вверх тормашками «гостями». Он перехватил шокированный взгляд девушки и вдруг резко хлопнул себя по лбу:

– Точно! Я забыл тебя предупредить! Прости, Оливка, Эйден вчера говорил мне, что пришлет бригаду проверить квартиру... Но ты меня не вовремя отвлекла. – весело улыбнулся он.

Лив тяжело вздохнула, глядя на своего мужа... Но может ли она сердиться на него, когда вчера все так хорошо закончилось?..

В этот момент соседняя по лестничной клетке дверь отворилась, и на площадке показалась миссис Портер – пожилая женщина в цветастом фартуке поверх зеленого, шерстяного свитера и черной юбки ниже колена, в толстых коричневых колготках и пушистых вязанных носках, на которых болтались мягкие домашние тапочки. Ее ярко-рыжие волосы блеснули в тусклом свете лампы на этаже, а лицо выглядело очень взволнованным:

– Оливия, милая! Все в порядке??? Что это за странные мужчины? Что они делают??? Я слышала, как кто-то говорил о жучках... У нас что, завелись насекомые??? – с ужасом

протараторила она, заглядывая в квартиру Лив.

Девушка еле удержалась от хохота, а в голове едко пронеслось: «Не поверите, миссис Портер, у нас действительно завелся один злостный жучара, правда, чтобы уничтожить его, придется изобрести самый большой в мире «дихлофос»». Впрочем, вслух сообщать данную информацию бедной, встревоженной старушке, Лив не собиралась, а лишь красноречиво переглянулась с Джонни и, нацепив беспечную улыбку, успокаивающе затараторила:

– Миссис Портер, не волнуйтесь... Это... это из службы по уничтожению домашних вредителей... Видите ли, соседи снизу пожаловались, что у них завелись какие-то жуки... Теперь проверяют все квартиры по соседству...

– На всякий случай. Мало ли. – добавил Джонни, с игривой искоркой наблюдая, как выкручивается его жена. Миссис Портер в ужасе посмотрела на Лив, затем – на Джонни, и проговорила с явно выраженным беспокойством:

– Кошмар какой! А у вас точно нет... этих...

– Нет, нет, конечно! Как вы могли подумать! – в унисон прозвучал ей ответ убедительными голосами.

Миссис Портер все еще с тревогой окинула взглядом прошаривающих ее вторую квартиру серьезных мужчин, и вдруг строго заявила:

– Тогда им незамедлительно следует после вас зайти ко мне и проверить мою квартиру тоже! Вдруг эти твари и ко мне могли подселиться...

От хохота Лив и Джонни удержал только очень обеспокоенный, печальный взгляд милой и такой дорогой им обоим старушки, так что Лив, судорожно раскинув трясущимися от смеха мозгами, проговорила:

– Э-э-э... Нет, вы же не соседка этих самых... ну, которые снизу под нами живут. Так что у вас никто не может... подселиться, не волнуйтесь, миссис Портер!

Старушка еще немного помялась на пороге, но, к облегчению обоих, вздохнула и проговорила:

– Черт те что! С утра пораньше приходят, жуков каких-то ищут... Ну ладно, милые, если все в порядке, то я пойду... И Оливия. – она внимательно посмотрела на замершую девушку. – Закрывайте, пожалуйста, кастрюли с едой! Кто его знает... – и она скрылась за соседней дверью.

– Если бы еще в этих кастрюлях после Оливии оставалась хоть какая-то еда... – весело хмыкнул Джонни, игриво подмигнув в ответ на обиженный взгляд Лив, которая облегченно выдохнула и захлопнула входную дверь.

Увидев, как бригада без стеснения расшвыривает по квартире ее вещи (вещи Джонни уже любезно были расшвыряны заранее им самим), она недовольно крикнула:

– Эй вы! Поаккуратней там! Только попробуйте что-нибудь испортить... И вообще – чего это вы тут в своих танкерах коврики мне пашете? А ну быстро разулись в коридоре! Ну же, кому говорю!

Мужчины застыли, удивленно переваривая все вышеска-

занное всклокоченной маленькой блондинкой в цветастом халате и, как один, перевели взгляд на Джонни, который улыбался им прекрасной, освещающей путь в ночи, блистательной голливудской улыбкой. Он поднял брови, увидев, что они, как стадо быков, уставились на него и, подмигнув, кивнул в сторону коридора:

– Давайте, давайте! Ботиночки – в ряд, как в детском садике! И поживее! Ну?

Мужчины вздохнули и подчинились. Через пару минут Лив созерцала, как ее вещи разлетаются по всей квартире от рук «полусолдат в недокрученных портянках» – это такому лестному комментарию подверглись носки присутствующих, под веселый смех Джонни.

Через полчаса, переставив вверх ногами чуть ли не каждую пылинку в квартире и передислоцировав все вещи из шкафов на пол, мужчины таким же стройненьким рядом обулись и, сообщив, что в квартире «все чисто», – утопали в неизвестном направлении.

Лив с угрюмым раздражением обвела взглядом беспорядок и тяжело вздохнула: кажется, она уже знает, чем будет заниматься весь сегодняшний вечер...

Джонни же даже не волновался по этому поводу, заявив, что наконец-то заодно можно будет прибрать и его вещи, а то он «свои «Ролексы» уже месяц не может найти». Лив гневно прищурилась, глядя на то, как он беззастенчиво разгреб себе на диване место и плюхнулся в образовавшуюся нишу,

схватив планшет и кинув сияющий, игривый взгляд на Лив:
– Да не волнуйся ты так, Оливка! Помогу я тебе убрать-ся здесь, но не сейчас, потому что через полчаса нас ждет Эйден, а ты еще в халате... И с такой отпадной прической, как будто к тебе в ванную упало, по меньшей мере, десяток фенов и других включенных электроприборов...

Лив шутливо рассердилась и, запустив в Джонни его же футболкой, которая валялась у нее прямо под ногами, унеслась в свою спальню переодеваться. Пятнадцать минут ушло только на то, чтобы причесать длинные, запутавшиеся кудри, но Лив, наконец, справилась с этой задачей, после чего сделала себе нежный макияж и, натянув декоративно драные облегающие джинсы и розовый, удлинненный топ свободного покроя, завязывающийся на шее и расшитый бисером в районе декольте, девушка вылетела из комнаты ровно через полчаса.

Джонни посмотрел на время и усмехнулся:

– Ты отлично уложилась, малышка Лив! Именно в эту минуту мы должны важной поступью входить в позолоченные, шикарные, раздвижные двери отеля «Пантеон».

Лив только махнула рукой, роясь в коробке с обувью в коридоре и пытаясь подобрать подходящие к наряду туфли.

– Не бубни, Джонни, не умрет папаша, подождет еще полчаса... Куда спешить, если все самое главное уже случилось ночью?..

Джонни с теплой ухмылкой посмотрел на нее, обувая свои

«найковские» синие кеды, и игриво подмигнул:

– Это ты о нашем шикарном сексе, малышка?

Лив, обувая туфли цвета фуксии на высоком каблуке с открытым носом, приснула, шлепнув мужа по плечу:

– Это я о нападениях на украденных тачках отца, идиотина озабоченная! Нужен ему больно наш секс! – и, желая поддразнить сияющего самодовольной улыбкой мужа, Лив спокойно добавила:

– Неужели ты думаешь, что кому-то придет в голову обсудить то, что так скоропостижно закончилось прошлой ночью?

И она, хитро улыбаясь, первой вылетела из квартиры. Джонни весело захохотал и, легко догнав девушку на лестнице, обнял ее за талию:

– Да??? А вот несколько часов назад, помнится мне, кто-то умолял, что больше не может и хочет спать... Странно, Оливка, мне казалось, это была ты... – он горячо поцеловал ее в макушку и открыл перед ней дверь подъезда. – Хорошо, милая, я учту на будущее.

Лив с огромным удовольствием и любовью посмотрела на него и, ощущая внутри себя счастье и гармонию от того, что он с ней, просто улыбнулась и вышла на душную, опутанную бабьим летом, улицу.

Марти и Эдди были на своем месте, стоя около своего «Кадиллака» и угрюмо насупившись. Увидев Лив и Джонни, они натянули дежурные улыбки и, одинаково прихрамывая

на одну и ту же ногу, двинулись им навстречу.

– Привет, супчики, как ваши ранения? – весело, но обеспокоенно спросила Лив.

Эдди нахмурился еще больше, хотя, казалось, ниже опустить лицевые мышцы уже некуда, а Марти, закуривая, посмотрел на Лив большими и искренне грустными детскими глазами, возмущенно проговорил:

– Мисс Оливия, да пуля в ноге – это ерунда обыкновенная, что мы, раньше огнестрелов не получали, что ли? Случилось кое-что, куда более страшное: кто-то ночью выкрал наш «Кадиллак» из гаража, пока мы были у Калеба! Вы представляете!!! НАШ «Кадиллак» !!!

Лив и Джонни хмуро переглянулись.

– А это что, не «Кадиллак»? – глупо спросила Лив, махнув в сторону их автомобиля. – Вроде точно такой же, черненький...

– Точно такой же??? – возмущенно, с самым негодующим мальчишеским видом возопил Марти. – Точно такой же??? А где моя супер-коллекция дисков с Бобом Марли?? Где супер-чувствительная система торможения?? Где супер-холодильник в багажнике, который я достал за три доллара на одной шикарной распродаже?? Где супер-пресупер-потрясный DVD??? Мисс Оливия, да как вы... Точно такой же... – задохнулся он, а Джонни хлопнул его по плечу и успокаивающе, но со своим неизменным задором, проговорил:

– Успокойся, Марти, она разбирается в машинах точно

так же, как ты – в шоколадных пудингах и блесках для губ. Они же для тебя тоже все одинаковые, а вот для нее...

Марти угрюмо вздохнул, а Лив закатила глаза:

– Ладно, не плачь, малыш, постараюсь как-нибудь найти тебе твою игрушку, а сейчас, может, поедем уже? Или у этого «другого», совсем не такого «Эскалэйда», руль на потолке?

Через минуту они уже гнали, рассекая горячий воздух, в сторону «Пантеона», но доехать именно сейчас у них все-таки не получилось. Всему виной как всегда оказался мобильный Лив, который своим звонком в кармане ее джинсов устроил ей вибромассаж бедра. Хмуро глянув на экран, Лив охватило дурное предчувствие и напряжение, и она вздохнула:

– Ну вот. Началось. – она недовольно посмотрела на Джонни. – Сейчас Трейшоун Джонс наполнит мою пустую голову отборным афроамериканским сленгом. – она нажала на кнопку приема вызова. – Трейшоун?

– Что это, черт тебя дери, такое было?!? – заорал жесткий и властный голос в трубку. – Девочка, что за на хрен, я спрашиваю??? Какого вонючего дьявола твой %запрещено цензурой% папаша нападает на моих людей???

– Трейшоун...

– Какого, я спрашиваю, дерьмового хрена он подослал своих людей в мой район и расстрелял шестерых!!! Слышишь, девочка??? Шестерых моих долбанных людей из своей тачки???

– Трейшоун!

– А может, это ты сделала, а, блондинка безмозглая??? У нас же был уговор!!! Да за такое я поломаю тебя и твоего гниду отца на паззлы из собиралочки, и каждый твой и его орган буду замуровывать в стену позора до тех пор, пока не останется...

– Трейшоун!!! – уже крикнула Лив, пытаясь привлечь внимание главаря банды «Острые ножи», которого уносило, как парусник в океан, на волнах безумного гнева и жажды мести, что, наконец, поспособствовало тому, что он услышал что-то, кроме своего голоса.

– Что?!? – проорал он.

– Это не мы сделали! У нас угнали «Эскалэйды» этой ночью, мы никого не посылали, слышишь? – жестко и гневно проговорила Лив. Трейшоун на секунду замолчал, а потом рявкнул:

– Что за хренотень ты еще несешь??? Так, короче, дочка Эйдена, приезжай немедленно в Гарлем, ко мне в клуб, слышишь? И не забудь о правилах, поняла? Я жду. – и он отключился.

Лив раздраженно сжала кулаки. Говоря о правилах, Трейшоун напомнил ей, что она должна приехать одна, без охраны и приставучего мужа, что делало ее уязвимой на территории очень нестабильного союзника, с которым она таким трудом поддерживала мир.

– Я так понимаю, Эйден подождет еще час. – нахмурился

Джонни, посмотрев в окно. Он ненавидел отпускать девушку в Гарлем одну и сейчас злился – Лив видела это по его глазам и по тому, что его теплое, притягивающее сияние исчезло.

– Да, ничего не поделаешь. Я должна с ним все уладить. Марти, разворачивай, едем в Гарлем.

Марти поморщился, но повиновался, красноречиво переглянувшись со своим красноволосым братцем.

– Дерьмовый день становится еще дерьмовее. – траурным голосом поведал он свою мысль.

К ночному клубу «Кинг» они подъехали через двадцать минут. Лив вышла и, как обычно, отправила «Кадиллак» покататься, чтобы не вызвать недовольства «черного короля». Джонни обеспокоенно посмотрел на нее и попросил выбирать выражения, потому что «отец вряд ли сможет обсудить с ней проблему возомнившего себя великим манипулятором Эрнесто», если она будет «по запчастям замурована в какую-то там стену». Лив нервно рассмеялась и, послав милого красавчика куда подальше, уверенной походкой вошла в клуб.

Наверное, она была единственной белой женщиной в истории, которая с невозмутимым видом могла беспрепятственно пройти через всех темнокожих громил-охранников и подняться лично в кабинет великого главаря афроамериканского преступного движения, не получив при этом пулю в затылок.

Кабинет Трейшоуна, в противовес чопорному порядку,

царившему в обиталищах ее отца, был жутко захламлен коробками, оружием, бутылками, какими-то плюшевыми креслами и даже таким же плюшевым диваном, втиснутым среди коробок и ящиков к дальней стене.

Трейшоун, в черной просторной футболке, брюках цвета хаки и грузных кожаных ботинках на шнуровке, восседал на одной из коробок, курил и смотрел что-то в ноутбуке, почесывая свой квадратно-выстриженный, словно куст роз, ирокез на голове. Когда вошла девушка, он хмуро кивнул ей на одну из коробок рядом с собой и раздраженно процедил:

– Рассказывай.

Лив уселась рядом с громадным негром, резко контрастируя на его фоне цветом волос, одежды и кожи, и гневно сложила руки на груди, а Трейшоун вдруг ткнул ей в грудь откуда ни возьмись возникшим револьвером в своей руке и пристально и очень жестко посмотрел ей в глаза своими большими и черными, как угли, грозными «зеркалами души»:

– Только правду, девочка. Ты же помнишь – я всегда знаю, кто мне врет...

– Ой, здоровяк, только не пугай меня своей пукалкой, за последние полтора дня ты не единственный, кто грозитя меня убить! – язвительно фыркнула Лив, возмущенно оттолкнув его пистолет от себя. – Я, скорее, умру от разрыва сердца от всех ваших угроз... А теперь к делу.

Она обстоятельно поведала хмурому Трейшоуну о появлении чокнутого родственничка с походкой кузнечика, фи-

гурой шеста для прыжков через перекладину и характером плюшевого зайки, которому оторвали лапу и, наверняка, еще парочку совсем не лишним органов, потому-то он, озлобленный на природу, и решил поиграть с семьей Мартинес в интересную игру под названием: «Уничтожь себя сам, пока это не сделал я».

– Короче, этот гений запустил первый этап самоуничтожения нашей семьи, правда, связав это каким-то образом с будущими выборами мэра, а сам решил поиграть в «яблоко раздора» и спёр машины отца ночью из гаража, отправив их разобратся с представителями шести крупных группировок, видимо, для того, чтобы напрочь лишит отца какой бы то ни было поддержки. Вот и вся история. – вздохнула Лив и с любопытством сунула голову через плечо Трейшоуна, пытаясь подглядеть, что он там такое смотрел в ноутбуке.

Трейшоун захлопнул крышку компьютера и, подняв черные брови, впился в Лив подозрительным, металлическим взглядом.

– А у тебя есть доказательства, что это действительно сделал этот самый... Как там его, на хрен?..

– Эрнесто. – спокойно подсказала Лив.

– Да. Хренов Эрнесто. – Трейшоун вдруг прищурился и снова ткнул стволом девушку, но уже под ребра. – А то я ведь могу подумать, что ты все выдумала, чтобы прикрыть действия своего дурного папаши, который ненавидит негров, как...

– Как ты ненавидишь белых? – Лив ухмыльнулась. – По себе людей не судят, черная громадина. Отец не ненавидит вас, он пытается не иметь с вами дел, потому что считает импульсивными и непредсказуемыми... А насчет Эрнесто... Ты что, здоровяк, действительно думаешь, что у меня настолько психически нездоровая фантазия? – Она подняла брови. – Тем более... Ты все-таки мне веришь, раз все еще не убил... Только поставил пару синяков своим пестиком.

– Ну... Ты еще отсюда не вышла, девочка. – жестко прошептал Трейшоун, наклонившись к ней и с напором и желанием сломить ее волю заглянув в ее глаза. Лив держала взгляд, даже не мигала, чтобы доказать ему, что она честна и не боится его угроз...

– Ну так стреляй, верзила. Я пришла одна, у меня нет даже заколки в волосах, которой я могла бы полоснуть тебя по лицу в попытке защититься! Так что все в твоих руках, мистер Властелин Гарлема. – с не меньшей жесткостью прошептала Лив в ответ, тоже наклонившись к нему.

Их зрительный контакт двух, бросивших друг другу вызов из-за косточки, бульдогов, продолжался еще какое-то время, после чего, к огромному облегчению Лив, Трейшоун вдруг усмехнулся и проговорил:

– Я тебе поверю, девочка. Ты еще никогда меня не обманывала. Но я должен отомстить за своих людей. Ты представишь мне эту поганую мразь, что посмела пролить кровь в моем районе. Поняла??

Лив победно ухмыльнулась.

– С удовольствием подарю тебе возможность внести свою лепту в его уничтожение... когда нам удастся найти его. – обескураженно закончила девушка. – Пока что, это он каким-то образом подслушивает мои разговоры и умудряется исчезнуть в небытие прямо у нас из-под носа... Но я его все равно достану. – уверенно и мстительно закончила Лив.

Трейшоун кивнул.

– Дело еще не закончено, но считай, что мы уладили. Уходи.

Лив довольно ухмыльнулась и фривольно похлопала здорового негра по плечу, вскочив на ноги:

– Милашка! Я знала, что ты дружишь с черепной коробкой, грозный повелитель! Ладно, как найду кузнечика, сразу вышлю тебе официальное приглашение на наше свидание! Пока-пока, черная гора!

И Лив, послав каменному лицу Трейшоуна воздушный поцелуй, поскорее выскочила из кабинета, все-таки не представляя, как же он на самом деле относится к таким вот ее дружеским проявлениям. Трейшоун же лишь странно и совершенно непроницаемо посмотрел ей вслед, и в его глазах явно не читалось желания прикончить сумасшедшую девушку.

Когда Оливия села в машину, то весь остаток пути до «Пантеона» ей пришлось подробно описывать все, что происходило в кабинете Трейшоуна, досконально вспоминая

все, сказанные ей самой и им (его-то реплики Джонни почему-то не сильно интересовали) фразы, отвечая на придирчивые и совершенно глупые вопросы Джонни, так что девушка была даже рада, когда они подъехали к шикарному отелю, потому что это означало лишь одно: ревнивое и обеспокоенное внимание мужа переключится на гневный ор недовольного опозданием отца.

Сопровождаемые управляющим отеля с ослепительной фальшивой улыбкой, Лив с Джонни, а также «оригинальные» телохранители-братки были отконвоированы в потрясающую столовую, где стены блестели стеклом и золотом, скатерти слепили своим белоснежным лоском, а уютные кожаные диванчики из белого дуба так и манили присесть на них и начать старинный обед с миллионом блюд и столовых приборов прямо в духе средневековья.

Окруженный охраной и скрытый их широкими спинами от посторонних глаз, накрыт был только один стол в уютной, загороженной с трех сторон нише. Подойдя ближе, Лив разглядела фуршет и несказанно обрадовалась: дома они с Джонни так и не успели позавтракать.

– О, это что, креветки, запеченные в груше под сыром? – в восторге воскликнула Лив и плюхнулась за стол рядом с отцом, активно принявшись накладывать в пустую тарелку кушанье и не удостоив присутствующих ни каплей своего внимания.

Джонни же улыбнулся, глядя на жену, вежливо поздоро-

вался со всеми и извинился за опоздание, пока Лив набивала рот, сходя с ума от блаженства.

– Дочь, вообще-то, помимо креветок, ты должна была заметить за столом еще кое-кого и... – начал было отец довольным голосом, и только сейчас девушка подняла глаза и с удивлением обнаружила, что отец сидит вовсе не под боком, а напротив нее, в отличном сером костюме и темно-синей рубашке, а вот рядом, в черном костюме, который Лив ошибочно приняла за отцовский, сидел вовсе не ее папа, а папа Джонни – Оливер О-Коннел, который с веселой улыбкой, такой же, как и у его сына, смотрел на нее.

Рядом с Оливером восседал неизвестный девушке импозантный молодой человек в темно-бордовой, отлично выглаженной рубашке, с необычной прической (сзади волосы были укорочены, а спереди на глаза падала косая челка) и серьезным, вдумчивым взглядом, ожидающе и немного испуганно глядевшим на Эйдена. Следом пристроился Брайан в коричневом костюме, а уж потом, наконец, глаза Лив добрались и до папаши.

Она с трудом прожевала и с хитрой улыбкой снова посмотрела на стол:

– Ух ты! Точно! Я не заметила стейк! Спасибо, что подсказал, папуля, а ты все-таки еще полезен для этого мира! – и девушка с веселой, довольной улыбкой подтащила к себе огромную тарелку с жареным мясом, попытавшись отрезать себе кусок.

– Вообще-то, дочь, – прошипел рассерженно Эйден, – я имел ввиду наших гостей! Могла бы поздороваться, что за манеры? И сколько еще тебе говорить об уважении к другим?..

– Оливия все такая же шутница. – с хохотом заметил Оливер. – Эйден, она же просто дразнит тебя, маленькая змейка! Давно пора научиться распознавать ее... м-м-м... необычный юмор.

С трудом прожевав огромный кусок мяса и протолкнув его в сторону бедняги-пищевода, Лив с игривым весельем проговорила:

– Кстати, отец, я вообще-то думала, что ты здесь сидишь, а не там. – она с яркой улыбкой посмотрела на Оливера О-Коннела. – Рада вас видеть, мистер О-Коннел! Отличный костюм! А вот у папочки сегодня прикид как-то не очень... – снова с сарказмом проговорила Лив, посмотрев на отца, который с каждой секундой все больше распаялся, как нагревательный элемент в щипчиках для волос.

Оливер снова рассмеялся и легко потрепал Лив по волосам, переглянувшись с Джонни.

– Оливия, спасибо за комплимент, ты такая внимательная девочка! Вот и я говорю, Эйден, серый не твой цвет...

– Так все! Хватит! – строго пресек дальнейшие насмешки Эйден и налил себе виски в бокал. – Мы собрались не гардероб мой обсуждать. Лучше подумаем, что нам предпринять.

– Так обыск в вашей квартире ничего не дал? – спросил

Брайан у Джонни, закуривая сигарету.

Джонни развел руками и с досадой вздохнул.

– Увы. Все чисто. Он слушает нас как-то по-другому.

– Люк. – проговорил отец, и Лив вздрогнула, сначала не догадавшись, к кому он обращается, но в ту же минуту заметила, как вздрогнул, прямо, как и она, парень в красной рубашке, и тихо усмехнулась: мальчику было явно не по себе в обществе мафиози. – Ты – компьютерный гений. Просвети нас, какие еще могут быть способы прослушать то, о чем говорит моя дочь?

Люк откашлялся и тихо, но уверенно заговорил:

– Если предположить, что у вашего преследователя есть все необходимое оборудование, то он может дистанционно выслеживать сигнал сим-карт ваших телефонов, подключаться к ним через специальную программу и включать видеокамеру или микрофон на мобильнике... Вы об этом знать даже не будете. Он может прослушивать вас круглосуточно. – спокойно развел руками Люк, посмотрев на всех присутствующих. – Также, с помощью этой же техники, он может получать видеозаписи с камер наблюдения по всему городу, а имея связь со спутником, ему будет несложно выследить вас где угодно, в пределах зоны видимости из Космоса, конечно.

Эйден, Брайан и Оливер с Джонни угрюмо переглянулись, при этом в глазах старшего поколения светило еще и изумление. Лив, которая, как и Джонни, смутно знала о таких спо-

собах слезки и выуживания информации, весело захохотала, глядя на ошарашенные лица мужчин.

– Вы что, никогда не слышали о том, как наша доблестная разведка перехватывает телефонные переговоры глав других государств? Темный лес, телек смотреть чаще надо! То, о чем сейчас говорил ваш гений, легко проверить. В отеле только мы одни?

Отец, судя по всему, еще переваривал полученную информацию на пару со своим желудком, переваривающим добрый бокал виски, а потому задумчиво молчал, глядя на Люка, так что ответил девушке более стойкий к подобного рода заявлениям о техническом прогрессе Брайан.

– Да. Отель закрыт, здесь нет никого, кроме нас и нашей охраны, камеры видеонаблюдения выключены, «жучков» нет. Лично проверял утром. К чему ты клонишь, Оливия?

– Она клонит к тому, – заговорил за девушку Джонни, – что если он узнает обо всем, что мы здесь обсуждаем, значит он действительно подключается к нашим телефонам. Другой вопрос, если кто-нибудь ему лично обо всем не расскажет... – Джонни грозно посмотрел на охрану. – Кто-нибудь из них, например...

– Мой суповой набор меня никогда не сдаст! – заявила Лив и шлепнула Джонни по плечу. – И не смей их подозревать!

Марти и Эдди довольно улыбнулись (правда, расплылся

в счастливом оскале только зеленоволосый) и склонили головы (а вот вежливый поклон отвесил только красненький братец).

– Здесь вся охрана проверена временем на надежность. – отмахнулся Эйден. – А вообще, если молодежь права, то он действительно обо всем узнает!.. Маленький уродец...

– Так этот Эрнесто украл твои машины из гаража...

– Перебив при этом всю мою охрану! – прервал рассуждение Оливера злобным рыком Эйден, для наглядности ударив кулаком по столу.

– ...и напал на шесть группировок твоих союзников? – закончил Оливер, не обращая внимания на эмоциональное встревание друга в его речь. Эйден и Брайан одновременно кивнули.

– Да. Из-за этого костлявого, фрикообразного подонка арийское братство, латиноамериканцы, группировка Южного порта и банда Куинса объявили наше перемирие оконченным и сообщили, что будут воевать со мной, пока я не докажу, что в моих машинах этой ночью сидели люди этого задохлика, а не мои!!! – возмущенно громыхнул Эйден. – Этот гад лишил меня основных союзников! Слава Богу, что ты, Оливер, на нашей стороне, да еще неизвестно насчет Гарлема...

– А что Гарлем? – удивленно прошамкала Лив, запихивая в рот целый кусок бисквитного десерта. – Гарлем в порядке. Трейшоун пока не будет выступать против тебя, отец.

Все сидящие воззрились на нее с удивлением, любопытством, а отец с беспокойством в глазах побледнел:

– Откуда ты знаешь, дочь? Ты... ты что, уже ездила в Гарлем??? Опять одна???

– Ну, что поделаешь, отец, если ваши рожи мистер «черная скала» Джонс не переваривает! Он и мне-то верить не хотел, все своим дурацким пистолетом тыкал...

Эйден побледнел еще больше и зарычал:

– Ублюдок... Моя бы воля – переехал бы его на своем «Кадиллаке» раз двадцать, пока не перестанут хрустеть его кости... Оливия, дочка, сколько раз я говорил – предупреждай меня, когда едешь к этим нигге... афроамериканцам! Надеюсь, с тобой было достаточно охраны?

Лив успокаивающе кивнула, посмотрев в свою тарелку. Отец не знал о правилах Трейшоуна, особенно о тех, где девушка должна была всегда приезжать одна и без оружия. Джонни под столом вдруг положил руку ей на колено и очень нежно и ласково погладил ее по бедру, проведя рукой, становящейся все более горячей, от колена до начала бедра. От его прикосновения Лив почувствовала, как краснеют ее щеки, а в животе принялись взрываться горячие искры, которые превратились в теплую лавину, идущую вверх, к ее груди после того, как его пальцы страстно сжали ее ногу, а затем снова ласкающе двинулись в сторону колена.

Разозлившись на то, что окружающие могут заметить ее волнение и пылающие милым, алым румянцем щеки, она

гневно посмотрела на парня, который быстрым, огненным взглядом прошелся по ее лицу, губам, шее, скользнув на грудь, и через пару секунд – на живот, и вернувшись игривыми зелеными глазами к голубым и таким злым и страстным глазам любимой жены, притягательно и с очевидно разгорающимся огнем подмигнул ей.

Лив чуть прищурилась, попытавшись скинуть его руку со своего бедра, но Джонни лишь крепче сжал пальцами ее ногу и с силой прижал к своему бедру, от чего девушка вспыхнула еще больше, почувствовав, как дыхание ее предательски замедляется, а сердце, наоборот, пустилось в бешеный пляс... И хоть бы кто-нибудь догадался включить кондиционер в столовой! Дышать же совсем нечем...

А над столом по-прежнему продолжался серьезный разговор, в котором любитель поиздеваться над чувствами Оливии Джонни принимал самое оживленное и серьезное участие, продолжая под столом ласкать бедро Лив, то ускоряя темпы, обжигая ее все сильнее собственным огнем, то игриво замедляясь, нежно проводя пальцами по бархатистой коже через декоративные прорези в джинсах.

Лив почти не слышала того, о чем говорили отец, Брайан, Оливер и ее трижды проклятый муж, сжимая в руках десертную ложечку и пытаясь не сгореть в собственном огне страсти, который все усиливался от этой грубой, но нежной руки на своем бедре и одновременно дико злясь и глядя на Джонни убийственным взглядом. Улучив момент, когда все

мужчины были поглощены важным разговором и не обращали на них никакого внимания, она гневно шепнула Джонни на ухо:

– Отвали, придурок, или я оторву тебе руку, совсем ты, что ли???

Джонни только желанно посмотрел на нее своими игристыми зелеными глазами и шепнул в ответ:

– Даже не мечтай, малышка Лив. Тебе так идет этот румянец на щечках...

Лив в ответ больно ущипнула его за ногу, на что Джонни с веселой улыбкой погрозил ей под столом и переключился на остальных присутствующих, только крепче прижав ногу Лив к своей ноге и продолжая мучить ее обжигающим теплом собственного тела.

– ...у нас здесь недостаточно союзников против этого мелкого паршивца. – услышала Лив через бешеное сердцебие-ние в ушах обрывок речи отца и невольно прислушалась. – Чикагский синдикат очень силен, они имеют влияние на Нэшвилл, Детройт... да на чертов десяток соседних городов! И если у него еще есть это хреново оборудование, чтобы вечно за нами следить, то мальчишка хорошо подготовился! Дьявол... Своими силами, да еще и в раздоре с местными бандами, нам его не победить...

– Ну и что нам делать, Эйден? – спросил посерьезневший и задумчивый Оливер.

– Нужно позвать кого-то со стороны. – отозвался Брайан

и, сложив руки на груди, хмуро посмотрел на Эйдена. Тот внимательно поглядел в ответ и вдруг ухмыльнулся:

– Сицилийцев??? – угадал он мысли своего консильери. – А что... Это идея... Пообещаем им... что-нибудь... да что угодно! На кону – жизнь моей дочери!

– Между прочим, кузнечик сказал, что я буду жить. Значит, на кону не моя жизнь, а ваши. – сказала Лив без улыбки. – Но это ничего не меняет. А сицилийцы, говорят, чокнутые... Ну, в смысле, жестокие и кровожадные... Это правда?

– В некотором роде – да. – сказал Оливер. – У них просто иной темперамент. Эйден, ты серьезно? Тебе придется многое отдать за их помощь...

– Я серьезно. Чтобы защитить наши семьи, я пойду на все. – отрезал отец Лив, и девушка невольно с восторгом и гордостью посмотрела на него.

– Там, говорят, несколько месяцев назад взял власть новый крестный отец. – сказал Джонни. – В семье Гаспаро Бернардини произошел переворот... Какая-то мутная история с полицейской облавой на местный коттедж, где проводились нелегальные азартные игры, и этот тип, личность которого до сих пор остается никому не известной здесь, в Америке, сумел дать отпор копам и вывести почти всю семью целыми и невредимыми. А вот бедный старый Гаспаро, похоже, сильно спасовал перед представителями закона и пытался бежать, за что и был убит этим самым новым Доном.

Лив с интересом слушала Джонни, а вот на остальных,

исключая Люка, конечно, который испуганно тарасился на мафиозных шишек и их отпрысков с ошарашенным видом (такими глазами обычно смотрят на душевнобольных, опасных и непредсказуемых отморожков, которые сбежали не откуда-нибудь, а из психиатрического отделения при тюрьме строгого режима), рассказ не произвел особого, пугающего впечатления.

– И что? Никто даже не знает его имени?? – изумленно спросила девушка, увлеченная рассказом до такой степени, что даже не заметила, как рука Джонни из-под стола перекочевала к ней на талию, в более, так сказать, нижнюю ее часть.

– Никто. Ни имени. Ни истории. Ни внешних характеристик. – ответил Брайан за Джонни. – Только то, что он довольно молод и обладает потрясающей хваткой и интуицией. А еще говорят, что он чертовски умен.

Эйден вдруг довольно ухмыльнулся, посмотрев на дочь.

– Если ты хочешь с ним познакомиться, Оливия, я с удовольствием предоставлю тебе такую возможность. Брайан, забронируй билеты на самолет до Кальтаджироне на завтрашний вечер.

Лив вытаращила глаза на отца, чуть не подавившись куском торта.

– Чего-о-о??? Папочка, ты что, хочешь, чтобы я нашла этого вашего человека-паука и договорилась с ним сама??? Или, может, это билеты в один конец? В конце концов, ты уже как-то раз сбагрил меня туда, далеко и надолго...

Эйден захохотал и переглянулся с Брайаном и Оливером, который тоже веселился от души, глядя на любимую невестку.

– Дочка, думаю, повторения истории ты не дождешься. Вылетаешь завтра вечером, найдешь его и уговоришь прилететь к нам на помощь. Условия, которые он выдвинет, сообщишь мне... Но, думаю, нам придется в любом случае в чем-то уступить.

– Что?.. Отец!!! Почему я??? Лети сам к этому «терра инкогнито», ты же босс, крутая колбаса! И ты, кстати говоря, – кипятилась Лив, гневно полая по отцу взглядом, – в отличие от меня, обучен светским манерам. Думаю, конструктивный диалог у тебя выйдет гораздо лучше.

– Не волнуйся, Оливка, ради конструктивного диалога с тобой полечу я. – весело сообщил Джонни, жуя мини-сэндвич с особым энтузиазмом. Он перевел взгляд на отца. – Ты же сможешь без меня несколько дней, правда, пап?

Оливер захохотал.

– Сынок, я как-то справлялся еще до твоего рождения, да и потом восемнадцать лет каким-то образом выкручивался... Так что, думаю, тебе больше стоит переживать о том, как ты будешь сообщать эту великолепную новость маме.

Лив хмыкнула. Мама Джонни была без ума от своего единственного сына и жутко опекала его, не говоря уже о том, что в ее глазах появлялось желание убить каждый раз, когда она видела Лив. Все еще считая ее недостойной ее сы-

ночка, невоспитанной и незрелой девчонкой-вертихвосткой, Трейси О-Коннел жгуче ненавидела Оливию и не стеснялась в открытую это демонстрировать.

– Джонни, ты-то чего лезешь?? – раздраженно посмотрела на сияющего радостной улыбкой с невероятными милыми ямочками парня Оливия. – Я и без тебя прекрасно справлюсь, варан надутый. Так что не смей говорить своей матери, что я без тебя там погибну, понял, дубина??

Джонни только беспечно рассмеялся и поцеловал Лив в лоб.

– Тебе же будет грустно без меня! Нет, Оливка, я поеду, а то вдруг этот новый Дон Корлеоне не просто молод и умен, а еще и чертовски красив? Вдруг ты влюбишься в него и захочешь остаться на родной Сицилии...

– Да, дружок, – злобно и язвительно вздохнула Лив, – умешь ты подумать своей извилиной, даже несмотря на то, что она у тебя одна, да еще и кетчупом нарисована...

– Джонни, прекрати! – весело приказал Оливер. – Ревность в отношениях – это злобный монстр, поддавшись которому, ты будешь сожран изнутри...

– Началась философия. – грустно заметил Брайан, а Эйден, налив себе еще виски, посмотрел на дочь:

– Лив, я не могу поехать, потому что мне нужно руководить предвыборной компанией и вообще продумать, как быть дальше с моим кандидатом и кандидатом этого недоноска... Так что летишь ты, и это не обсуждается. А Джонни

проконтролирует.

– Угу. – насмешливо и обиженно сказала Лив. – Так же, как он тайком контролирует за мной финансовые отчеты, папа???

– Разговор окончен. – поспешно заявил Эйден и, спрятав глаза от дочери, торопливо встал из-за стола.

Половину дороги до дома Джонни пришлось выслушивать множество «приятных» комментариев в свой адрес о том, что он скрывал от Лив просьбы отца перепроверять за ней отчеты, а также угрозы о том, что будет с его жизненно-важными органами, да и лично с ним, если он попробует снова «вытворить без ее ведома что-нибудь подобное». К счастью для парня, который, впрочем, за два года научился пропускать длинные и витиеватые ворчания своей жены мимо ушей, ее восхитительная речь была прервана звонком ее мобильного.

Лив удивленно посмотрела на экран и увидела, что номер скрыт.

– Алло? – буркнула она в трубку.

– Моя милая сестра... Твой голос показался мне каким-то грустным... Кто тебя расстроил, Оливия? – проговорил в трубку тихий и вкрадчивый голос, и Лив ошарашено вытаращила глаза, снова глянув на экран, а затем – на Джонни. Голос Эрнесто в трубке звучал спокойно и уверенно.

– Ты!!! – крикнула она. – Кузнечик, ты что, в стране третьего мира и звонишь из телефона-автомата???

света?? Очень надеюсь, что второе.

Джонни, а вместе с ним и Марти с Эдди, сидящие впереди, одинаково удивленно и заинтересовано посмотрели на нее.

Лив услышала в трубке тихий смех.

– У тебя такое оригинальное чувство юмора... Как прошла встреча с папочкой??? Кстати, я удивлен, что вы сразу не догадались о том, каким образом я подслушиваю ваши разговоры... Подумать только, вам для этого понадобился компьютерщик! Ха-ха-ха... – снова тихий смех – и Лив почувствовала, что этот вкрадчивый голос не только злит ее, но и завораживает, гипнотизирует, ей хотелось слушать его еще и еще...

Тряхнув головой, Лив попыталась снять с себя оцепенение и хмыкнула:

– Значит, ты и здесь успел засунуть свой длинный нос, полено недопиленное?? В следующий раз не напрягайся, просто приходи лично – я с удовольствием помогу твоим ушам свернуться в трубочку.

– Ну не злись, Оливия, я же должен знать, что вы задумали! – весело, но все также невозмутимо плывущим на своей волне голосом заявил Эрнесто. – Кстати, сицилийцы? А что... Неплохо придумано... Они – мощная сила... Но, надо признаться, их визит и присоединение к вашей семье как-то не очень вяжется с планом моей игры... – он притворно вздохнул. – К сожалению, придется и мне подключиться, ду-

маю, новый босс семьи Бернардини будет рад примкнуть к Чикагскому синдикату...

– Чего-о-о??? Ты что, насекомыш, совсем страх потерял??? – заорала Лив, чувствуя, как злость медленно изнутри пожирает ее внутренние органы и давит со всей силы на виски, пытаюсь вырваться наружу. – С какой стати от прижмет к тебе, таракан безмозглый???

– Ну... – все также спокойно и рассудительно зазвучало в трубке, – с такой, что завтра я тоже вылечу на Сицилию и... так сказать, предоставлю ему выбор: могущественный синдикат, обладающий отличным компроматом на семью Мартинес, или... пытающиеся спасти свою шкуру неудачники, которым даже нечего предложить взамен... Интересно, кого он выберет?

– Ах ты!!! Недоносок, поспорим на что угодно, что я переиграю тебя, мерзкий ты клоп в зеленом тулупе!!! Ты не сможешь сорвать наши планы, ты не сможешь лишить нас всего, у тебя на это мозгов не хватит! – кричала Лив, а Джонни пытался успокоить девушку и забрать у нее телефон.

Эрнесто снова тихо рассмеялся.

– Лишить вас всего – это самая простая из всех задач. Ваша власть основана на страхе и манипулировании, а не на сотрудничестве и покровительстве... Ты только посмотри, как легко ваши союзники отвернулись от вас, отказавшись поверить, что ночные нападения совершили не вы!

Лив вцепилась в волосы, пытаюсь умерить яростную пуль-

сацию в своей голове, и прошипела:

– И зачем тебе это было нужно, если ты, как ты сам утверждаешь, легко раздавишь нас своей маленькой туфелькой золушки, даже имей мы в своих руках весь город? Струсил??

Эрнесто вздохнул.

– Оливия, ну чего мне бояться? Вы сами станете причиной своего сокрушительного падения... А ночное происшествие связано лишь с тем, что твой папа грубо поговорил со мной вчера... А я, знаешь ли, не люблю грубости и не прощаю никакой агрессии в свой адрес. – вдруг жестко, но все также вкрадчиво сказал Эрнесто. – И то же касается сицилийцев. Вы согласились играть по моим правилам, а сами решили действовать за моей спиной... Я бы и не подумал заключать с новым боссом соглашение, если бы вы не придумали это сами.

Лив раздраженно и удивленно поджала губы.

– Так значит, ты просто мстишь, собака трусливая??

– Не трусливая. Лив, пожалуйста, выбери выражения. Твои обзывательства мне неприятны. – спокойно, как близкий родственник, попросил Эрнесто.

Лив возмущенно покачала головой.

– А в задницу тебя не поцеловать, падаль истлевшая?

– Оливка! – грозно воскликнул Джонни, пытающийся уже минут пять утихомирить бешеную девушку. – Сворачивай бессмысленный треп!

– О, твой любимый муж прав. – весело заявил Эрнесто,

услышав голос Джонни. – Увидимся на Сицилии, сестричка. И помни – я всегда на шаг впереди.

– Конечно, братец, я это прекрасно знаю. Между прочим, отличная позиция, таракан, для того, чтобы я легко прихлопнула тебя большим белым тапочком. – и девушка сбросила вызов, гневно выбросив телефон в окно.

Джонни удивленно посмотрел на нее и сказал:

– Я, конечно, понимаю, что этот чокнутый мальчишка вывел тебя из себя даже больше, чем внезапно раскрытая страшная тайна наших с твоим отцом контрольных перепроверок финансовых отчетов, но телефон-то...

– Меньше будет подслушивать, кузнечик недоломанный. – прошипела Лив и возмущенно посмотрела на Джонни. – Ты хоть представляешь, что этот кукловод придумал??? А, и дай-ка мобильный, мне надо папе позвонить.

Джонни улыбнулся, в шутку негодуяще покачав головой и, для пущей выразительности, поцокав языком, а Марти шепотом сказал Эдди:

– Потом вернемся за ее мобилкой... Ты видел? Дорогой аппарат на шоссе выкинула! Я с ним буду ходить! – и, увидев грозный, предостерегающий взгляд Эдди, он рассудительно добавил:

– А что? Ей теперь он не нужен, а нас с тобой этот парень подслушивать не станет... Или, думаешь, ему интересно, как «Белые медведи» сыграли против «Красных коршунов»?

Эдди только покачал головой, выражая весьма красно-

речивые сомнения по поводу умственного развития своего брата.

Глава 6

Рейс 728, вылетающий из Нью-Йорка в Кальтаджироне (Сицилия) уже принял на свой борт всех желающих попасть в Италию к завтрашнему утру. Лив и Джонни, удачно записав свой небольшой чемоданчик в отсек для багажа над головой, уютно устроились в мягких креслах, ожидая, когда самолет, наконец, воспарит в небо. Лив, в обыкновенных, обтягивающих джинсах, белых, мягких тапочках и такой же белой, просторной футболке с нежными розовыми лилиями спереди, листала какой-то журнал, секундой ранее торчавший из кармана сиденья перед ней. Джонни же, с любопытством оглядывающий пассажиров и персонал, уделяя особое внимание стюардессам, тоже выглядел мило и небрежно в черной футболке, выгодно подчerkнувшей достоинства его фигуры, джинсах и фирменных «найках», только не синих, а черных, с желтой «галочкой» по бокам.

– И как мы отыщем этого неуловимого фантомаса-мафиози, если никто не знает, кто он, и как выглядит? – тихо спросила Лив, недовольно ткнув Джонни в бок, заметив, с каким интересом его зеленые игривые глаза изучают стройненькую фигурку одной из стюардесс в фирменной, красной форме авиакомпании и пилотке на голове, с густыми и прямыми черными волосами.

– Легко, Оливка. – он огненно подмигнул Лив, сияя своей теплой энергетикой и брутальностью, и снова, как ни в чем не бывало, устоял на стюардессу, которая, похоже, заметила его взгляд, да и его самого, и теперь смущенно улыбалась и строила глазки, что-то возбужденно шепча своим напарницам. – Спросим у моего друга.

– А кто твой друг? Рэкетир? Наркоторговец? Сутенер? Он с ним работает? – недоуменно посыпалась на мужа с вопросами Лив.

Джонни обаятельно улыбнулся брюнетке в красной форме, которая, судя по виду, пришла в неопиcуемый восторг от его ямочек на щеках, и, покраснев, отвела глаза, а затем с ухмылкой весело проговорил:

– Он мороженщик. Но вообще да, немножко работает... Он поделщик, иногда, по просьбе уличных боссов Бернарддини, он тайком провозит в своем фургончике наркоту вместе с мороженым... Но он осведомлен.

Лив, которая внутренне еще успевала гореть от ревности, но не желая подавать виду, с сомнением рассмеялась, язвительно посмотрев на мужа:

– Если он – всего лишь поделщик, то кто ж его просветил??

Джонни весело и невозмутимо посмотрел на Лив, затем, более медленно, – на ее ноги, вытянутые вперед, насколько позволяло расстояние между креслами, и, наконец, удостоив ее глаза своим вниманием, сообщил:

– Я забыл добавить, что он торгует мороженым около Центрального полицейского участка. И иногда внимательно слушает то, о чем мило и непринужденно беседуют копы, стоя в очереди за мороженым в свой обеденный перерыв.

Лив удивленно посмотрела на Джонни, но ничего не сказала: самолет выехал на взлетно-посадочную полосу и начал набирать скорость.

Через пятнадцать минут, после сытного ужина Лив откинула спинку сиденья и стала смотреть в иллюминатор, на чернеющее вокруг бескрайнее небо и проносящийся под ними океан с маленькими и большими островками – соседями большого брата-материка. Она обернулась назад: через пару кресел от них мирно сидели Марти и Эдди, при этом, зеленоволосый вцепился в ручки кресла так, что, наверное, даже если перевернуть его сиденье вниз головой и с силой потрясти, он бы из него не выпал, а вот Эдди напротив, сияющими глазами таращился в круглое окошко, и его всегда суровое лицо несколько смягчилось и даже посветлело.

Лив улыбнулась и поежилась: в салоне становилось прохладно. Джонни заметил это и, заботливо взяв Лив за руку, позвал стюардессу. Да-да, ту самую, которой он посылал свои завораживающие флюиды, и которая чуть не рассыпалась от счастья, ощущая его мужское внимание на себе.

Лив недовольно заметила, как брюнетка, сияя, как маяк на затерянном острове, грациозно поплыла к ним через проход, отхватывая по пути достаточно мужских глаз на своем

миловидном личике и стройной фигурке, отлично подчеркнутой форменной одеждой и короткой юбкой. Но она-то, как и многие другие, попавшиеся на крючок обаяния зеленоглазого и темноволосого красавчика с каким-то преступным притяжением и страстным, обжигающим сиянием, конечно, не представляла себе, что это просто... Нет, Джонни не играл с женщинами, он просто... просто всегда со всеми заигрывал, вот и все. Джессика, старшая сестра Лив, которая должна была выйти за него замуж, не могла мириться с этим, поскольку думала, что он специально заигрывает с другими из-за того, что ему мало ее, Джессики. Но Лив чувствовала, что это не так. Она не сомневалась в его любви к ней: она видела ее в его глазах, чувствовала ее в том самом энергетическом пульсе, который он неизменно излучал и который окружал девушку своим теплым, защитным светом... Поэтому она понимала, что это всего лишь его манера общения с женским полом, которая ничего не значила для него самого, но зато разбивала очередное женское сердечко, слепо ведущееся на откровенный восторженный взгляд и обходительное отношение.

И вот, очередная жертва Джонни, милая красотка, не подозревающая о том, что сердце этого эффектного и уверенного в себе красавчика занято далеко и надолго одной блондинистой, невоспитанной грубиянкой, подошла к нему и, не отрывая восхищенного и влюбленного взгляда от его ясных и игривых зеленых глаз, откровенно изучающих ее тело

без тени смущения и стыда, и улыбнувшись улыбкой на десять баллов, слегка наклонилась, предоставляя шанс Джонни оценить ее пухлые губки и зону декольте.

– Чем могу вам помочь, сэр? – вежливо поинтересовалась она.

Лив с усмешкой посмотрела на нее, внутренне испытав триумф за то, что этот тип, умудряющийся запудрить мозги любой дамочке за пару секунд, принадлежал ей, а еще чувство жалости к бедной, симпатичной стюардессе, и перевела взгляд на Джонни, который нагло и беззастенчиво, но с огромным удовольствием «заценил» ее грудь и, огненно и брутально посмотрев ей в глаза, проговорил:

– Милая девушка, у вас тут поддувает, закройте пожалуйста окошко.

Стюардесса секунду думала, при этом ее глаза вдруг как-то смешно остекленели, и Лив, не удержавшись, захихикала. Брюнетка, услышав ее смех, поняла, что это шутка, и тоже рассмеялась, с еще большей любовью посмотрев на Джонни.

– К сожалению, не могу убавить кондиционер. Это можно отрегулировать только из кабины пилотов. Могу я предложить одеяло?

Джонни обаятельно улыбнулся и, снова пройдя взглядом по фигурке стюардессы, задержавшись на ее стройных ногах дольше, чем нужно, проговорил:

– Я это и имел ввиду, спасибо, в вашей компании все девушки такие умные работают??

Стюардесса покраснела и неловко пожала плечами.

– Наверное. Что-нибудь еще?

– Да, милая, умная девушка, – веселым голоском с тонкими нотками сатиры проговорила Лив, – принесите и мне одеялко, а то здесь как-то совсем мало красивых мужчин вокруг: моя кровь не так кипит, как кровь моего... м-м-м... случайного спутника.

Джонни в шутку укоряюще и обиженно посмотрел на нее и сказал:

– Вообще-то, Оливка, я тебе одеяло попросил.

Лив сделала круглые, изумленные, очищенные от мутного налета интеллекта, глаза:

– Правда??? Девушка, – она снова посмотрела на стюардессу, которая поглядывала в ее сторону не очень дружеским взглядом, – мне так невероятно повезло! Мой сосед по креслу оказался заботливым и внимательным мужчиной! Принесите мне, в таком случае, два одеяла.

– Два??? – удивилась стюардесса.

Лив с сияющей улыбкой кивнула.

– Два. Одно я повяжу ему на голову вместо повязки, а то в вашем самолете слишком светло, уснуть не сможет! – и заговорщицким шепотом она добавила:

– У него при ярком свете – дисомнии. – она развела руками и притворно вздохнула. – Надо же и мне тогда о нем позаботиться в ответ, не находите?

Стюардесса настороженно посмотрела на Лив, затем – на

еле сдерживающего хохот Джонни, и явно чего-то не понимала... Пока не заметила, как он нежно, но с нажимом, поглаживает ее руку и смотрит на нее с тем самым, особым, ни с чем не сравнимым блеском в глазах... Как же она мечтала, чтобы кто-то такой же, как этот невероятный зеленоглазый брюнет, посмотрел когда-нибудь и на нее такими глазами!.. Ужасно расстроившись, чуть не до слез, она тихо проговорила:

– Сию минуту, мэм. Все принесу. – и удалилась. Лив посмотрела ей вслед и увидела, как поникли ее плечи, а Джонни опять, как ни в чем не бывало, с несказанным удовольствием уставился на ее ноги.

– Ты – мерзкий индюк, Джонни. – ткнула его Лив в плечо, вдруг ужасно пожалев бедную, успевшую влюбиться, девушку. – Твои заигрывания тебе вернутся бумерангом и больно куда-нибудь ударят, вот увидишь!

Джонни беспечно улыбнулся и пожал плечами:

– С чего ты решила, что я с ней заигрывал? И кстати, Оливка, ты почему не сказала, что я – твой муж?

– Постеснялась, дубина, что меня сочтут идиоткой, выскочившей замуж за ловеласа. – съязвила Лив, но тут же нежно положила голову ему на плечо и добавила:

– Отомстила тебе за то, что пялился на ее ноги. И сейчас, между прочим, пялишься!

Джонни поцеловал Лив в макушку и, сильнее сжав ее ладонь своей рукой, прошептал ей на ушко:

– Я не пялюсь, а убеждаюсь в том, что твои ножки не просто самые лучшие в Америке, но самые лучшие в целом мире, малышка Лив.

Оливия улыбнулась, чувствуя, как расслабляется от ощущения идиллии, его близости, чувства своей любви к нему и, прежде, чем уснуть, вдохнула аромат его одеколона с таким волшебным запахом морского бриза и потянулась к нему, получив мимолетный, но такой нежный и теплый, такой чувственный и самый любимый поцелуй в губы, шепнула:

– Идиот ты, все-таки, дубина безмозглая... Зато *мой* идиот. – и, прислонившись к его крепкому плечу, она уснула, зная, что он довольно и счастливо улыбнулся ей в ответ.

Глава 7

Первый раз они заметили Эрнесто, когда выходили из зоны регистрации в общий зал, где, по обыкновению, встречали всех прилетевших. Всюду слышался итальянский говор, и Лив, вертя головой, окунулась в ту неспешную, но эмоционально-насыщенную и суетливую атмосферу, в которой прошла практически вся ее жизнь. Джонни уверенно шел впереди, увлекая за руку глазающую по сторонам девушку и лавируя между плачущими, смеющимися, грустными или веселыми людьми, окутанными кто правдой, а кто – фальшью.

Сзади едва поспевали Марти и Эдди, выделяясь в разношерстной, но, преимущественно черноволосой и темноглазой толпе с ярко-выраженными профилями лиц своими чер-

ными костюмами и бросающимися в глаза из любой части зала шевелюрами.

Погруженная в странный, ностальгический гул, Лив не сразу услышала позади себя тихий голос Эдди:

– Мисс Оливия... А вон там, слева, возле входа, случайно не тот самый тип стоит??

Лив очнулась, выдернутая из заполняющей ее воспоминаниями ауры аэропорта, и удивленно посмотрела туда, куда указывал Эдди. Посмотрела и замерла на месте, за что Джонни случайно чуть не оторвал ей пальцы, удивленно обернувшись на девушку:

– Ты чего, Оливка? Привидение уви... – он осекся.

Эрнесто, как ни в чем не бывало, говорил по телефону и одновременно давал указания нескольким своим людям, прилетевшим с ним, отчего те беспокойно суетились вокруг, как муравьи около растоптанного муравейника.

Угловатый и курчавый блондин, на этот раз, был одет в дорогой коричневый свитер, ядовито-кислотный желтый шарф, небрежно болтавшийся на шее, серые джинсы и бледно-голубые лакированные ботинки. Лив также заметила, что он по-прежнему был в черных перчатках с отрезанными пальцами, а на его запястье болталась та самая фенечка, которую он любил перебирать пальцами.

– Да-а-а... – протянул Джонни, весело ухмыляясь. – Оригинальный стиль одежды – это у вас, по-видимому, семейное.

– Угу. Смотри не заразись. – буркнула Лив, в шутку бросив на Джонни гневный взгляд, и в этот момент Эрнесто вдруг посмотрел на нее.

Секунда. Другая. Его серые, безмятежные глаза не были туманными. Он очень конкретно смотрел прямо на нее. Лив ужасно хотела злиться на него за то, что он угрожает их семье, рушит их планы, преследует ее и хочет уничтожить, но... Почему, когда он смотрел на нее, она испытывала только... замешательство?? Что такое было в его глазах, что нейтрализовывало в ней все эмоции? А он так пристально смотрит, будто гипнотизирует...

Еще секунда – и его взгляд заволокло серым туманом. Щелчок – и гнев девушки включился. Она прищурилась, удивленно осознав, что теперь вполне может его убить... А Эрнесто спокойно и вежливо улыбнулся и слегка склонил голову в знак приветствия. Взамен Лив погрозила ему кулаком и, ощущая, как внутри нее все закипает, буркнула:

– Пошли отсюда.

Вчетвером они заселились в небольшом, но достаточно презентабельном и недешевом отеле в центре города, под странным названием «Tarassaco giallo» («Желтый одуванчик» – с итал.) и, переодевшись в свежую одежду (Лив натянула на себя цветастую пышную юбку на широкой черной резинке, открывшую ее стройные ножки, и простой черный топ на широких лямках, а Джонни просто сменил футболку на темно-синюю и, соответственно, кеды на такие же, не

отреагировав на язвительное замечание жены по поводу того, что было бы, если бы футболка была кислотно-желтой в красный горошек: с его-то маниакальной любовью подбирать кроссовки в тон одежде) и сняв напрокат не новый, но очень эффектный черный, тонированный «Ягуар», поехали к знакомому мороженщику.

Лив с огромным любопытством смотрела по сторонам, вспоминая до боли знакомые улицы, дома, достопримечательности этого небольшого сицилийского города, где, по иронии судьбы, спрятался тот самый неуловимый крестный отец сицилийской мафии, и чувствовала не только ностальгию, но и отторжение. Этот город воспринимался ее разумом как тюрьма: мрачная, черная, наполненная отчаянием и безысходностью, уничтожающая смысл жизни и желание жить. Джонни, кажется, все понимал, потому что с беспокойством поглядывал на нее, ничего не говоря. Эдди и Марти, которые в этот раз ехали на заднем сиденье, тихо переговаривались, тыча пальцами в стекло и с оживлением разглядывая итальянский город с таким видом, будто их привезли на увлекательную экскурсию.

Центральный полицейский участок Джонни, сидевший за рулем, отыскал быстро, всего пару раз уточнив дорогу у прохожих. Остановившись на небольшой парковке, за которой начиналась парковая зона с густыми, зелеными деревьями и множеством тонких, как спутанная паутина, пешеходных дорожек, они вышли из машины и двинулись прямо в центр

парка – к серому, четырехэтажному простому зданию с итальянским флагом и гербом местной полиции, около которого грудились какие-то люди, проскальзывали мужчины в форме и подъезжали полицейские машины.

Солнце жарко пекло спину и плечи, звонкие каблучки простых золотистых босоножек на тонких ремешках уверенно цокали по асфальтированной дорожке вслед за синими, залихватскими «найками», а позади не отставали две пары дорогих черных туфель, начищенных до блеска.

Фургончик с мороженым действительно примостился неподалеку от входа в участок, спрятавшись в тень пушистой и довольно старой пихты. Сейчас около него никого не было, что не могло приятно не радовать.

Когда они подошли ближе, из окошка выглянул молодой и веселый парнишка с короткими, каштановыми волосами, голубыми глазами и длинным, узким лицом, поперек которого разверзлась счастливая, широченная улыбка:

– Johnny! Forse sei tu, mio caro amico! O sto sognando?? Da dove tu possa qui essere visualizzato??? Il panettiere di marijuana, ben presto dal suo odore molto trasferisco a vivere in un mondo immaginario! – воскликнул он, вытащив для крепкого рукопожатия обе руки из окошка. («Джонни! Неужели это ты, мой дорогой друг! Или я сплю?? Откуда ты мог здесь появиться??? Чертова марихуана, скоро от ее запаха совсем перееду жить в вымышленный мир!» – с итал.)

Джонни весело рассмеялся и, пожав пареньку руки, по-

трепал его по тоненькой, впалой щечке:

– Il grullo tu, a Costantino, la marijuana non profuma di fieno e, in generale, a malapena percettibile, così, per trasferirsi così lontano sotto le stelle te bisogno di un lungo e felice il suo fumare! («Дурачок ты, Константино, марихуана пахнет сеном, да и вообще, еле заметно, так что для переезда так далеко под звезды тебе нужно долго и радостно ее курить!» – с итал.)

Оба радостно рассмеялись. Константино с восторгом в молодых, живых голубых глазах смотрел на Джонни.

– Così come ci sei finito, Johnny? – удивленно спросил он и перевел взгляд на Лив, которая с легкой ухмылкой слушала их разговор. («Так как ты здесь оказался, Джонни?» – с итал.)

Он живо и не менее восторженно осмотрел девушку с ног до головы и присвистнул:

– Wow, ma che bella bambina! Но così a lungo sognato di un dolce bambina... («Ух ты, какая красивая малышка! Я так давно мечтал о такой сладкой девочке...» – с итал.)

Лив гневно и насмешливо подняла брови.

– Così hai sempre sognato di avere una ragazza che facilmente si rompe un tuo vertebra nella regione cervicale per ogni, detto te, inappropriato parola? Да ты и правда от мороженый, мальчик. – сказала Лив смесью итальянского и английского, чем насмешила Джонни и привела в еще больший восторг молодого мороженщика, улыбнувшегося еще шире. («Так ты все-

гда мечтал иметь девушку, которая легко сломает по одному твоему позвонку в шейном отделе за каждое, сказанное тобой, пошлое слово?» – с итал.)

– Константино, это моя жена Оливия. – сказал Джонни, нежно взяв Лив за руку и с собственническим видом притянув к себе. Константино грустно вздохнул и улыбнулся:

– Значит, поделиться не сможешь? Жаль. Я, может, такую всю жизнь искал...

– Да, мне очень повезло, ты бы видел, как она умело заказывает пиццу! – со смехом сказал Джонни, шутливо посмотрев на Лив и получив в ответ уничтожающий взгляд.

– Постой-ка... – вдруг осенило Константино, и он восхищенно посмотрел на Лив. – Так это та самая девчонка, которая развязала войну против...

Лив поморщилась. От такой популярности ей становилось дурно: еще того и гляди, слагать легенды начнут и памятник при жизни поставят.

– Эй, болтушка! – прервала его девушка. – Шоколадное есть? Доллары принимаешь? Или только подзатыльники?

Константино намек понял (какой смысленый парень!) и, зачерпнув приличную горстку мороженого, стал ловко запикивать его в вафельный стаканчик, весело проговорив:

– Так зачем вы прилетели, Джонни? Какие-то проблемы? Джонни с улыбкой притворно вздохнул и проговорил:

– Да, есть тут кое-какие проблемы... Нам очень нужно подружиться с местным новым крестным папочкой... Да так

тесно, чтобы он добровольно согласился быть увезенным в Штаты ради оказания нам своей бесценной помощи... Случайно не знаешь, кто он, и где его найти?

Константино расхохотался и протянул Лив огромную порцию мороженого, предусмотрительно воткнув в эту величественную горку пластиковую ложечку. Подмигнув девушке и махнув, чтобы она убрала деньги обратно в карман к Джонни, откуда та их незаметно вытянула (правда, не заметил только беспечный муж, Константино же все видел и даже успел похихикать над другом), парень развел руками:

– Увы! Он очень хорошо скрывается. Никто не знает, где он, кто он и какой он... Полицай совсем головы потеряли, пытаюсь разгадать этого мистера Икс... Проверяют всех крупных бизнесменов города, но у всех «якобы» все чисто, хотя этого по определению быть не может. Кто-то хорошо его покрывает...

– И с чего нам начать? – морщась от холода, сводящего зубы, но все равно набивая полный рот наивкуснейшим мороженым, спросила Лив.

Константино хитро улыбнулся и возвел глаза к небу.

– Есть тут у меня одна догадка... Вам терять нечего, предлагаю проверить. Сегодня в одном из самых дорогих выставочных залов города устраивается аукцион старинных, коллекционных вещичек... Устраивает его очень богатый и влиятельный бизнесмен, владелец этого самого зала... Забыл его имя. Ну так вот. – с энтузиазмом и триумфом вещал пар-

нишка. – Туда слетятся все сливки Сицилии, да и много будет приезжих гостей из других уголков Италии. Копы напряжены, думают, что аукцион – всего лишь прикрытия... Только вот для чего? Отмывания денег? Грязной сделки? Подставного убийства? В общем, – Константино, не стесняясь, зачерпнул яблочного мороженого совком и с удовольствием отправил его себе в рот, – копы хотят понаблюдать... Этот бизнесмен молод и влиятелен, у него хорошие связи и мощный характер... Думаю, он может быть «им».

Джонни и Лив переглянулись и одинаково заулыбались.

– Отлично! Спасибо, дружище. Так где, говоришь, будет аукцион?

– Сегодня в семь. – и Константино подробно объяснил, как проехать на место.

Распрощавшись с веселым мороженщиком, который вместо обычного прощания послал Оливии весьма неоднозначный и очень уж откровенно-похабный воздушный поцелуй, за что в ответ получил неприличный жест от девушки и грозно-предупредительный кулак от Джонни, парочка направилась обратно к своему «Ягуару», погрузившись в раздумья, но все же с блеском оживления в глазах.

– Так мы сегодня на какую-то крутую вечеринку идем? – довольно спросил Марти, вместе с Эдди поспешно шагая следом. – А я нормально выгляжу, Эд? Там наверняка будет столько гламурных цыпочек в коротеньких платьицах...

– И не мечтай, зеленый! – буркнул Эдди. – Ты забыл? Мы

идем по делу.

Лив, краем уха услышав свой «суповой набор», резко затормозила, озаренная внезапной мыслью, и уставилась на Марти:

– Вот черт!!!

– Ты чего? – удивленно спросил Джонни, пытаясь тянуть девушку за руку дальше.

– Огурец прав. – нахмурилась Лив. – Там все будут в шикарных нарядах... Терпеть не могу эти чертовы вечерние платья! Что же мне, теперь, в драных джинсах туда идти???

Проклятье.

Джонни рассмеялся.

– Вот проблема! Поедем в какой-нибудь магазин и купим тебе шикарное платье. Я даже помогу тебе его потом снять. – огненно шепнул ей на ушко Джонни, проведя рукой по ее спине. Лив ощутила мурашки, но, нахмурившись, ущипнула Джонни за бок и залезла в «Ягуар», бросив через плечо:

– В этом-то я не сомневаюсь, трепло.

Через полтора часа бездумной езды по городу, они, наконец, нашли то, что искали: в одном из богатых кварталов золотая витрина, отделанная какими-то блестками и фонариками, демонстрировала манекены в откровенных коктейльных платьях, а вывеска гласила на итальянском: «Мария Селеста».

Увидев название, Лив захохотала:

– Надо же! Сейчас зайдем, а там – одинокие платья на ве-

шалках, недопитый кофе и включенное радио... И ни единой живой души.

Джонни тоже расхохотался.

– Класс! Заберем все, что пожелаем! Идем, Оливка. Вы двое, – он обернулся на Марти с Эдди, – и так неплохо выглядите. Так что останетесь здесь.

Братья вздохнули и кивнули, а Лив с Джонни исчезли в дверях магазина.

Вопреки фантазиям девушки и странному выбору названия, как только они вошли, к ним подскочила худенькая особа в сером, строгом платье до колена и с широченной улыбкой на чистом итальянском провозгласила:

– Доброе утро, синьор и синьора! Что желаете приобрести?? У нас отличный выбор вечерних нарядов на любой вкус!

Лив с тоской прошла вдоль рядов, где как-то совсем не эффектно висели эти самые вечерние наряды с таким унылым видом, будто их с утра мамочка похвалить забыла. Девушке совсем не хотелось вырядиться в неудобное дорогое платье, причесываться и краситься с особой тщательностью, а потом еще весь вечер следить, чтобы грудь не вываливалась в глубокое декольте, а юбка не задралась до неприличной высоты... Фи.

– Нам нужно какое-нибудь вечернее платье. – без энтузиазма заявила Лив, возвращаясь к Джонни. Тот игриво улыбнулся продавщице, покоровив ее горячим блеском зеленых

глаз и своей чертовой обаятельной, красивой рожей и, слегка дернув Лив, добавил:

– Девушка, нам нужно какое-нибудь *самое лучшее* вечернее платье. Что у вас есть?

Худенькая дамочка неопределенного возраста очнулась от любовного созерцания мужа Лив и, вдруг оглядев девушку в обыкновенной майке и довольно дешевой цветастой юбке, робко пожала плечами:

– Есть несколько очень хороших вариантов... Но... – она замялась. – Понимаете... они и стоят весьма... недешево.

Лив удивленно посмотрела на нее, потом – на Джонни, который весело улыбался, и в конце – на себя, сообразив, в чем причина замешательства продавца.

– И что? Значит, не покажете? Или за просмотр этих сверхбесценных нарядов тоже нужно заплатить? – язвительно спросила Лив, чем ужасно пристыдила продавщицу, которая, покраснев, помчалась вдоль рядов со словами:

– Простите, сеньора, я вовсе не хотела ничего такого сказать... Вот, пожалуйста.

Она выскребла с вешалки длинное, в пол, черное платье с глубоким, до начала бедра, вырезом, открытой спиной, золотым металлическим поясом и двумя широкими лентами ткани спереди, описывающими петлю через голову, предназначенными, судя по всему, для того, чтобы прикрывать грудь. Ткань была легкой, тянущейся, невесомой, и как будто слегка блестя, Лив поразились, она никогда не держала в руках

ничего подобного.

– Клевое. – просто заявил Джонни и уже с нетерпеливым и страстным сиянием в глазах добавил:

– Померяешь?

Лив тяжело вздохнула, как будто ее заставили пробежать стометровку, и посмотрела на ценник. Ее глаза вылезли, наверное, даже не на лоб, а на макушку:

– Сколько?!? Девушка, у вас тут какой-то шутник приписал целых три лишних нолика! Может, просмотрим камеры видеонаблюдения и узнаем, что это был за хулиган?

Продавщица жгуче покраснела и хотела было повесить платье обратно, но Джонни перехватил ее руку и, посмотрев на цену, лишь рассмеялся, а затем строго приказал:

– Иди в примерочную. Девушка, не слушайте ее.

– Ты совсем с серым веществом не дружишь, придурок! – грозно шипела Лив, таща платье в примерочную. – Столько бабок за кусочек ткани на один раз!!! Идиотский аукцион...

И девушка скрылась за шторкой, отослав бедную продавщицу «за какими-нибудь туфлями».

Глава 8

Ровно в семь часов Лив и Джонни все на том же «Ягуаре» подъехали к многоэтажному элитному отелю, на первом этаже которого и располагался этот самый выставочный зал. Глядя на огромную парковку, заполненную дорогими автомобилями и людьми, вышагивающими в потрясающих смо-

киндах и коктейльных нарядах за многие десятки тысяч долларов, девушка все больше чувствовала себя не в своей тарелке.

Она знала, что тоже выглядит эффектно: платье отлично подчеркнуло ее тонкую талию, красивую зону декольте, плавный изгиб бедер и демонстрировала почти полностью потрясающую стройную ножку в округлый вырез до начала бедра; волосы Лив зачесала на один бок, и они длинными, нежными, светлыми кудрями падали ей на плечо и спину, доставая до поясицы и таинственно прикрывая ей один глаз, а на лице был наложен яркий, вечерний макияж, подчеркнувший бирюзовые глаза и ярко-малиновые губы. Лив недовольно расправляла несуществующие складки, пытаясь не дышать, чтобы не испортить прическу, и мечтала взять в руки иголку и нитку и, хотя бы, сантиметров на десять зашить чертов вырез на бедре, смущающий ее больше всего. В общем, прекрасная принцесса ужасно злилась на себя и на чертов аукцион с чертовым фантомасом-крестным отцом в придачу.

Джонни же, напротив, не отрывал влюбленных и восторженных глаз от своей «милой ворчуньи», горя удушливым огнем страсти и сводя с ума своим сиянием и притяжением, а также жаром, от которого Лив хотела бежать, потому что боялась, что ее бьющееся в припадке безумной любви к красавцу в шикарном черном костюме, белой рубашке и дорогих туфлях сердце просто не даст ей завершить то, ради чего

они, собственно, и вырядились.

Лив мрачно покосилась в зеркало заднего вида на черный «Фольксваген», который припарковался в десяти метрах от них, и в котором, в отличие от «Ягуара», не было тонировки, поэтому зеленая и красная шевелюры виднелись как нельзя лучше. Она вздохнула и посмотрела на Джонни, который, вместо того, чтобы оценивать обстановку у входа, желанным взглядом таранился на ее бедро, так по-дурацки не скрытое платьем.

Прилив огня внутри заставил девушку слегка порозоветь, но на деле она лишь закатила глаза и проговорила:

– Слава Богу, доехали и ни во что не врезались! Просто чудо какое-то!

Джонни тепло рассмеялся и, нежным взглядом проделав путь от ноги девушки до ее зоны декольте, задержался там ненадолго, вспыхнув искрами, а затем скользнул по ее шее и, остановившись на губах, сказал:

– Ты сомневаешься в моих водительских способностях, милая?

Лив хмыкнула.

– Нет. Я сомневаюсь, что ты хотя бы пять минут времени смотрел на дорогу... Хотя, при сломанной на правую сторону шее, это и не удивительно.

– У меня не...

– Серьезно? – шутливо с раздражением перебила игриво улыбающегося мужа Лив. – Ой, прости, значит, просто по-

казалось, иначе как еще объяснить тот факт, что ты глупо пялился в мою сторону всю дорогу???

Джонни рассмеялся и, взяв Лив за руку, нежно поцеловал ее запястье.

– Это все ты виновата, малышка. Слушай, – он наклонился к ней, остановившись в сантиметре от ее губ и жадно заглянув потемневшим, горящим взглядом в ее глаза, заставив все внутренности девушки взорваться вулканом и даже отодвинуться, потому что голова явственно и до ужаса быстро начала терять рассудок, – а может, мы... задержимся... минут... на... пять???

– шепнул он, горячо и очень нежно коснувшись губами ее щеки, затем шеи, заставив Лив тяжело вздохнуть от нарастающего бурного вулкана кипящей лавы внутри нее, и только чей-то смех у входа в выставочный центр вернул ее в реальность.

– Пять???

Когда это ты за пять минут укладывался, особь обезьяньего типа?? – Лив поспешно отодвинулась от него, выныривая из горящего шара его страстной энергетики и глотнув воздуха, пытаясь скорее остыть, а для пущей надежности еще и сложив его обе руки обратно на руль. – Хватит думать о глупостях, мы здесь по делу. Там, кажется, приглашения спрашивают... Вот черт!

Джонни обиженно вздохнул, но предпринял еще одну слабую попытку:

– Тогда можно я, хотя бы, тебя поцелую?

– Иди к дьяволу, Джонни, я что, для тебя помаду намаза-

ла??

– Подумаешь, еще раз нама...

– Отвали, или я ее тебе на одно место намажу, кретин! – зашептала злобным шепотом Лив, пригрозив Джонни пальцем. Тот притворно и сокрушительно вздохнул, с тоской посмотрев на вход.

– Зайдем с заднего хода? – предложил Джонни, глядя на то, как работник выставочного центра, а ныне – швейцар в красном костюме, проверяет какие-то желтые бумажки у очередных персон в дорогих прикидах.

– Ты имеешь ввиду какое-нибудь окошко в туалете на заднем дворе? – усмехнулась Лив. – Ну уж нет, красавчик, в платье за тридцать тысяч евро я войду только через главный вход, чего бы мне это ни стоило!

Джонни улыбнулся и кивнул.

– Ладно, Оливка, только возьми с собой своих дружков, а я войду сзади.

Лив кивнула.

– Встретимся внутри. – она улыбнулась ему сияющей улыбкой и, героически подобрав подол своего платья-истязателя, вышла из машины, махнув Марти и Эдди.

Швейцар, при ближайшем рассмотрении, оказался молоденьким парнишкой с темными, почти черными глазами, такими же черными волосами и тонкими, длинными, как у пианиста, пальцами рук, которыми он проверял приглашения у богатеньких посетителей аукциона. Единственным и самым

главным недостатком этого милого, приветливо улыбающегося всем блистательной улыбкой, юноши были двое здоровенных качков в черных костюмах, белоснежных жилетках и рубашках с галстуками и, почему-то, в белых, а не черных, что было бы логичнее, лакированных туфлях, грозно маячившие у него за спиной. Однако, немного пораскинув мозгами, Лив подумала, что это устрашающее приложение может даже кое в чем ей помочь.

– Добрый день, сеньорита! Ваше приглашение, пожалуйста! – с угодливой улыбкой осмотрев девушку своими черными глазами проговорил швейцар.

Лив подняла брови и насмешливо проговорила:

– Ах да, сейчас, оно у меня где-то в заднем кармане... – она положила руки себе на зад и сделала трагическое лицо:

– Ой, кажется, забыла его в другом развратном наряде... Прости, парниша, придется мне пройти так. Уйди с дороги. – грозно шепнула она, блеснув злым взглядом на опешившего швейцара и, пододвинув его, попыталась пройти, но двое громил стеснились перед ней так, что даже щели между друг другом не оставили, нависнув над яростной малышкой как парочка полканов.

– Извините, сеньорита, но на аукцион без приглашения нельзя. Приказ хозяина. – проговорила одна мускулистая гора, и Лив, начиная злиться, сложила руки на груди и язвительно и нетерпеливо проговорила:

– Дался мне ваш аукцион! А насчет хозяина... Может, ра-

ди него я сюда и пришла? Короче, Гималаи, а ну-ка быстренько метнитесь к своему боссу или великому властелину Тибетских гор, как вам больше нравится, а я пока подожду у бара. Но учтите, – она чуть прищурилась и ткнула пальцами тоже порядком ошалевших охранников, которые даже не обращали внимания на недовольство постепенно собиравшейся из-за Лив очереди, в белоснежные жилетки, – если придется ждать слишком долго – от вашего бара останутся одни только «розочки».

И, с силой отпихнув громил со своего пути, не ожидавших нападения со стороны малюсенькой блондинки с большими, голубыми глазами, она протиснулась между ними, как, впрочем, и Марти с Эдди, державшие руки под пиджаками на всякий случай, но с ухмылкой наблюдавшие за действиями дочки Эйдена Мартинеса, и вошла в помещение.

Первое, что бросилось в глаза Лив, это величественные резные колонны, подпирающие потолок, странные и до нелепости разнообразные экспонаты под толстыми стеклянными куполами, как-то: обычная старая трость, какой-то хрустальный шар, книга в древнем переплете, вазы, украшения и даже несколько шикарных автомобилей преклонного возраста, и огромные толпы богатеев в дизайнерских нарядах, с видами знатоков ошивающиеся между всей этой бесценной рухлядью и потягивающие шампанское.

– Сеньорита! – громилы сзади не отставали, следуя за Лив по пятам. – Вам сюда нельзя! Просим вас уйти по-хорошему,

иначе мы будем вынуждены...

Лив расхохоталась и обернулась, глядя на разгневанных мужчин, державших в руках рации и с самым серьезным видом собиравшихся вызвать подкрепление.

– Применить силу? О, я бы на это посмотрела! Вот так зрелище – двое верзил заламывают руки хрупкой, беззащитной девушке... И что скажут все эти буржуи кругом??? Ай-яй-яй! – поцокала языком Лив и сделала знак Марти и Эдди, что все под контролем, потому что видела, как они оба напряглись, готовые броситься на ее защиту в любую секунду.

– Сеньорита, мы не хотим угрожать, но вы нам не оставляете выбора... – забухтел один из них, кажется, все тот же, что и раньше, и Лив, раздраженно посмотрев на него, почувствовала, как теряет последние остатки самообладания.

– Слушай меня еще раз внимательно, инвалид, и включи на этот раз слуховой аппарат, потому что в третий раз я повторять не собираюсь: мне нужен ваш шеф! Усек, слоновьи уши??? Пока я с ним не встречу, я не уйду, и можешь угрожать, пока из тебя зеленая дрянь не полезет, на меня это не действует! Все, я в бар.

И Лив, не обращая внимания на то, что охранники в белых жилетках развернули какую-то бурную деятельность, двинулась к бару, на ходу взяв у Эдди мобильный (своим она все еще не разжилась) и написав Джонни смс: «Я внутри, но охрана решила подтянуть все силы, чтобы выставить меня. Ты только подумай! Буду у бара». В ответ ей пришло неза-

медлительное: «Если что, выводи их из строя своими колоритными репликами. Я скоро буду, Оливка».

Девушка улыбнулась и, легко взобравшись на высокий стул у стойки, заказала себе бурбон. Бармен, с удовольствием скользнув по ней взглядом и оценив с ног до головы, с обаятельной улыбкой поставил перед ней стакан, но, увидев позади нее человек шесть явно агрессивно настроенных здоровых мужчин, которые, как он знал, работали на хозяина этого зала и аукциона, поспешил улетучиться. Настоящий мужчина.

– Сеньорита! Срочно покиньте помещение! – громыхнул злой и очень низкий голос позади Лив, и та гневно развернулась. Увидев шестерых, одинаково одетых, грозных итальянцев, держащих руки под пиджаками, она вдруг ясно поняла: хозяин этого аукциона точно мафиози. Лив чувствовала это на каком-то своем, внутреннем уровне, понимала, что они приехали, куда нужно... А значит, отступать категорически нельзя. Девушка посмотрела на того, кто говорил, самого важного и наиболее озлобленного сицилийца, и решила, что он – начальник охраны.

– Где ваш босс? – невозмутимо заявила она, сложив руки на груди.

«Начальник» побагровел от гнева и прошипел:

– Он не будет тратить время на всяких дрянных шлюшек... Убирайся немедленно, или сильно пожалеешь!..

Лив захохотала, гневно блеснув на него глазами.

– Серьезно??? И что ты мне сделаешь? Убьешь прямо здесь, при всех этих милых олигархах, и вынесешь мое бездыханное тело на ближайшую помойку?? Только выполни напоследок мое единственное желание, дылда безмозглая, – сделала Лив умоляющий взгляд, – разреши сбегать домой, переодеться! Не хочу умирать в этом идиотском платье!

Видимо, «вывести из строя колоритными репликами» у Лив более чем получилось, потому что шестеро мужчин, привлекая уже нехилое внимание немного обеспокоенных гостей, стали наступать на Лив, смыкая вокруг нее тесный хоровод и даже почти вытащив пистолеты. Марти и Эдди в ту же секунду закрыли девушку спинами, вызывающе глядя на сицилийских мафиози, которые, видимо, сначала делают, а потом уже только думают, и не спуская рук с оружия под пиджаками, но холодному конфликту не суждено было перерасти в горячий.

– Эй, Лоренцо, кого вы там собрались убивать в идиотском платье??? Совсем что ли уже??? – проговорил голос...

Лив перестала дышать.

Она могла узнать этот голос из тысячи...

Этот голос заставлял ее сердце трепетать, душу – пищать от восторга, а тело – переставать слушать всякие там команды головного мозга...

Сильный, властный, brutальный... Чертовски обаятельный и притягивающий... Горячий, как адский огонь...

Голова девушки закружилась, а щеки запылали. Она с тру-

дом отвернулась к бару и сильно зажмурилась, мечтая, чтобы это был не он... не он... не он...

Макс. Макс. Макс.

Так стучало ее взволнованное, испуганное как кролик, дрожащее сердце.

– Нет, нет, нет, нет, только не он, Святые Угодники, только не он, только не он!!! – сквозь зубы отчаянно прошептала Лив, жмуря глаза и боясь повернуться.

– Ну-ка, разойдитесь, чего столпились-то? В самом деле, что ли, убивать кого-то надумали?? Лоренцо, я ведь тебе ясно... – голос, видимо, вместе со своим обладателем, распихал охрану и, приблизившись, осекся.

Лив ждала. Она почувствовала его взгляд на себе, и ей стало еще страшнее... Что же будет, когда она посмотрит ему в глаза?? А он, похоже, узнал ее... Во всяком случае, после следующей его реплики Лив могла больше не сомневаться в этом.

– Нет, нет, нет, этого не может... Белоснежка, ты хоть представляешь, сколько алкоголя и распутных женщин мне потребовалось, чтобы забыть тебя??? – голос по-прежнему обжигал, завораживал, заставлял подчиняться ему... Подчинялось ее сердце.

Лив открыла глаза и, глубоко вздохнув, обернулась.

Макс стоял над ней, сложив руки на груди и, чуть наклонив голову, хмурился, слегка улыбаясь.

Время остановилось и... разбежавшись, понеслось назад.

Лив замерла, не в силах вздохнуть, пошевелиться, что-либо проговорить... Он был все также красив: те же темные, волнистые волосы, прядками спадающие на лоб и затылок, те же темные брови; яркие, сияющие огненным притяжением и сумасшедшим обаянием синие глаза, которые сейчас любовно оглядывали снизу-вверх ножку Лив, показавшуюся из-под платья, ее талию, грудь, шею, подбородок, губы, глаза... глаза... и снова губы, как будто он не мог не смотреть на них. Девушка видела тот самый, давно забытый, жадный блеск его решительного, мужественного взгляда, и сама невольно уставилась на его губы...

Да. Она помнила их.

Картинки из прошлого хлынули потоком в ее память, причиняя ей неопишемую боль в груди: их первая встреча в «Аквамарине», его назойливые приглашения на свидание, их первый поцелуй у нее в квартире, первая ночь... О, нет-нет, об этом совсем нельзя вспоминать!!! Она также вспомнила вертолет, его руку, и то, что она отказала ему, ради...

Щелчок. Лив, наконец-то, смогла вздохнуть. Но боль не уходила.

Макс был прекрасен в дорогом черном костюме, подчеркивающим его идеальную фигуру, белой рубашке, расстегнутой на верхние пуговицы и дорогих туфлях... уже не «GY»... Итальянской фирмы. Но Лив не замечала всего этого. Она видела только его глаза и это выражение... Глубоко задавленной боли и страсти... любви... Кажется, какие-то из этих

чувств отражало и выражение ее собственных глаз.

– Босс, эта девчонка угрожала разнести бар, ворвалась без приглашения, провоцировала нас и требовала хозяина! – оправдываясь, забормотал главный из охраны, опустив глаза. Макс огненно и обаятельно рассмеялся.

– Ну да. Это на нее похоже. – он строго посмотрел на мужчин. – Разойдитесь! И Лоренцо... Что за манеры? Кто так обращается с женщиной?

Лоренцо еще сильнее потупился и шепнул:

– Простите, босс. – после чего, все шестеро лопнули, как мыльные пузыри.

Макс покровительственно посмотрел на гостей в зале и успокаивающе произнес:

– Все в порядке, просто недоразумение. Продолжаем веселье.

Шум и разговоры в зале возобновились, а Лив, постепенно приходящая в себя, все никак не могла шевелиться: потрясение от встречи давно потерянного угла любовного треугольника было слишком велико. Макс как будто был тем же... но каким-то серьезным, властным, влиятельным... И таким же чертовски красивым, как и раньше...

Он вздохнул, кажется, тоже приходя в себя, и жадно впитывая каждый изгиб тела Лив, впиваясь горячими, сияющими, синими глазами в ее глаза, волосы, в ее лицо и губы, он проговорил:

– А ты все такая же. Выглядишь потрясно.

Лив слегка покачала головой, чувствуя дикое смущение. Дрожь была такой, что поставь девушка ногу на каблук, он отбил бы чечетку на этом прекрасном паркетном полу.

– Макс... – выдохнула она давно забытое, накрытое теплым одеялом вины и смеси странных, притягательных эмоций имя, спавшее на задворках ее сознания. – Да что ты вообще здесь...

– Максик, дружище! Неужели это ты? Два года прошло с тех пор, как мы не виделись, кошмар! – налетел откуда-то слева теплый, но сегодня чересчур уж горячий вихрь по имени Джонни, с веселой и непринужденной улыбкой оглядевший бывшего лучшего друга и пожав ему руку. Лив вздрогнула и в ужасе посмотрела на него: видел ли он ее замешательство? Прочитал ли ее эмоции? Джонни улыббался, но в его глазах горел огонек бросаемого вызова, искрилась ревность и пылало беспокойство. Лив невольно вздохнула: она никогда не могла ничего скрывать от Джонни... Кроме одного маленького секрета... Но об этом позже. – И кстати, ты сейчас смотришь взглядом голодного крокодила на мою жену, так что давай, переключай мозги в другое русло!

Макс удивленно и снова с некоторой жадностью посмотрел на Лив и весело проговорил:

– Правда??? Я знал, Джонни, что ты захочешь официально узаконить свои права на нее. Только знаешь, друг, если она решит от тебя уйти, то никакое свидетельство о браке не поможет тебе ее...

– Эй! – остановила его Лив, почувствовав, что с приходом Джонни, ее организм получил некоторую перезарядку, но чертова сумасшедшая неловкость от того, что сейчас здесь стоят ее бывший парень и нынешний муж, ради которого бывший, собственно, и был отвергнут, никуда не исчезала, а напротив, росла, как уровень ГМО в продуктах.

– И давно вы женаты?? – полюбопытствовал Макс, изучая глаза девушки с особым пронизательным упорством, напугав ее тем, что он может найти в них то, что ищет.

– Два года. Что-нибудь еще? – триумфально поинтересовался Джонни, с самым хозяйским видом обняв Лив за талию. Девушке стало еще более неловко от этой ситуации и от того чертовски сильного напряжения, которое росло между ними с каждым, подчеркнуто вежливым словом, так что она поспешила сменить тему:

– Так это выставочный центр крестного отца местной шайки? А ты, франкенштейн... – Лив нахмурилась, недоверчиво посмотрев на Макса. – Только не говори, что ты опять заделался консильери у какого-то придурка, возомнившего себя «черным плащом», чтобы случайно не показать людям свою утиную морду и пугливую пернатую натуру?

Макс захохотал, и этот смех, будто перо, пощекотал измучившуюся душу девушки. Она невольно заулыбалась... Так, стоп. Здесь Джонни! И чего это она ударилась в ностальгию?? Забыла, кого любит, глупая девчачья голова?

– «Черный плащ» ??? А еще кто-нибудь меня... – он осек-

ся, но глаза Лив в ужасе расширились. – Может, поговорим в моем кабинете?

Лив медленно слезла со стула, чувствуя, как молот долбит в ее виски и грудь. Нет, это какая-то глупая насмешка судьбы... Так только в идиотских фильмах бывает...

– Будь я проклята десять тысяч раз... – прошептала она, глядя в улыбающиеся и по-прежнему сияющие глаза Макса. – Ты... ты... крестный папаша... сицилийской семьи?!? – девушка медленно посмотрела на Джонни, чувствуя ужас и отчаяние, и не в состоянии понять, что делать дальше. – Так это тебя мы приехали... – Бежать. Бежать. Он ни за что не согласится ей помочь после всего, что она ему сделала...

Макс расширил глаза и зашипел на нее:

– Тише ты, белоснежка, не ори так! Тут, вообще-то, народ немножко не в курсе... Поговорим в моем кабинете? – он посмотрел на Джонни, и тот кивнул.

Бежать. Бежать. Нельзя допустить, чтобы он ошивался рядом с ней и Джонни... Нельзя снова впускать его в свою жизнь...

– Так, мне пора. – Лив отодвинула Макса и, с трудом собрав все складки платья, чтобы не наступить на его подол в спешке, девушка уверенно и быстро двинулась ко входу.

– Оливка, ты куда? – удивленно спросил Джонни. Лив обернулась и, не останавливаясь, крикнула через плечо:

– В аэропорт. Мне нужно поменять билеты до Нью-Йорка на сегодня. И пусть папаша, старый гениальный пень, сам

разбирается с этим павлином!

Лив не успела повернуть голову, чтобы посмотреть, куда она так летит, сжимая юбку от платья в руках, как неожиданно наткнулась на кого-то и даже отшатнулась. Подняв глаза, чтобы принести извинения, девушка так и замерла, второй раз за день просто прилипнув к месту, на котором стояла: перед ней, в приталенном темно-малиновом пиджаке, синей рубашке и черном шейном платке, слегка переминаясь с ноги на ногу в светло-бежевых брюках и черных туфлях стоял несравненный Эрнесто собственной туманной персоной. Его серые глаза с улыбкой разглядывали Лив с ног до головы, и среди тумана девушка уловила пронизательность, живой аналитический ум и то странное притяжение, что не давало ей чувствовать свой беспощадный, разрушительный гнев к нему и убить его на месте...

– Оливия? Куда ты так спешишь? – тихо и вкрадчиво спросил Эрнесто, взявшись поигрывать своей фенечкой руками в неизменных перчатках. – Ты что, уже уходишь? Встреча с крестным отцом прошла не так, как вы планировали? И при чем здесь павлин? Помнится мне, ты так называла одного человека...

– Чего пристал, кузнечик? – злобно проговорила Лив, вернув себе привычное состояние гнева от его расспросов. – Во что теперь играешь? «Убей врага тысячей дебильных вопросов»? Хочу и спешу, отойди, пока крылышки не пообломала.

И девушка попыталась обойти Эрнесто, но тот мягко взял ее за руку и остановил, вглядываясь в толпу:

– Постой-ка, сестра... Неужели и правда?? – он вдруг радостно захохотал. – Так новый Дон – это Макс Вератти! Тот самый Макс! Вот почему ты убегаешь... Ну что ж. Эта победа досталась мне почти без боя... Макс не согласится помочь тебе после всего, что было тогда... А у меня есть кое-что, от чего он точно не сможет отказаться... Не печалься, милая, – заметив отрешенное лицо Лив, проговорил Эрнесто, – думаю, он не сделает тебе больно... физически, даже если будет воевать на моей стороне. Но вот от твоих душевных терзаний тебя, к сожалению, никто не спасет... Бедняга Джонни... Может, ты все-таки ошиблась с выбором тогда?..

Лив думала. Она слушала то, о чем говорил ей Эрнесто, и с каждым его саркастичным словом все больше убеждалась в том, какая же она дура и трусиха. Если она сейчас упустит шанс переманить Макса на свою сторону, то позволит Эрнесто сунуть к себе в фиолетовый рукав хорошенького короля с целой сицилийской свитой... Сил ее семьи не хватит, чтобы победить их союз. Но и это не так важно сейчас. Не его слова. Не его чертова игра. А Джонни. Джонни, который остался там и который видел ее реакцию на Макса, очень красноречиво прокричавшую о том, что он ей до сих пор небезразличен... Что она только что окончательно доказала, сбежав оттуда минуту назад.

Решительно и гневно посмотрев на Эрнесто, Лив насмеш-

ливо улыбнулась:

– У тебя слишком богатая фантазия, насекомыш. С чего ты решил, что Макс не согласится?? И я вовсе не убежала, просто... – она прищурилась, лихорадочно соображая. – Просто кто-то сказал, что мою машину с парковки угоняют, хорек. Ты ничего такого не видел своим пуховым рыльцем???

Эрнесто грустно покачал головой.

– Опять грубишь? Оливия, пожалуйста, не делай этого, я очень не хочу наказывать тебя! И врать нехорошо.

– Я не вру, клоп. – спокойно и самоуверенно заявила Лив. – Так ты к Максусу? Тебя проводить? Или твоя жалкая попытка подождет до окончания моего с ним разговора?

Эрнесто мягко засмеялся и вздохнул.

– Так и быть, сестра, предоставлю право первой поговорить с ним тебе. Назначу ему аудиенцию на завтра... Торопиться некуда, я все равно не проиграю.

– Ха! Наивный насекомыш. – усмехнулась Лив и, развернувшись, помчалась обратно к мирно беседовавшим Джонни и Максусу.

Парни удивленно посмотрели на нее, а Марти и Эдди, как-то случайно потеряв ее из виду несколько минут назад, вздохнули с облегчением, когда пропажа сама нашлась.

Лив посмотрела на Джонни и кивнула на важно вышагивающего пружинистыми шагами в толпе Эрнесто, в компании своих пешек, и шепнула:

– Он здесь. – переведя взгляд на Макса, который с восторгом пялился на ее ноги, она, подавив в себе дикую дрожь, проговорила:

– Ну так где твой кабинет? На Луне? Или в подвале? Давай, франкенштейн, шагай, нам надо поговорить.

Макс ухмыльнулся и двинулся в сторону лестницы с левой стороны зала.

– Белоснежка, твой командный голос стал еще сексуальнее... Было на ком поупражняться, да? – шутливо проговорил он, с вызовом посмотрев на Джонни, который беспечно пожал плечами:

– Мы много в чем упражнялись, Максик, все-то тебе нужно знать...

– Хватит! – прикрикнула на них Лив, чувствуя себя все хуже и хуже от их словесного противоборства в желании доказать, кто круче.

– А эти разноцветные дядьки, это кто? – с интересом кинул взгляд на Марти и Эдди Макс.

– Сам ты дядька. – хмыкнула Лив. – Это моя охрана. Друзья мои, короче. – она с ухмылкой переглянулась с Марти и Эдди, и те заулыбались в ответ на ее слова.

Макс тоже улыбнулся, но ничего не сказал.

Они поднялись на второй этаж и вошли в резную, деревянную дверь, за которой и находился обычный рабочий кабинет хозяина выставочного центра, с различными фарфоровыми безделушками вдоль стен, массивным письменным

столом у окна, которое выходило в выставочный зал, кожаными креслами для гостей и неизменным спутником любого кабинета богатенькой шишки – баром, расположенным по левую сторону помещения.

– Милая комнатка. – сказал Джонни, устроившись с самым расслабленным и самоуверенным видом в кожаное кресло и с любопытством оглядываясь вокруг. – Совсем в духе крутого, современного мафиози... Максик, а где мешки ворованных денег? Где разбросанные без дела пистолеты? Где горки героина, пылью покрывающие поверхность стола?

Макс расхохотался и снял пиджак, небрежно бросив его на спинку своего кресла.

– Прости, дружище, забыл всю эту атрибутику дома. Так что вы здесь делаете?? Лив, хочешь что-нибудь?? – вежливо поинтересовался хозяин у девушки, с интересом рассматривающей зал через окошко и наблюдающей во все глаза за тощей, несурзной блондинистой фигурой в малиновом пиджаке.

Она очнулась от раздумий и посмотрела на Макса, стоящего у бара и указывающего на напитки.

– А чего ты Джонни выпить не предложишь? – нахмурилась она. – У меня на лице что, штамп алкоголизма отпечатался?

Макс весело и немного нагло посмотрел на Джонни, который, подняв брови, улыбался, ожидая его ответа, и пожал плечами:

– Нет, просто подумал, что тебе нужнее... Ты выглядишь взволнованной.

Лив почувствовала, как шапка злости резко упала ей на глаза и прошипела:

– А ты поменьше думай, франкенштейн, а то последние мозги в пар превратятся!! Лучше расскажи, как так получилось, что ты теперь здесь босс??? Все эти твои воины в жилетках что, ослепли и оглохли на оба уха, когда пошли за тобой???

Макс огненно улыбнулся и, налив себе и Джонни виски, расселся в кресле, бросая горячие взгляды на фигуру девушки сзади, чем еще больше сердя ее мужа.

– Нет, белоснежка, просто кое-кого убил, кое-кому командовал, кое-что сделал... Это скучная история. Так зачем вы здесь?

Лив ухмыльнулась и снова посмотрела в зал, чувствуя, как сходит с ума от нереальности происходящего.

– Одиндохлый кузнечик, в простонародье величающий себя моим сводным братом, сыном Рико Карелли и Алисы Фелбс и главой могущественного Чикагского синдиката в одном лице, вдруг вздумал сыграть со мной и моим папашей в веселую игру под названием «Убей себя сам, или я сдам тебя с потрохами в ФБР». Этот чертов таракан пришел к нам домой и грозился флешкой, битком набитой автобиографическими фильмами из моей прошлой жизни, а все ради того, чтобы мы плясали под его дудку, кукловод чертов... –

Лив сжала кулаки и злобно посмотрела на худенькие плечи и густую, курчавую шевелюру Эрнесто, мечтая выпрыгнуть из этого окошка и приземлиться прямо на него, сломав ему при этом шею в трех местах. – Но я его переиграю, он не знает еще, с кем связался, насекомый задохлый, убью, убью!!!

Макс выслушал этот странный опус из жизни животного мира и с ухмылкой посмотрел на Джонни, указав на Лив:

– Джонни, мне не нравится этот ее взгляд... Только не говори, что она решила повоевать с Чикагским синдикатом и приехала сюда, чтобы завербовать сицилийцев на свою сторону...

Джонни развел руками и спокойно проговорил:

– Ну... ты, вообще-то, прав, Макс. Так оно и есть.

Макс захохотал и, встав, подошел к Лив, остановившись рядом с ней в нескольких сантиметрах от ее плеча... Девушка с трудом вздохнула. Она ощущала тепло, исходящее от его сильной руки, чувствовала его жгучую, мужскую энергетику, такую жесткую и страстную, такую обаятельную и решительную... Черт, да как же так!?!?

– Может, расскажешь все нормальным языком? – попросил Макс, обращаясь к Джонни и глядя то в зал, то, с тем же жадным огнем – на профиль Оливии, чувствовавшей его синие глаза на себе и потому не поворачивавшейся к нему. – А то истории о каком-то насекомом вперемешку с угрозами и вариантами расправы оставляют много белых пятен.

Джонни расхохотался, а Лив, раздраженно посмотрев на

Макса, хотела было сообщить насчет белого пятна, которое от него останется, если он не прекратит ее подкалывать, как тут появилось еще одно действующее лицо.

Дверь в кабинет распахнулась, и вошла девушка. Все присутствующие обернулись на нее. Она была высокой, ростом почти что с Макса или Джонни, но ей в этом еще помогали длинные шпильки, вытягивающие и без того бесконечные ровные ноги. Она была жгучей брюнеткой, как и полагается коренной итальянке, волосы, прямые и блестящие, были острижены в каре до плеч. Лив не могла бы при всем желании назвать ее страшенькой, напротив, она обратила внимание на ее яркие, притягивающие глаз, черты лица: голубые глаза, тонкие темные брови, носик, чуть вздернутый кверху, и алые губы, покрашенные дорогой красной помадой. Кожа нежная и ровная, на щеках – игривый румянец, длинные, пушистые ресницы... Лив ощутила укол ревности, которой в принцип не должно было быть. Ну уж очень яркой оказалась эта брюнетка... И Джонни, вон, во все глаза смотрит на нее... Ах ты, черт, этот зеленоглазый уже включил все свои чары обольстителя! Страсть и азарт так и прет, ну погоди же...

Брюнетка была одета по-деловому, но со вкусом и изяществом: красный модный пиджак с рукавом в три четверти, черная свободная блуза с каким-то шикарным колье из красных камней на шее, черная узкая юбка, обтягивающая бедра и заканчивающаяся сантиметров на десять выше колена, и

бархатные туфли ей в тон...

Лив уже заранее не любила ее и не любила себя за то, что позволяла себе не любить ее.

– Макс, там аукцион начался, если хочешь поучаствовать, то... – начала красотка деловым тоном и осеклась, увидев в кабинете начальника гостей. Она внимательно, оценивающим взглядом голодной акулы осмотрела Лив с ног до головы, видимо, обратив внимание на то, что она стоит слишком близко к Макс, и девушка буквально почувствовала насмешку и превосходство, а также самоуверенный эгоизм. Она холодно улыбнулась, получив от Лив злобный, прищуренный взгляд, и перевела акулы глазки на Джонни. Судя по вспыхнувшему блеску и интересу, он ей понравился куда больше: отличный костюм, прекрасная фигура, правильное, чертовски красивое лицо, яркие зеленые глаза, темные волосы... Она вдруг улыбнулась опасной улыбкой обольстительницы и получила в ответ обаятельную и невероятно горячую улыбочку с очаровательными ямочками в качестве дополнения.

– Ой, прости, не знала, что у тебя гости. – сказала брюнетка таким голосом, от которого уровень гнева в груди Лив подскочил еще баллов на десять. Эта черная дьяволица решила пофлиртовать с ее мужем! От нее за километр несет заигрыванием на профессиональном уровне!!! Ударить головой об стол и выбросить из этого окна... Нет, лучше ударить головой об голову Джонни и выбросить из окна обоих... Лив

улыбалась, но в душе ее царил погром.

– А вы кто? – мило и огненно спросила, тем временем, акула, сделав несколько движений в сторону Джонни.

Макс ухмыльнулся и сказал:

– Аврора, это мои... друзья из Штатов. В кресле, с видом «получу любую женщину, какую захочу», сидит Джонни О-Коннел, сын Оливера О-Коннела, босса мафии Нью-Йорка. А это...

– Оливия Мартинес??? – вдруг живо и с огромным удивлением закончила за него Аврора, медленно подходя к Лив и снова смерив ее презрительно-насмешливым, оценивающим взглядом... Который, впрочем, Лив вернула ей сполна. – Та самая, Макс??? Девчонка, которая бросила вызов твоему боссу, вскружила тебе голову и отвергла ради какого-то придурка из своего безрадостного детства???

Лив удивленно вытаращила глаза и посмотрела сначала на Макса, потом на надменную красотку, стоящую рядом и возвышающуюся на добрых две головы над ее макушкой с холодной ухмылкой, и проговорила:

– Смотри-ка! Так ты, франкенштейн, так старательно несколько месяцев прикидывался бегонией в горшке, чтобы, не дай Господи, кто-нибудь не прознал, что ты тут – крестный папочка, зато обо мне растрезвонил всяким цаплям на тонких ножках!!! И кстати, мне в начале показалось, что Джонни пришелся тебе по душе... Так ты всегда обзываешь придурками тех, кого намереваешься затянуть в свои паучьи

сети, черная вдова? Какая-то странная логика оболъщения мужчин... – Лив ухмыльнулась, увидев удивленный блеск в глазах Авроры, которая, надо отдать ей должное, довольно быстро справилась с неловкостью и вернула своему лицу насмешливо-высокомерное выражение, недовольно глядя на малышку-блондинку и на то, как та доверительно заглянула в глаза Макс, и недовольно спросила:

– Макс, это вообще кто?

Макс ухмыльнулся, подняв брови, и, кажется, замечая, что в кабинете творится какая-то чертовщина, весело проговорил:

– Лив, это Аврора. Мой консьюери.

Лив удивленно вытаращила глаза на Аврору, гордо задравшую свой вздернутый нос еще выше.

– Консьюери??? – она захохотала. – Придурок ты, павлин! И в каких это вопросах она тебе советует? Как подобрать рубашку к галстуку? Или как очаровать симпатичного парня??? Ну ты и идиот!!!

Аврора рассмеялась и потянулась, очень гибко прогнув спину, почти как черная, изящная кошка. Надменно посмотрев на Лив, она повернулась и направилась к креслу, проговорив:

– Милая моя малышка! Просто кого-то, помимо внешности, природа одарила еще и мозгами, так что завидуй молча! – она села в свободное кожаное кресло и, подкатившись на его колесиках вплотную к Джонни, эффектно закинула

одну длинную ногу на другую и, наклонившись к нему, нежно и призывно улыбнулась:

– Извини за придурка, Джонни, просто я никак не могла предположить, что такой шикарный, – она снова акульим взглядом осмотрела Джонни с ног до головы, за что он огненно ей подмигнул, – и сексуальный мужчина может оказаться мужем этой маленькой, грубой дурынды.

– Я на красивых девушек никогда не сержусь, милая Аврора. – горячо проговорил Джонни и тоже наклонился к ней, обжигающим взглядом пройдя по ее колену, тонкой, нежной руке с длинными пальцами и шее, остановившись на алых губах. Лив ощутила не просто взрыв, а бешеную лавину ревности, приняв несколько секунд, в течение которых лица Джонни и Авроры находились довольно близко друг к другу, а их глаза игриво застыли на губах с ярко выраженным желанием попробовать их на вкус, за целую вечность. Но маленькая, не пылающая убийственным гневом частица в ее мозгу, называемая здравым смыслом, все-таки сумела донести до ее разбушевавшегося сердца мысль, что Джонни таким нехитроумным способом мстит ей за Макса. – Только не обзывай мою девочку, договорились?

Аврора пожала плечами и с вызовом и снисхождением посмотрела на Лив, наконец, прервав этот недвусмысленный зрительный контакт:

– Ладно уж. Но ответь мне на один вопрос: что вы двое таких эффектных красавчиков в ней нашли?? Это что, изящ-

ная форма мазохизма какая-то??

– Нет, цапля, – ответила еле сдерживающая гнев Лив с холодной улыбкой, – просто кое-кого природа одарила не только внешностью, но и мозгами и... как ты там говорила? Забудь молча.

Аврора сочувствующе посмотрела на Джонни и снова – на Лив, откровенно насмехаясь всем своим видом:

– Какая самоуверенная малышка... На твоём месте, я бы лучше присматривала за своим мужем: такого, как он, непросто удержать в своих руках... А ты, я смотрю, даже не ревнуешь, глупышка.

Джонни игриво подмигнул Лив, которая всеми силами пыталась изничтожить такую остроумную цаплю глазами, и весело улыбнулся:

– Ты ошибаешься, Аврора. Она иногда ревнует. Когда я хожу в ресторан или в другие общественные места без нее...

Аврора ласково, по-кошачьи, посмотрела на него и, бросив на Лив презрительный взгляд, нежно проговорила:

– Просто твоя жена – еще маленькая, глупая девочка, которая никак не может понять, что мужчине можно увести в два счета, не пугаясь при этом ее грозного присутствия!

Лив сжала кулаки, чувствуя, что если сейчас это все не остановить, то ее просто «прорвет», и кажется, Макс услышал ее мысли, потому что нахмурился и проговорил:

– Так... Идиотизм набирает обороты... Аврора, иди в зал, ты вообще помнишь, зачем мы все это устраивали? – он ука-

зал на окно позади себя.

– Конечно, Макс. – угрюмо ответила Аврора с видом, будто у нее отбирают вкусную конфетку. – Надо отмыть пять миллионов... Есть какие-нибудь предпочтения? – она встала.

Макс посмотрел в окно, затем – с нежным сиянием в глазах – на Лив, и спросил:

– Белоснежка, может, тебе что-нибудь понравилось? Я с радостью куплю тебе все, что пожелаешь.

Лив вздрогнула и посмотрела в зал, затем хихикнула:

– Да, понравилось, франкенштейн, мне понравился вон тот симпатичный хрустальный шар... Может, если я поколдую на нем, он превратит твоего советника обратно в жабу? А то человек из нее, прям скажем...

– Все, Аврора, иди. – вздохнул Макс, и Аврора с победной улыбкой вышла из кабинета. – И к твоему сведению, это не магический шар, а светильник дочери короля Генриха III...

Лив прыснула.

– Очень жаль! Может, наконец, поговорим о деле?

Через пятнадцать минут пространных рассказов и подробных характеристик Эрнесто Карелли все трое угрюмо пялились на блондина из окошка кабинета, сложив руки на груди.

– Значит, вон тот странный тип в одежде из гардероба работников цирка узнал о планах твоего отца пригласить меня на помощь и, не стерпев поражения, отправился за вами,

чтобы предложить мне что-то супер-классное, гораздо лучшее, чем может предложить Эйден? – задумчиво проговорил Макс. – Да... Психиатрическая больница могла проводить на нем шикарные эксперименты. Я с ним, конечно, встречу. – добавил он серьезно.

Лив посмотрела на Макса, украдкой обратив внимание на такой знакомый ей мужественный профиль, задумчивые, сияющие жестким, решительным светом глаза, и ее снова накрыло мучительное чувство вины и замешательства, вперемешку со страхом.

– Мой отец готов предложить тебе что угодно, если ты согласишься помочь ему. – сказала Лив, нахмурившись. – Но вообще... Я пойму, если ты откажешься и выберешь его. У него больше шансов на победу... да, черт побери, у него все козыри в руках! Мы не можем его вычислить, не можем выследить, не можем сделать и шаг влево, без того, чтобы он не узнал об этом! И у него есть эти чертовы видео... Не говоря уже о мощи чикагской семьи.

«И нет той, которая разбила твое сердце», – подумала про себя Лив, но говорить это вслух и не требовалось: Макс и так все понял. Он посмотрел на Лив внимательным взглядом и проговорил:

– Я должен встретиться с ним. После этого, я приму окончательное решение, белоснежка. Это будет справедливо.

Лив только кивнула, не в силах отвести взгляда от его синих глаз. Джонни внимательно посмотрел сначала на него,

затем – на нее, после чего взял Лив за руку и потянул к выходу со словами:

– Ладно, Макс, раз мы обо всем поговорили, то нам, пожалуй, пора, а то поздно уже, темно на улице, а Кальтаджироне кишмя кишит разными там мелкими хулиганами и воришками! Видел бы ты сводки новостей! Ух! Идем, Оливка, и смотри под ноги, ты же не хочешь наступить на свое любимое платье?

Лив позволила Джонни увести себя, слушая его легкомысленный треп, но все еще глядя на Макса, который провожал ее жадным, собственническим взглядом, сияющим так сильно, что ее сердце с каждой секундой дрожало все больше.

– Где вы остановились? – спросил Макс.

– В «Желтом одуванчике». – сказала Лив, опустив глаза. –
Номер 328.

Макс кивнул.

– Завтра позвоню. Спокойной ночи, снежная королева.

– Пока, павлин. – быстро бросила Лив и выскочила за дверь, проклиная себя за свои слабости, за свои проснувшиеся воспоминания, за то, что до сих пор она что-то испытывает к нему, и это только усложняло все поставленные перед ними задачи...

Джонни злился.

Лив шла за ним, глядя на его сосредоточенное лицо, не чувствуя его обычного тепла, обаяния и притяжения, а только тонкий холодок... А ведь она любила его! Любила до ужа-

са, до безумия, до смерти! Она не могла без него жить, дышать, смеяться... А сегодня она посеяла в нем зерно сомнения, причинила ему боль...

Остро ощущая дикую злость на саму себя и болезненное покалывание в груди, Лив стиснула зубы и, сама того не замечая, руку, которой держалась за его ладонь. Джонни обернулся на нее, но ничего не сказал, а просто продолжил уводить из выставочного центра, пробираясь между людьми. Одни только эпатажно разукрашенные братики с самым обычным, скучающим видом шли следом и не подозревали о бурях чувств, творившихся в душах их подопечных.

Терзаемая чувством вины перед мужем и мыслями о том, что ей нужно будет сказать, чтобы успокоить его, Лив не заметила, как они подошли к «Ягуару». Но сесть в него она не успела. Джонни вдруг резко развернул ее к себе и дико поцеловал, не сдерживая мощной, кипящей лавы внутри себя, с огромным отчаянием, грубо, не церемонясь и не пытаясь даже хоть немного быть ласковым с ней... Взрыв внутри нее, она целовала его в ответ, пытаясь избавиться от боли, которую причиняла вина ее сердцу, и тихо растекаясь в его руках... А он прижимал ее все сильнее, целуя все горячее и требовательнее, будто они не были на улице, будто вокруг них не ходили целые толпы нарядных и важных мужчин и женщин, будто Марти и Эдди не пялились на них так удивленно, никогда прежде не наблюдая за их взаимоотношениями, потому что пара предпочитала вести себя прилично на

публике...

Оливия чувствовала его жгучую, отчаянную, объятую адским пламенем ревность, умирая от его страсти и напора и потихоньку ускользая в мир собственного удушающего вулкана, который запустил ее сердце в бешеном ритме, заставил дрожь пройти по телу, а низ живота – сладко занять от страсти... Его руки жгли кожу на спине, чуть не до боли сжимая ее в своих пылающих ладонях, Лив почувствовала его пальцы под тонкой тканью выреза, когда он опустил руку ниже, к пояснице, и тяжело выдохнула... Пульс, пульс, становится все горячее, поцелуй теряет грубость, превращаясь в нежность и ласку, но напор остается... Лив не могла вдохнуть, не могла выдохнуть, собственное пламя перехватило ей горло, она тонула в его руках и бешеной, неукротимой энергии, в его безумной любви к ней...

Минуты или секунды прошли, пока они стояли так у своей машины и целовались, забыв обо всем на свете в этом мире и о том, что они здесь не совсем одни для демонстрации подобных сцен, но, наконец, Джонни перестал целовать ее и выдохнул, заглянув в ее глаза... Лив смотрела и смотрела в его черные – черней, чем небо над головой – жадные, наполненные необузданным желанием, зеленые глаза и пыталась прийти в себя, ощущая, как горят ее губы от жесткого поцелуя и как дрожит все тело от невероятной слабости, будто она бежала кросс по гористой местности... Все в ее душе тянулось к нему, каждая клетка ее тела впитывала его сия-

ние, а она ждала... Нежно дотронувшись рукой до его щеки, ощущая какую-то затаенную боль и страх, но мечтая, чтобы он не замечал этого, она с любовью и нежностью провела ладонью по его шее и опустила на грудь, слушая ускоренный ритм его сердца, но только глядя в эти глаза... Джонни тоже тяжело дышал, но не смотря на переполнявшую его страсть, был серьезен... Лив испугалась еще больше... Он никогда не был серьезным, он всегда улыбался... но и таких грубых поцелуев он никогда ей не дарил, обращаясь бережнее, чем с самым бесценным сокровищем этого мира...

– Джонни... – в бесконечном ужасе шепнула она, при этом чувствуя, как сходит с ума от безумной смеси желания и душевной боли.

Джонни вдруг снова вздохнул, как бы приходя в себя, и тихо сказал самым серьезным голосом:

– Оливка. Ты должна знать одну вещь. – в душе Лив произошел мощный обвал снежной лавины, она затряслась, закусив губу от страха... Только не говори, что мы расстаемся, или что-то в этом роде... Только не это... не это... не это... Но Джонни сказал кое-что другое, по-прежнему не отводя от нее своих горящих, зеленых глаз. – Ты прекрасна. Ты совершенна. Ты идеальна для меня. За твой смех, я отдам все, что у меня есть, до последней вещи. За твой взгляд, я переверну весь этот мир к чертям собачьим, только попроси. За всего лишь одну каплю твоей любви ко мне – я умру сто миллионов раз любой, даже самой мучительной смертью. За твой

стон в моих руках... – его глаза потемнели еще, хотя казалось, дальше уже некуда... Лив жадно ловила каждое слово и пребывала в лучах эйфории... Солнце светило в ее голове, птицы пели в ее душе, любовь разрывала ее сердце... Неужели она и правда слышит все это сейчас?.. Знал бы он, на что она готова, лишь бы услышать эти слова снова... Вспышка, вспышка, вспышка... Ее щеки запылали... Она закрыла глаза, мечтая услышать конец фразы, и вцепилась в его пиджак с невероятной силой в маленьких ручках, а в животе вновь происходил переворот... – Я продам душу дьяволу и буду делать это снова и снова, чего бы мне это ни стоило. – закончил он, и Лив, дрожа всем телом, открыла глаза...

Она знала, почему он это говорит. Она также, как и он, могла читать в его глазах. Страх ее потерять ревность ревность Макс Макс ревность ревность страх ее потерять – пронеслась линия звуков в ее голове... Черт, нужно немедленно все исправить, или она возненавидит себя на веки-вечные, срочно, срочно!!!

Но Лив не могла отвечать, все в этом мире исчезло: слова, звуки, окружающая их природа... Она слышала только стук собственного сердца и повиновалась его приказам... Потянув его за пиджак на себя, она сама поцеловала его, нежно, жарко, со всей своей безграничной любовью к нему, но тут же отстранилась, мечтая только о том, чтобы скорее попасть в отель, где они остановились, и еле слышно шепнула ему в губы:

– Поехали скорей.

Джонни наконец-то улыбнулся, внимательно присмотревшись к выражению ее глаз, и открыл перед ней дверь машины.

Эта поездка была одной из самых длинных в жизни Лив. Темные улицы были пустынные, Джонни ехал на предельно возможной скорости, но Лив казался каждый запрещающий сигнал светофора вечностью, каждые сто метров – как чертов миллион километров, каждое снижение скорости перед пешеходным переходом – отвратительной насмешкой...

Вся окружающая действительность превратилась в смазанный, темно-синий фон, изредка окрашивающийся оранжевыми полосами встречных фар или уличным, оставляющим желать лучшего по своей яркости, освещением, а в голове девушки четкими линиями оставался только салон «Ягуара», Джонни за рулем, сосредоточенно глядящий на дорогу и периодически – на нее, и его слова, раз за разом повторявшие в ее голове: «Ты идеальна для меня» ... Лив не могла поверить в это. Разве может она быть идеальной хоть для кого-то? Злобная, наполненная ядом, карикатура на взрослую женщину, заключенная в тюрьму собственных комплексов и имеющая серьезные проблемы с контролем гнева... Что в ней есть хорошего?? Она миллион раз задавала себе этот вопрос, когда прокручивала в голове свою же историю прошлого и пыталась понять, почему Джонни не оставил ее еще тогда, когда она в, мягко говоря, нелестной форме

отправляла его куда подальше, обзывалась, что и до сих пор никак не может в себе притормозить, вела себя совершенно по-дурачки? Как он мог полюбить ее такую? Другое дело – Макс. Для него она была определенным образом, возможно каким-то чудом попав в тот типаж женщин, который ему невероятно нравится, но, по воле случая, не встречавшийся ему на пути до нее... Да что уж говорить, он сам был для нее образом, идеализированным до последнего штриха, да и сейчас, если присмотреться, особо отталкивающих недостатков в нем даже с помощью хирургического вмешательства не найдешь...

А Джонни... Лив посмотрела на него, вздохнув и склонив голову на подголовник сиденья. Вот он и правда идеален... Она внимательно посмотрела на его лицо – прекрасный, мужественный профиль, на его темные брови и пушистые ресницы, на его губы... Он лучился такой мощной энергетикой, какой не было в ней самой, тем теплом и той надежностью, которой ей в жизни так недоставало, которая питала ее, заставляя дышать, заставляя верить в то, что счастье и семья – неразделимые понятия, главной основой которых была и остается любовь.

Она разглядывала его, чувствуя, как мысли в голове становятся все тише, а на смену им приходит невероятно сильное желание снова коснуться его, оказаться в его объятьях, ощутить его губы на своих губах и сделать все, чтобы передать ему свои чувства. Чтобы он никогда и ни секунды не

сомневался в ней...

Первый светофор. Джонни затормозил на перекрестке, ожидая зеленого сигнала, и горячо посмотрел на Лив. Она встретилась с ним глазами, но тут же ее взгляд поплыл по его шее к плечу и дальше, по руке, лежащей на рычаге переключения передач всего в каких-то нескольких сантиметрах от ее бедра, открытого не без помощи того самого нелюбимого ею выреза на платье... Джонни проследил за ее глазами и, заметив, как жадно она смотрит на его руку, вдруг нежно коснулся ее бедра костяшками пальцев той самой руки, огненно проведя по ее коже вдоль кромки выреза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.